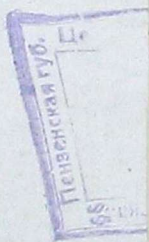

355

c29

м. 750

28/5
15/3

Мис. 750. ~~Ввод. II - 1/188~~

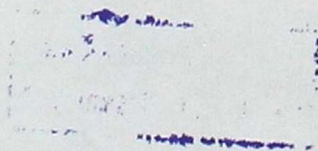
~~Син. : N 948.~~

Моск. Губ. Центр.
ИЗДАЕМ. БИБЛИОТЕКА.

ИНВЕНТАРЬ
N 15430.

27/80c

М. 750 *Вид. II - #158.*
~~*М. 750*~~ *№ 158*
КАПИТАНЪ 1-го РАНГА
Г. СЕЛЕЦКІЙ.

❧ ДНЕЙ ❧

въ плѣну
у

японцевъ

9/15
Пенз. Сбл. биб-ка
им. А. И. Лермантова

Иванъ В. Березовскій

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
С.-Петербургъ, Колокольная, 14.
1910.

2988.

230

Посвящается

незабвенной памяти

Вице-Адмирала

Степана Осиповича

Макарова.

„Помхи о войнѣ“.

Handwritten text, possibly a signature or date, located in the upper right quadrant.

Handwritten text, possibly a title or heading, located in the center of the page.

Handwritten text, possibly a date or reference number, located in the lower left quadrant.

Handwritten text, possibly a signature or name, located in the lower center of the page.

Handwritten text, possibly a signature or name, located at the bottom of the page.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Глава I. Тридцать сребрениковъ	1
„ II. Пиратскій захватъ въ плѣнъ.	15
„ III. Сасебо	24
„ IV. Призовый судъ	40
„ V. Жизнь въ Сасебо	50
„ VI. Второе взятіе въ плѣнъ	73
„ VII. Мацу-яма	80
„ VIII. Храмъ Дай-Ринъ-Дзы.	84
„ IX. „Съ сочувствіями и утѣшеніями“	115
„ X. Бой и гибель контръ-миноноса „Стерегушій“	126
„ XI. Кокайдо.	131
„ XII. Идебучи-мачи.	160
„ XIII. Жизнь плѣнныхъ въ Мацу-ямѣ	172
„ XIV. Предложеніе прогулокъ безъ конвоя.	198
„ XV. Мои свободныя прогулки	205
„ XVI. Заключеніе мира и отъѣздъ изъ Японіи.	215
„ Заключеніе.	229

ОТЪ АВТОРА.

Надвигающіяся грозныя событія на нашемъ Дальнемъ Востокѣ и начинающіяся заботы нашего правительства объ охранѣ несмѣтныхъ дальне-восточныхъ богатствъ, которыя до этого времени свободно расхищались иностранцами и въ особенности японцами, очень мало намъ знакомыми, — навело меня на мысль издать свои воспоминанія о знакомствѣ съ этимъ народомъ, который я знаю съ 1880 года и который не ставлю на ту высоту, какую ему стараются придать послѣ нашей несчастной Русско-Японской войны.

Нашествіе японцевъ на материкъ — не первое въ ихъ исторіи. Въ прежніе вѣка эта нація также дѣлала подобныя набѣги и, по ограбленіи всего, что было возможно, возвращалась къ себѣ на острова, гдѣ и жила очень спокойно до тѣхъ поръ, пока ея народонаселеніе не разрослось до такого количества, котораго острова уже не могли прокормить.

Въ изобрѣтательность японцевъ я также мало вѣрю, но педантично выработанную систему дѣйствій, при настоящей общей безурядицѣ, ставлю

очень высоко. Довольно познакомиться съ исторіей Японіи, чтобы сразу увидѣть: набѣги ихъ на материкъ въ прежнія времена и въ эту войну мало чѣмъ разнятся. Даже дорога ихъ набѣговъ на материкъ (черезъ Корею) съ древнихъ временъ носить названіе „Великой Японской Военной Дороги“.

Если лучше ознакомиться съ исторіей Японіи и съ самими японцами, то русская пословица: „Не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ“ — окажется примѣнима и къ нимъ.

Георгій Селецкій.

ГЛАВА I.

Тридцать сребрениковъ.

Не такъ давно окончилась наша несчастная Русско-Японская война, но послѣдующая за ней все-россійская анархія затуманила многія событія этой войны; конечно, у тѣхъ, кто знаетъ ихъ только по наслышкѣ, а не перенесъ лично. Перенеся такія событія, забыть ихъ нельзя, и они нерѣдко серебрять головы тѣхъ, кто принималъ въ нихъ непосредственное участіе.

Многіе считаютъ, что война началась съ боя крейсера „Варяга“, а до тѣхъ поръ все обстояло благополучно, и Японія ничѣмъ не показывала своихъ враждебныхъ намѣреній. По моему мнѣнію, война эта не была сюрпризомъ даже для чернорабочихъ на Дальнемъ Востокѣ, а тѣмъ болѣе не должна была быть сюрпризомъ для тѣхъ, кому надлежало наблюдать за политическими отношеніями между нами и японцами.

Какъ свидѣтель первыхъ враждебныхъ дѣйствій Японіи противъ насъ, я, по просьбѣ близкихъ мнѣ людей, согласился описать ихъ и этимъ дать возможность, принимая во вниманіе нѣкоторые факты, предшествующіе этой войнѣ, на будущее время быть осторожнѣе на нашемъ Дальнемъ Востокѣ, чтобы опять не попасть въ такой же просакъ.

У насъ съ незапамятныхъ временъ сложилось мнѣніе, что азіаты коварны; но вѣдь и японцы, азіаты, хотя и оскорбляются, если ихъ называютъ таковыми. Многіе, обвороченные ихъ лъстивостью, не только до войны, но даже и теперь, видятъ въ нихъ добродушный народъ, доходящій до наивности и заботящійся только о своемъ насущномъ хлѣбѣ. Хорошо зная Японію и японцевъ съ 1880 г., т. е. почти 29 лѣтъ, я этому могъ вѣрить только въ первые годы моего знакомства съ ними, но, познакомившись ближе, я сталъ совершенно другого мнѣнія о нихъ. Ихъ напускная корректность и вѣжливость можетъ обмануть только тѣхъ, кто ихъ мало знаетъ; но стоитъ этимъ пріемамъ противопоставить такую же корректность и прикинуться наивнымъ, какими и они стараются казаться,—это ужъ становится не подъ силу японцу: онъ начинаетъ желтѣть какъ лимонъ, глаза его бѣгаютъ, и, теряя всякое самообладаніе, онъ высказываетъ то, что тщательно старался скрывать въ тайникахъ своей душеньки. Безграничная любовь къ своей родинѣ, ненависть къ иностранцамъ, трудолюбіе, плутовство и взаимное шпионство—ихъ отличительныя черты, въ чемъ я, за время моего прекраснаго знакомства съ этимъ народомъ, имѣлъ не мало случаевъ убѣдиться. Эти качества и помогли имъ одержать тѣ побѣды, которыми они поразили не только насъ, но и весь земной шаръ. Говорятъ, что они 10 лѣтъ готовились къ войнѣ съ нами, и это помогло ихъ успѣхамъ. Да, они готовились къ ней и при томъ такъ, какъ Россія, можетъ быть, за все время своего существованія не готовилась ни къ одной войнѣ. Мнѣ первому пришлось испытать это на себѣ, когда я командовалъ пароходомъ Добровольнаго Флота

„Екатеринсолавъ“. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

20 ноября 1903 г. я вышелъ изъ Одессы, имѣя болѣе ста тысячъ пудовъ военнаго груза для Портъ-Артура и Владивостока, а также около девятисотъ нижнихъ чиновъ для Портъ-Артура. Хотя и въ предыдущіе мои рейсы ходили слухи о близости войны съ Японіей, но все ограничивалось только слухами. Въ этотъ же разъ, по приходѣ въ Коломбо, я узналъ, что положеніе дѣлъ ограничивается не только слухами, но и страхованіемъ русскихъ и японскихъ грузовъ на случай войны. По приходѣ же въ Сингапуръ, мнѣ категорически было объявлено консуломъ, что я не буду выпущенъ изъ порта до тѣхъ поръ, пока не будетъ получено секретныхъ распоряженій о моемъ дальнѣйшемъ плаваніи. Дѣйствительно, на увѣдомленіе консула о моемъ прибытіи, немедленно были получены шифрованные телеграммы отъ морскаго министерства и Намѣстника Е. И. В. на Дальнемъ Востокѣ съ распоряженіемъ слѣдовать мнѣ въ Портъ-Артуръ, никуда не заходя. Стоявшій въ это время на рейдѣ японскій пароходъ компаніи „Нипонъ-Юзентъ-Кайша“, за день до моего прихода окончившій грузовыя операціи, какъ мнѣ сообщили, ждетъ только моего ухода, чтобы знать, какъ самому дѣйствовать въ зависимости отъ того: буду ли я продолжать мой рейсъ, или возвращусь въ Европу. Онъ, какъ мнѣ сообщали, прекрасно былъ освѣдомленъ, что я везу массу военнаго груза и войска, а потому меня не станутъ отправлять дальше, если явится рискъ, что война можетъ быть объявлена раньше моего прибытія въ Портъ-Артуръ. Получать точныя свѣдѣнія о грузахъ на судахъ Добровольнаго Флота японцы

могли отъ своего консула въ г. Одессѣ, который былъ очень близокъ съ нѣкоторыми лицами, стоявшими въ то время во главѣ Добровольнаго Флота. Этотъ консулъ былъ настолько симпатиченъ, что ему оказывались услуги нѣкоторыми русскими даже послѣ коварнаго нападенія японцевъ на наши торговые и военные суда. Было ли это отсутствіе патриотизма, недомысліе или обаятельность японца—судить не берусь, хотя и приходила иногда мнѣ мысль, что это было результатомъ всего вмѣстѣ взятаго.

Выйдя изъ Сингапура, я увидѣлъ идущаго за мной японца, который, когда мы вышли въ Китайское море, сейчасъ же перемѣнилъ свой курсъ по направленію къ Манилѣ. Хотя я и старался идти форсированнымъ ходомъ, но жестокой противный штормъ съ сильнымъ противнымъ теченіемъ, доходившимъ до 30 миль въ сутки, и антитайфунъ (при высотѣ барометра 30,97 дюйм.), которыя я встрѣтилъ по выходѣ изъ Формозскаго пролива, замедляли мой ходъ, и я пришелъ въ портъ-Артуръ только 30 декабря ночью. Замедленіе плаванія сильно волновало всѣхъ, и каждому невольно приходила мысль, что за это время могла быть объявлена война. Чѣмъ ближе мы подходили къ Портъ-Артуру, тѣмъ больше эта мысль волновала всѣхъ. Миль 30 не доходя до Портъ-Артура мы увидѣли много лучей отъ прожекторовъ, пускаемыхъ вверхъ, моментально намъ объяснившихъ, что нашъ флотъ стоитъ на наружномъ рейдѣ и, по выраженію команды, „ба-луетъ“ прожекторами, а слѣдовательно война еще не объявлена. Такое заключеніе моментально всѣхъ успокоило.

Лихорадочная дѣятельность въ порту задержа-

вала мою разгрузку. Почти все рабочие и баржи были заняты выгрузкой угля, привозимаго М. А. Гинсбургу, агенту Добр. Фл. и известному поставщику военного флота, который, как мне говорили, от поставки угля отказался, так как никто Журавский, внеся залог при торгах (50.000 руб.) поставил настолько низкия цены, что все, желавшие взять поставку на уголь, взяв обратно свои залогов, уехали из Артура. Впоследствии оказалось, что этот Журавский куда-то скрылся, не поставив для флота ни одного фунта угля (конечно, потеряв свой залог) и только предусмотрительность Гинсбурга, устроившаго громаднѣйшіе угольные склады въ Артурѣ, спасла флотъ отъ недостатка угля въ военное время. Насколько вѣрна эта исторія съ Журавскимъ, не знаю, такъ же какъ не знаю, по какой цѣнѣ Гинсбургъ продавалъ этотъ уголь флоту. Во всякомъ случаѣ недостатка въ углѣ не было, и когда Артуръ былъ сданъ, то въ немъ оставалось еще 150.000 тоннъ угля.

Если бы не обращала на себя вниманія лихорадочная дѣятельность лицъ, принадлежавшихъ къ штабу Гинсбурга, и изрѣдка встрѣчаемые солдаты, лямками тащившіе куда-то за городъ орудія, то можно было бы сказать, что все не только обстоитъ благополучно, но, благодаря праздникамъ Рождества, даже очень весело. О предстоящей войнѣ не только никто не говорилъ, но даже, по словамъ нѣкоторыхъ, имъ было запрещено думать объ этомъ. Не для того ли, чтобъ не портить праздничнаго настроенія?...

Но два случая заставили меня скептически отнестись къ общему радужному настроенію. А именно: пришедшій почти одновременно со мной изъ

Европы пароходъ Восточно-Азіатскаго общества „Малая“ отказался идти во Владивостокъ и имѣемый у него грузъ, по соглашенію съ Гинсбургомъ, передавалъ мнѣ, такъ какъ „Екатеринославъ“ долженъ былъ обязательно идти туда. Другой нашъ пароходъ „Воронежъ“ 6 января пришелъ изъ Владивостока перекрашеннымъ въ другіе цвѣта, при чемъ проливы ему приказано было проходить ночью безъ огней, а перекраску произвести въ морѣ. Хотя эта инструкція и дана была секретно, но 4 января она уже была извѣстна частнымъ лицамъ въ Портъ-Артурѣ. Если бы давшеіе эту секретную инструкцію тогда же позаботились бы узнать, какимъ образомъ она стала извѣстной всѣмъ, можетъ быть, многое произошло иначе и мы избѣжали бы многихъ поражений. Эти два случая заставили меня обратиться къ нашему агенту Гинсбургу, зная по опыту, что въ коммерческомъ мірѣ можно получить болѣе вѣрныя свѣденія, чѣмъ у тѣхъ, которымъ надлежало бы это знать. На мои вопросы: будетъ ли война и скоро ли, онъ мнѣ отвѣтилъ совершенно опредѣленно, что затѣмъ подтвердилъ телефограммой въ г. Дальній, куда я долженъ былъ зайти по дорогѣ во Владивостокъ: „Война неизбежна и скоро начнется, но вы еще успѣете проскочить въ Россію, если будете торопиться во Владивостокъ. Примите всѣ мѣры“.

14 января я пришелъ во Владивостокъ и сейчасъ же встрѣтилъ всѣ портовые задержки, которыми такъ богаты наши русскіе порта.

Ледоколъ бездѣйствовалъ, а потому мнѣ пришлось самому пробиваться во льду. Пароходъ буксиръ-ледоколъ „Діамидъ“ оказался вполне неисправенъ ко времени моего прихода. Хотя Добр. Фл.

во Владивостокѣ имѣеть двѣ своихъ пристани, но я получилъ распоряженіе стать не къ ближайшей пристани, у которой ледъ былъ побить ледоколомъ, а къ дальнѣйшей, гдѣ стоялъ сплошной ледъ, толщиной въ 21 дюймъ, и по курсу къ ней стояла замерзшая во льду баржа. Послѣ долгихъ и энергичныхъ переговоровъ я заставилъ убрать съ моего пути эту баржу. Тогда, разогнавъ пароходъ съ большого разстоянія, я полнымъ ходомъ врѣзался въ ледъ, который, по какой-то счастливой случайности, далъ трещину параллельно пристани въ одномъ футѣ разстоянія отъ нея, что помогло мнѣ довольно быстро пристать и безъ поломки для самой пристани, которая устроена на плавучихъ понтонахъ, часто ломающихся даже подъ тяжестью выгружаемаго на пристань груза и въ насмѣшку названная „мостами вздоховъ“. Несмотря на всѣ сложившіяся обстоятельства для задержки, я въ четыре часа дня уже велъ переговоры съ агентомъ Добр. Фл. о необходимости скорой разгрузки и скорѣйшемъ моемъ уходѣ изъ Владивостока въ обратный рейсъ, сообщивъ ему свѣдѣнія, полученные отъ Гинсбурга, на что получилъ лаконическій отвѣтъ, что Гинсбургъ жидъ и изъ трусости вретъ. Просьба о ночныхъ работахъ встрѣтила полный отказъ, мотивируемый морозами, въ которые рабочіе отказываются работать, а таможня, съ своей стороны, ихъ не разрешаетъ. Этого раньше не было и ночныя работы считались вещью самую заурадною. Тогда я заявилъ, что, несмотря на всѣ эти отказы, выгрузку все же окончу 18-го января и прошу назначить мой отходъ на этотъ день, такъ какъ время тревожное и каждый день можетъ сыграть важную роль въ судьбѣ парохода, при чемъ указать ему

на секретное распоряженіе, данное „Воронежу“, о перекраскѣ въ морѣ и проходѣ проливовъ ночью безъ огней, добавивъ, что, несмотря на конфиденціальность, это распоряженіе на другой же день было извѣстно всему Портъ-Артуру. При посѣщеніи агентства мнѣ сразу бросилось въ глаза, что долго служившій тамъ японецъ Тоди отсутствовалъ. Онъ завѣдывалъ справочнымъ столомъ и пользовался особыми симпатіями нашего агента, Владиміра Африкановича Терентьева, котораго за его буйный нравъ всѣ во Владивостокѣ называли „Тигра-Капитанъ“. Симпатіи эти были настолько велики, что когда ему мѣстными властями было предложено удалить Тоди, такъ какъ онъ, благодаря своимъ обязанностямъ, прекрасно знаетъ, какіе именно военные грузы привозить Добр. Фл. во Владивостокъ, то Терентьевъ въ рѣзкой формѣ отказалъ въ этомъ. Несмотря на мои заявленія, на другой день утромъ агенство рабочихъ мнѣ не прислало, и только по настоящему моему требованію они были присланы послѣ полудня. Работа кипѣла, такъ какъ каждый на пароходѣ понималъ серьезность задержки. Каково же было удивленіе всѣхъ, когда мы узнали изъ мѣстныхъ газетъ, что отходъ парохода былъ назначенъ агентомъ не на 18-е, какъ я просилъ, а на 20-е января!.. На мои объясненія съ агентомъ, по этому поводу, мнѣ было холодно отвѣчено, что отходъ назначенъ „согласно росписанію“. Выгрузку парохода я окончилъ 18-го и долженъ былъ ожидать два дня, чтобы дикая фантазія агента Терентьева „согласно росписанію“ была выполнена. На всѣ мои протесты, мнѣ чуть не въ глаза говорили, что я трусь. Причина этой задержки стала скоро мнѣ извѣстна: со мной дол-

жень былъ идти до Суэца пассажиромъ одинъ пріятель агента Т., а такъ какъ дѣла не позволяли ему выѣхать раньше 20-го января, то и пароходъ не выпускали раньше окончанія его дѣлъ. Нашъ агентъ считался владивостокскимъ старожиломъ, безъ котораго не обходилась ни одна грандіозная попойка (о грандіозности владивостокскихъ пооекъ едва ли имѣютъ понятіе жители Европейской Россіи), а его отъѣзжающій другъ, разстроившій свое здоровье на этихъ упражненіяхъ, отправляясь для леченія, еще до моего прихода назначилъ день составленія духовнаго завѣщанія на 19 января, что и было рѣшено исполнить не только торжественно, но и выпить при этой okazji за здоровье отъѣзжающаго больного.

Дикое, чтобы не сказать больше, упрямство агента Т., который всегда считалъ, что не онъ для Добр. Фл., а Добр. Фл. для него, нельзя было ничѣмъ уломать, а его полномочія дѣлали меня совершенно безсильнымъ.

18-го января въ полдень на Владивостокскій рейдъ пришелъ пароходъ „Афридисъ“ подъ англійскимъ флагомъ. При этомъ не лишнее замѣтить, что еще въ началѣ декабря японскіе пароходы перестали посѣщать Владивостокъ, гавань котораго раньше всегда была переполнена ими. Это обращало вниманіе всѣхъ частныхъ жителей, но не тѣхъ, кому бы больше всего слѣдовало обратить на это вниманіе, какъ напр. начальнику владивостокской таможни В. и нашему агенту Т.

Всякій, бывавшій на Дальнемъ Востокѣ, въ пароходѣ „Афридисъ“ сейчасъ бы узналъ перекрашеннаго японца компаніи „Нипонъ-Юзень-Кайша“, тѣмъ болѣе, что команда и офицеры его были японцы,

и послѣдніе даже носили свою форму. Вся палуба парохода была занята временными надстройками. Черезъ 3—4 часа по его приходѣ все въ городѣ знали, что „Афридисъ“ пришелъ за японскимъ консуломъ и японско-подданными, но этого не знали, или не хотѣли знать, начальникъ таможни В. и нашъ агентъ Т., который, между прочимъ, за свою дѣятельность во время войны во Владивостокѣ былъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 1-ой ст.

Указавъ на „Афридисъ“ агенту Т., дѣятельность котораго была такъ высоко оцѣнена послѣ войны, я требовалъ, чтобы „Екатеринославъ“ былъ немедленно отпущенъ изъ Владивостока, или оставленъ въ немъ на время войны, но требованіе мое было оставлено безъ вниманія и въ видѣ снисхожденія мнѣ отвѣчено, что онъ дѣйствуетъ согласно имѣющимся у него распоряженій. Интересно было бы знать: отъ кого и какія были эти распоряженія?.. Оставалось, выражаясь официальнымъ языкомъ, во исполненіе распоряженій г. агента, стоять двое сутокъ у пристани во Владивостокѣ въ полномъ и при томъ преступномъ бездѣйствіи.

20 января, принявъ 32 военныхъ матроса, отправляемыхъ въ Одессу, и друга нашего агента г. К., успѣвшаго закончить свои дѣла, составить духовное завѣщаніе и достойно мѣстнымъ нравамъ попрощаться со своими друзьями, я былъ готовъ къ выходу изъ Владивостока и ожидать только присылки судовыхъ бумагъ изъ таможни. Каково же было мое удивленіе, когда мнѣ сообщили, что пароходъ задерживается до 22 января, т. к. марки на грузѣ, взятомъ въ Портъ-Артурѣ съ парохода „Малая“, настолько потерты, что таможня не можетъ раньше этого времени провѣрить его и, на

основаніи ст. 78 закона 8-го іюня 1903 г., до уплаты пароходомъ штрафа или подписки, выданной агентомъ объ уплатѣ таковаго, „Екатеринославъ“ не выпустятъ, при чемъ сообщено, что размѣръ этого штрафа не превыситъ 50 руб. Мое предложеніе внести гораздо большую сумму въ обезпеченіе этого штрафа было отклонено таможеней (тоже

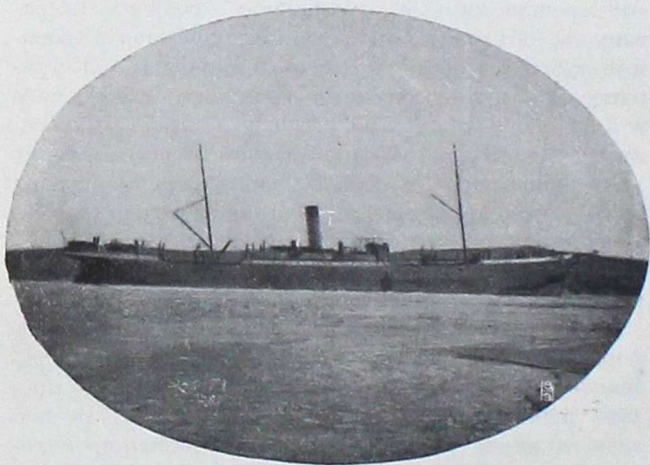

Рис. 1. „Екатеринославъ“ арестованный Владивостокской таможеней.

на точномъ основаніи какой-то статьи закона), а агентъ Т. наотрѣзъ отказался выдать требуемую подписку.

Что руководило начальникомъ таможи изъ-за этой ничтожной суммы задерживать пароходъ, принадлежащій Добровольному Флоту и находившійся подъ командой штабъ-офицера, состоящаго на дѣйствительной службѣ, а агента Т. не выдавать требуемой

подписки—предоставляю судить другимъ, руководствуясь всѣмъ вышеописаннымъ и тѣмъ, что рассказывалъ мнѣ переводчикъ Хіэда, когда я былъ въ плѣну: Онъ много лѣтъ жилъ во Владивостокѣ и служилъ въ магазинѣ Кунста и Альберса. 24 января онъ вмѣстѣ съ японскимъ консуломъ выѣхалъ изъ Владивостока на пароходѣ „Афридисъ“, и когда они прошли миль 30, то консулъ, собравъ пассажировъ, объявилъ имъ, что Японія начала военныя дѣйствія противъ Россіи и пароходѣ „Екатеринославъ“ уже захваченъ японцами, послѣ чего всѣ прокричали „банзай“ (слово „банзай“ въ переносномъ смыслѣ означаетъ „многія лѣта“). Захватъ „Екатеринослава“ и выходъ парохода „Афридисъ“ изъ Владивостока происходили почти въ одно время, а поэтому невольно зарождается мысль, что „Екатеринославъ“ былъ захваченъ японцами согласно заранее выработанному плану.

Странность задержки парохода изъ-за мелкихъ формальностей поразила всѣхъ, а команда не стѣсняясь громко высказывала, что пароходѣ уже проданъ японцамъ и только новые хозяева еще не явились за нимъ. Я же, возмущенный всѣмъ происшедшимъ, потребовалъ у портовыхъ властей, находившихся на пароходѣ, немедленно составить протоколъ о всемъ случившемся и, упомянувъ въ немъ, что происшедшіе отъ этого убытки я возлагаю на виновныхъ, копии же съ него потребовалъ послать начальнику владивостокской таможни и нашему агенту Т.

22 января въ полдень мнѣ сообщено владивостокской таможней, что по уплатѣ ей тридцати руб. штрафа за неточности въ консаментѣ, составленномъ порть-артурскимъ агентствомъ на грузъ,

принятый съ парохода „Малая“, мнѣ будутъ выданы арестованныя ею судовыя бумаги, и я тогда могу идти по назначенію.

Уплативъ эти тридцать сребрениковъ, которые, сколько мнѣ извѣстно, идутъ не въ доходъ казны, а составляютъ заработокъ тѣхъ лицъ, которыя приставлены на точномъ основаніи таможенныхъ законовъ блюсти матеріальные интересы Россійской Имперіи, я немедленно снялся для слѣдованія въ г. Сингапуръ, получивъ инструкцію: ни въ какомъ случаѣ не заходить въ г. Нагасаки.

Не могу не обратить вниманія читателей, что ни въ одномъ государствѣ моряки и пассажиры не терпятъ столько притѣсненій отъ таможенъ, какъ у насъ, въ Россіи, и, сколько мнѣ кажется, нигдѣ не процвѣтаетъ въ такомъ большомъ размѣрѣ тайный провозъ контрабанды, какъ у насъ. Нагляднымъ доказательствомъ этого могутъ служить жидки, беззастѣнчиво торгующіе ею на улицахъ портовыхъ городовъ.

Всѣ стѣсненія устраиваются на самомъ точномъ толкованіи законовъ, и бѣда тому пассажиру или моряку, который имѣлъ несчастье чѣмъ нибудь не понравиться таможенному чину, производящему досмотръ. Случаямъ этимъ имя—легіонъ. Какъ возмутительное явленіе, приведу нѣкоторые изъ нихъ.

Однажды въ моемъ присутствіи у одного флотскаго штабъ-офицера, возвратившагося изъ плаванія на Дальнемъ Востокѣ, были арестованы портреты Царской Фамиліи съ личными подписями, только потому, что они находились въ рамкахъ, имѣющихъ видъ заграничнаго производства, хотя отъ долговременныхъ плаваній онѣ имѣли видъ далеко не новый и, благодаря прикрѣпленнымъ къ нимъ брон-

зовымъ коронамъ, трудно было допустить, что они могутъ быть привезены для продажи. Можно только пожалѣть, что этотъ случай прошелъ безнаказанно тому таможенному чину, который больше руководствовался болѣзнью своей печени, или другими соображеніями, чѣмъ разумнымъ толкованіемъ законовъ, блости которые ему было поручено.

Не мало насмѣшекъ я слышалъ отъ англійскихъ моряковъ по адресу одесской таможни, благодаря случаю, который хотя и произошелъ давно, но до сихъ поръ не можетъ изгладиться у нихъ изъ памяти. Одинъ англійскій пароходъ привезъ въ Одессу желѣзные болты въ ящикахъ и въ своихъ бумагахъ показалъ таможнѣ количество привезенныхъ мѣстъ. Ящики оказались не достаточно прочными и многіе изъ нихъ во время перевозки поломались, а болты рассыпались. Производившій досмотръ таможенный чиновникъ сейчасъ же сообразилъ, какъ ему слѣдуетъ поступить. Существовавшій въ тѣ времена законъ гласилъ, что за каждое привезенное и не показанное таможнѣ мѣсто капитанъ судна уплачиваетъ 200 руб. штрафа (такъ какъ предполагается, что это мѣсто предназначено для тайнаго провоза) и значительная часть его поступаетъ въ пользу открывшаго злоупотребленіе. Руководствуясь этимъ закономъ, а вѣроятно еще больше заманчивой перспективой сразу стать богатымъ человѣкомъ, этотъ бюрократъ-мыслитель точно сосчитываетъ рассыпавшіеся въ трюмахъ болты и дѣлаетъ установленное заявленіе по начальству, что капитанъ такого то судна привезъ на столько то тысячъ или десятковъ тысячъ мѣстъ больше, чѣмъ показалъ ихъ въ бумагахъ, представленныхъ въ одесскую таможню. Таможней былъ высчитанъ штрафъ въ нѣсколько

милліоновъ рублей и пароходъ арестованъ впродъ до уплаты его. Вѣроятно многими чинами одесской таможни уже присматривались дома и имѣнія для покупки за счетъ капитана парохода, у котораго ящики съ грузомъ оказались не достаточной прочности, но вмѣшательство англійскаго посольства въ это лишенное здраваго смысла дѣло разрушило ихъ воздушные дома и имѣнія... Не знаю, получили ли повышение по службѣ или удаленіе съ нея этотъ таможенный Эдиссонъ, также какъ и тѣ, которые изъ за тридцати сребрениковъ задерживали пароходъ „Екатеринославъ“, принадлежащій патріотическому Добровольному Флоту, не обращая вниманія на происходившія событія, казавшіяся веѣмъ, кромѣ нихъ, заслуживающими особенно важнаго вниманія?

ГЛАВА II.

Пиратскій захватъ въ плѣнъ.

24 января въ половинѣ девятаго утра по мѣстному времени (по петербургскому времени это было около двухъ часовъ ночи того же числа), когда я находился близъ г. Фузана, приморскаго города Кореи, расположеннаго на берегу Цу-Симскаго пролива, я замѣтилъ японскій броненосецъ, идущій полнымъ ходомъ на пересѣчку моего курса отъ сѣверной оконечности о. Цу-Сима. На броненосцѣ былъ поднятъ сигналъ, требующій, чтобы я остановился, иначе буду потопленъ, такъ какъ веѣ

орудія его были направлены на „Екатеринославъ“, а самое главное, что ходъ его былъ не менѣе 15—16 узловъ, тогда какъ я не могъ дать больше 13. Дѣлать было нечего и пришлось исполнить его требованіе. Выбрасываться на ближайшій берегъ или топить пароходъ я не имѣлъ никакого основанія, такъ какъ международное право до этой войны всегда гласило, что всякое судно, вышедшее изъ порта до объявленія войны, захвату не подлежитъ. Хотя японское правительство и подтвердило это, что я впоследствии узналъ изъ газеты „Нагасаки Прессъ“ и даже дало десятидневный срокъ послѣ объявленія войны на право посѣщенія русскими коммерческими судами портовъ Японіи, но это была азіатская ловушка, такъ какъ съ утра 24 января японцы начали захватывать наши суда въ своихъ и нейтральныхъ корейскихъ водахъ. Какъ примѣръ жадности и азіатской цивилизаціи японцевъ, желающихъ показать, что они не лишены уваженія къ международному праву, могу рассказать слѣдующій случай:

Въ г. Хокодате еще съ осени для ремонта было вытасчено на берегъ грошовое китоловное суденышко „Бобрикъ“. По международному праву частная собственность подлежитъ захвату только въ морѣ, но не на сушѣ. Долго японцы смотрѣли на „Бобрика“, не зная, какъ завладѣть имъ, но наконецъ нашелся одинъ юристъ-азіатецъ, который помогъ имъ рѣшить этотъ трудный вопросъ. На „Бобрикѣ“ подняли русскій флагъ и спустили его на воду, а затѣмъ при крикахъ „банзай“ всего населенія, высыпавшаго на берегъ смотрѣть взятіе въ плѣнъ русскаго судна, спустили русскій флагъ и подняли на немъ японскій. Только азіатская цивилизація и

22/504

беззащитная японская жадность могли использовать таким образом международное право,работанное европейцами в продолжение многих веков. Не напоминает ли это религиозных иудеев, идущих в субботу по железной дороге с чашкой воды под ногами, так как закон разрешает им в субботу путешествовать по воде, но не по суше. При разговорах с японцами о несоблюдении ими международного права, они всегда довольно наивно отвечали, что мы ошибаемся, так как они точно исполняют „японское международное право“.

Подойдя на близкое расстояние, японский броненосец, имя которого было „Саент“ (впоследствии погибший на наших минах в Голубиной бухте почти со всем своим экипажем), спустил две шлюпки и, посадив 40 человек вооруженной команды под начальством лейтенанта Таваока, отправил ко мне на пароход.

Войдя на пароход, Таваока обратился ко мне с заявлением, что война объявлена и пароход берется в плен. Вблужавшие вслед за ним японские матросы моментально выстроились в две шеренги у левого борта, спинами друг к другу и, взяв ружья и револьверы на изготовку, начали строить свирепейшие рожи, какие только можно увидеть на их картинах у древних героев, а двое из них, поблужав на корму, спустили наш флаг, бросив его в море, и вместо него подняли свой военный, при чем с броненосца „Саент“ раздался их „банзай“. На мой вопрос: когда объявлена война—Таваока ответил, что сегодня в полночь. Впоследствии это, как и многое другое, оказалось ложью. При дальнейших

переговорахъ, хотя онъ и увѣрялъ меня, что это будетъ временное задержаніе—я ему не вѣрилъ, такъ какъ ихъ поступки показывали совершенно другое. Разставивъ караулы, онъ предложилъ мнѣ идти въ Фузанъ, на что получилъ отъ меня категорическій отвѣтъ: русскій офицеръ можетъ командовать судномъ только подъ русскимъ флагомъ, а не подъ военнымъ японскимъ, а поэтому я въ свою очередь предлагаю ему самому вступить въ командованіе судномъ, что же касается команды, то согласно международному праву, она можетъ помогать движенію судна. Расположившись у меня въ каютѣ, они сразу наполнили ее специфическимъ японскимъ запахомъ, который всегда чувствуется за много миль при подходѣ къ берегамъ Японіи. Это, а отчасти обезьянообразныя физіономіи самихъ японцевъ, заставило меня оставить свою каюту и перебраться въ пассажирскую.

Черезъ полъ-часа по захватѣ парохода мы уже были окружены цѣлой флотиліей миноносцевъ, а вдали стоялъ японскій крейсеръ. Видимо, они были расположены по берегамъ Цу-Симскаго пролива, чтобы не дать мнѣ пройти незамѣченнымъ, даже если бы я шелъ ночью и безъ огней.

Отобравъ все огнестрѣльное оружіе, имѣвшееся на пароходѣ и деньги, хранившіяся въ кассѣ, въ чемъ, по моему требованію, мнѣ была выдана росписка, они повели „Екатеринославъ“ къ Фузану, гдѣ, ставъ на якорь, немедленно приступили къ перекраскѣ парохода, закрасивъ ему черной краской двуглаваго орла, гербъ и надпись. Въ это время миноноски захватили мирно стоявшій на рейдѣ нашъ пароходъ „Мукденъ“.

Когда я заявилъ, что перехожу въ пассажир-

скую каюту, то Таваока просилъ меня запереть всѣ ящики въ моемъ помѣщеніи. говоря, что моя личная собственность не подлежитъ захвату, на что я ему отвѣтилъ: если Японія признаетъ международное право, то я это знаю, а что касается запиранія ящиковъ, то я вижу что мое имущество находится подъ охраной офицеровъ японскаго императорскаго флота, а потому не нахожу надобности его запирать. Впослѣдствіи оказалось, что я лучше бы сдѣлалъ, если бы послушалъ совѣта Таваока, такъ какъ по возвращенію въ свою каюту я не нашелъ нѣкоторыхъ вещей, какъ то: бинокля, стариннаго охотничьяго ножа, большого количества сигаръ и папирсъ и еще многихъ другихъ мелочей. Конечно, кражу этихъ вещей я не могу приписать офицерамъ, но увѣренъ, что ее совершили тѣ матросы, которые находились при офицерахъ.

Таваока былъ очень удивленъ, что пароходъ шель въ Сингапуръ, а не въ Портъ-Артуръ и что на немъ нѣтъ никакого военного груза, а только небольшое количество домашнихъ вещей, адресованныхъ въ Одессу. Затѣмъ онъ заявилъ мнѣ, что у нихъ имѣются свѣдѣнія, будто у меня на пароходѣ между пассажирами находится одно важное лицо, а потому просилъ указать его. Къ моему отрицательному отвѣту онъ отнесся съ недовѣріемъ и лично приступилъ къ провѣркѣ экипажа и пассажировъ по имѣющимся бумагамъ. Послѣ провѣрки я указалъ ему на друга нашего агента г. К. и спросилъ: не его ли онъ считаетъ важнымъ лицомъ, но получилъ отрицательный отвѣтъ. Такъ я и не могъ добиться, кого онъ, считая важнымъ лицомъ, разсчитывалъ найти у меня на пароходѣ?

Первое время захвата парохода японцы были

очень возбуждены и ходили желтыми какъ лимоны, постоянно грозя револьверами и саблями. Особенное вниманіе обращать на себя японскій механикъ, бѣгавшій по пароходу съ обнаженной старой японской саблей въ одной рукѣ и съ револьверомъ въ другой, крича что-то по японски и угрожая всѣмъ своимъ оружіемъ. Сабли его, конечно, никто не боялся, но при своемъ возбужденномъ состояніи онъ легко могъ произвести нечаянный выстрѣлъ и когонибудь убить или ранить. Это заставило меня обратиться къ Таваока съ заявленіемъ, что съ нашей стороны не будетъ оказано никакого сопротивленія, т. к. мы безоружны, но я прошу его успокоить своихъ, иначе я снимаю съ себя всякую отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія. Отданное имъ довольно энергичное приказаніе начало успокаивать механика и японскихъ матросовъ, съ лицъ которыхъ постепенно исчезла лимонная желтизна.

По пере краскѣ парохода, Таваока послалъ доложить мнѣ, что пароходъ ведутъ въ Такашики. Это военный японскій портъ, находящійся въ проливѣ между двумя островами, составляющими о. Цусима. Западный входъ въ этотъ проливъ очень глубокъ, а восточный—мелководенъ. Внутренній рейдъ имѣетъ много бухточекъ, удобныхъ для стоянки судовъ и окруженъ высокими горами. Входъ въ него еле замѣтенъ съ моря, а потому положительно нѣтъ возможности видѣть суда, стоящія на его рейдѣ. Въ 6 час. вечера, когда было уже совершенно темно, мы входили на рейдъ, съ котораго выходила крейсерская эскадра, какъ мнѣ сообщила Таваока, идущая въ Чемульпо на бой съ „Варягомъ“. На эскадрѣ былъ страшный шумъ

и, повидимому, царила какая-то безтолочь. Лучи прожекторовъ бороздили темноту по всеѣмъ направленіямъ, ослѣпляя другъ друга и мѣшая входить „Екатеринославу“ по извилистому форватуру съ довольно сильнымъ теченіемъ. Смотри на эту картину, я молилъ Бога, чтобы „Екатеринославъ“ столкнулся съ кѣмъ нибудь и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ на дно, но этого не случилось, хотя эта безтолочь и не прошла безнаказанно для японцевъ, такъ какъ какой-то крейсеръ на моихъ глазахъ ударилъ въ бокъ проходившій у него подъ носомъ миноносецъ, который сильно затрещалъ и затѣмъ скрылся въ темнотѣ.

Волненія японскихъ моряковъ при захватѣ „Екатеринослава“ и при выходѣ изъ Такашики породили во мнѣ мысль, что едва ли имъ удастся въ предстоящей войнѣ достигнуть тѣхъ же результатовъ, какихъ они достигли въ войнѣ съ китайцами. Видя эту эскадру, я понималъ, что „Варягъ“ погибнетъ въ бою съ нею, но все же я думалъ, что портъ-артурскій флотъ и владивостокская крейсерская эскадра жестоко отомстятъ японцамъ за „Варяга“...

Въ 10 час. вечера мнѣ пришли сообщить, что „Екатеринославъ“ ведутъ въ Сасебо (военный японскій портъ на о. Кіу-Сіу). Этотъ переходъ, какъ и предыдущій, его вели подѣ конвоемъ броненосца „Саенъ“ и одного миноносца, при чемъ орудія и минные аппараты обоихъ были направлены на насъ. По выходѣ изъ Такашики, японскіе матросы, пользуясь темнотой, принялись за форменный грабежъ, шныряя по каютамъ и въ отвѣтъ на протесты угрожая оружіемъ, при чемъ буфетчику Лапинскому и одному лакею, защищавшимъ судовое имущество,

птыками изорвали платье. Возмущенная команда еле сдерживала себя. Около полночи, когда разнузданность японцевъ начала переходить всякія границы, ко мнѣ явились: боцманъ Югансонъ и военнослужащій матросъ Вдовиченко, славящійся необыкновенной силой, прося разрѣшить имъ тентовыми стойками (желѣзныя палки, футовъ 10 длины и дюйма 3 въ діаметрѣ, къ которымъ привязы-

Рис. 2. Антоѣ Липинскій и старшіе чины команды Екатеринославъ.

ваются тенты) перебить всѣхъ „макакъ“, говоря, что у нихъ уже составилаь компанія изъ десяти человекъ и они ручаются, что съ моего разрѣшенія въ пять минутъ перебьютъ всѣхъ. Предложеніе было заманчиво, но, принимая во вниманіе, что на основаніи международнаго права „Екатерино-

славъ“ нельзя было признать „добрымъ призомъ“ и что съ обѣихъ сторонъ его идутъ конвоиры, противъ которыхъ мы безсильны и которые за это насъ моментально уничтожатъ вмѣстѣ съ парохомъ, я отклонилъ ихъ предложеніе, добавивъ, что 40 „макакъ“ не стоятъ того, чтобы изъ-за ихъ было уничтожено 132 русскихъ, но если понадобится рѣшительныя дѣйствія, то я буду знать, что у меня есть молодцы, на которыхъ я могу вполне положиться. По возвращеніи изъ плѣна я просилъ поощрить этихъ молодцовъ, но моя просьба была оставлена безъ послѣдствій. Когда боцманъ Югансонъ возвратился въ Россію, то былъ назначенъ боцманомъ парохода Добровольнаго Флота „Саратовъ“, который, только благодаря его присутствію духа, глубоконравственному отношенію къ своимъ обязанностямъ и вліянію на команду, былъ спасенъ во время сожженія одесскаго порта, въ такъ называемые „потемкинскіе дни“, за что ему была выдана награда въ 3 или 5 руб. Затѣмъ, во время ремонта „Саратова“ въ г. Николаевѣ, онъ простудился и былъ сейчасъ же уволенъ со службы. Болѣзнь этого атлета оказалось скоротечною чахоткой, отъ которой онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и умеръ въ полной нищетѣ, такъ какъ жалованія не получалъ, пособія ему не выдали, а принадлежащія ему деньги, хранящіяся въ ссудо-сберегательной кассѣ Добровольнаго Флота, благодаря какимъ то бюрократическимъ формальностямъ, не выдали сейчасъ же (что вошло въ преступный обычай въ Добровольномъ Флотѣ), а чуть ли уже не послѣ его смерти. Миръ праху твоему, честный и brave морякъ!

Послѣ моего заявленія лейтенанту Таваока, что

если онъ не прекратитъ разнузданности его подчиненныхъ, то можетъ произойти такая свалка, что и они и мы въ ней погибнемъ — онъ немедленно отдать какое-то распоряженіе, послѣ котораго японскіе матросы моментально смирились.

ГЛАВА III.

Сасебо.

На другой день съ разсвѣта на „Екатеринославѣ“ былъ опять поднятъ русскій флагъ, а на гротъ-мачтѣ японскій. Въ 8 час. утра мы вошли на рейдъ Сасебо, гдѣ насъ поставили на якорь, но такъ, что самага порта не было видно. Въ 5 час. дня съ берега прибылъ караулъ на смѣну командѣ броненосца „Саенъ“; при этомъ произошелъ случай, печально окончившійся для одного изъ японскихъ матросовъ. Разряжая ружья, одинъ изъ японцевъ произвелъ нечаянный выстрѣлъ, при чемъ пуля попала въ желѣзную стойку и, разорвавшись, мелкими осколками легко поранила двухъ нашихъ матросовъ, а большая половина ея попала въ правое плечо японскому матросу и, застрявъ въ кости, причиняла ему серьезную рану. Это были первые раненые въ эту войну.

Виновникъ несчастія сейчасъ же получилъ временное наказаніе отъ подскочившаго къ нему японскаго мичмана, который началъ бить его по щекамъ обѣими ладонями. Это мнѣ такъ напомнило обезьянъ, наказывающихъ своихъ дѣтенышей, что

я невольно разсмѣялся. Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось наблюдать подобное битье нижнихъ чиновъ офицерами и всякій разъ оно вызвало у меня улыбку. Бывало, придетъ офицеръ провѣрять караулъ и, найдя какую нибудь неисправность, вызоветъ изъ фронта унтеръ-офицера, накричитъ на него и приказываетъ ему бить по физиономіямъ

Рис. 3. Японскій караулъ на „Екатеринославѣ“.

всѣхъ стоящихъ во фронтѣ, что тотъ и исполняетъ. По окончаніи экзекуціи, унтеръ-офицеръ подходитъ къ нему и, вытянувшись въ струнку, выслушиваетъ долгую нотацію, читая которую говорящій постоянно втягиваетъ въ себя воздухъ, что дѣлается, какъ говорили мнѣ японцы, для вѣжливости, а окончивъ ее, начинаетъ обѣими ладонями бить по

ланитамъ унтеръ-офицера и бьетъ до тѣхъ поръ, пока самъ не устанетъ. Послѣ этого онъ съ гордымъ видомъ начинаетъ поглядывать на окружающихъ, видимо ожидая получить одобреніе, но, не получивъ такого, уходитъ, не теряя своего гордаго вида.

Вновь назначенный караулъ оказался болѣе дисциплинированнымъ и очень вѣжливымъ, хотя и находился подъ начальствомъ не офицера, а боцмана. Поставленъ онъ былъ къ намъ, какъ старался объяснить прибывшій съ нимъ офицеръ, для огражденія насъ отъ нападений мѣстнаго населенія, которое, по его словамъ, было сильно возбуждено противъ русскихъ; конечно, это, какъ и многое другое, была чистая ложь.

На сигналъ о томъ, что на пароходѣ есть раненые, съ берега немедленно пріѣхалъ врачъ, но имъ уже была сдѣлана перевязка судовымъ врачомъ Тюринымъ. Японскій врачъ оказался говорящимъ по-нѣмецки и сейчасъ же былъ использованъ для полученія свѣдѣній, при чемъ сообщилъ нашему врачу, что война еще не объявлена, а только посланъ ультиматумъ. Это сразу показало намъ, съ какимъ довѣріемъ мы должны относиться къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя такъ предупредительно сообщали намъ японскіе офицеры. Уѣзжая съ парохода, Таваока и его товарищи пришли попрощаться съ нами и извиниться, что на ихъ долю выпала обязанность причинить намъ непріятность. Съ ними вмѣстѣ явился и механикъ, начавъ что то бормотать по-японски и сопровождать свои слова любезными улыбками, но на него никто не обращалъ вниманія, и когда онъ протягивалъ намъ руку, то мы дѣлали видъ, что ея не замѣчаемъ.

До приѣзда новаго караула Таваока предложили мнѣ взять отъ меня записку, которую онъ постарается отправить моимъ роднымъ; прибавивъ, что хотя это преступленіе, но онъ готовъ его совершить, чтобы хотя этимъ загладить свою невольную вину относительно меня. Хотя я былъ увѣренъ, что онъ лжетъ, рассчитывая, не напишу ли я чегонибудь такого, изъ чего можно будетъ японцамъ извлечь пользу, но все же не отказался отъ его предложенія, написавъ женѣ, что „Екатеринославъ“ захваченъ японцами, прося не беспокоиться, такъ какъ всѣ здоровы. Конечно, эта записка, какъ я и предполагать—отправлена не была.

Послѣ насъ въ Сасебо начали приводить и другіе наши пароходы, захваченные близъ ихъ береговъ, или мирно стоящіе въ ихъ портахъ, не подозрѣвавшіе, что съ ними будетъ поступлено такимъ пиратскимъ образомъ, вопреки международному праву, которое ясно говоритъ, что подобные захваты называются репрессаліями и практиковались только въ средніе вѣка, а не современными цивилизованными народами. Такіе поступки японцевъ должны послужить намъ хорошимъ урокомъ на будущее время въ случаяхъ недоразумѣній съ ними, а поэтому имъ не лишнее почаще вспоминать нашу пословицу: „что посеешь—то и пожнешь“. При прогрессирующихъ въ настоящее время подводномъ и воздушномъ плаваніяхъ, Японія уже не будетъ представлять такую недоступную страну, какой она была до этого времени.

Съ 27 января регулярно два раза въ день приходилъ изъ порта паровой катеръ съ частными и официальными посѣтителями. Послѣдніе являлись справиться, не надо ли намъ чегонибудь, при чемъ

всѣ наши заявленія обѣщали сообщить въ Токио и по разрѣшеніи немедленно исполнить; но такъ какъ въ Токио, вѣроятно, были заняты болѣе важными дѣлами, то всѣ наши заявленія оставались безъ послѣдствій. Что же касается частныхъ посѣтителей, въ которыхъ не трудно было узнать переодѣтыхъ военныхъ, большею частью понимающихъ русскій языкъ, что легко было замѣтить по ихъ бѣгающимъ глазамъ и лимонной желтизнѣ, когда мы произносили не особенно лестныя для нихъ фразы съ цѣлью узнать: кто изъ нихъ понимаетъ русскій языкъ—то оказывалось, что они пріѣзжали къ намъ исключительно „съ сочувствіемъ и утѣшеніемъ“, на что мы обыкновенно имъ отвѣчали, что въ первое не вѣримъ, а во второмъ не нуждаемся, тѣмъ болѣе отъ нихъ.

Каждый изъ этихъ посѣтителей всегда имѣлъ при себѣ записную книжку, при чемъ всѣ книжки и карандаши при нихъ были одинаковы. Что бы мы ни говорили, все сейчасъ же записывалось въ эти книжки. Если посѣтитель являлся во второй или третій разъ, то книжка у него была всегда новая; это давало намъ поводъ думать, что книжки выдаются казенныя и передъ каждой поѣздкой новыя, которыя по возвращеніи должны сдаваться въ специально устроенное для этого учрежденіе. Какая бы чепуха имъ ни говорилась, они ее моментально записывали въ свои книжки. Даже у японскихъ дамъ высшаго круга записныя книжки составляютъ принадлежность ихъ туалета. Переплеты этихъ записныхъ книжекъ покрываются той же матеріей, изъ которой сдѣланъ костюмъ (кимono) и прячутся за широкимъ поясомъ (оби). Каждый японецъ по натурѣ шпионъ и доносчикъ, и нигдѣ

нѣтъ такой массы тайной полиціи, какъ въ Японіи, при чемъ каждый житель знаетъ наперечетъ почти всѣхъ членовъ тайной полиціи его околотка, и любезно старается предупредить васъ объ этомъ. Вѣрнѣе, это не тайная полиція, а просто доносчики. Мнѣ говорили, что въ Японіи не позволяютъ строить дома иначе, какъ съ перегородками, оклеенными бумагой, чтобы легче было шпионить другъ за другомъ. Даже въ нашихъ таможенныхъ шпионство другъ за другомъ не поощряется такъ, какъ поощряется эта отрасль нравственности у японцевъ. Напоенный вами японецъ (а выпить они любятъ), если онъ находится въ обществѣ только европейцевъ, сейчасъ же начинаетъ рассказывать о знакомыхъ вамъ японцахъ, предупреждая, что они шпионы, и рекомендуя вамъ быть осторожнымъ съ ними. При служебныхъ посѣщеніяхъ представитель власти никогда не является одинъ, а всегда съ ассистентомъ— другими словами, съ приставленнымъ къ нему шпиономъ. Этотъ обычай у нихъ считается такимъ необходимымъ и естественнымъ, что на наши требованія брать съ собой ассистента, они не находили словъ для возраженія. Особенно намъ помогали наши ассистенты, когда нашъ судовой врачъ посѣщалъ больныхъ на захваченныхъ русскихъ судахъ, при чемъ японцы строго запрещали ему вести посторонніе разговоры; ассистентъ же въ это время собиралъ или самъ развозилъ новости. Какъ только гдѣ нибудь появлялась новость, сейчасъ же сигналомъ просили врача, и, благодаря ассистенту при немъ, она сейчасъ же становилась извѣстной на всѣхъ захваченныхъ судахъ, такъ какъ и на нихъ моментально появлялись больные.

На пароходѣ „Аргунь“ между рестораторской

прислугой былъ китаецъ, прекрасно знавшій японскій языкъ. Караулу ежедневно привозились газеты, которыя на время похищались и прочитывались китаецемъ, и едва только появлялась въ газетахъ какая нибудь серьезная новость на „Аргунѣ“, моментально кто нибудь заболѣвалъ, требовался врачъ, который являлся съ ассистентомъ и въ продолженіе дня эта новость становилась извѣстной на всѣхъ захваченныхъ судахъ.

29 января на пароходъ явился японскій лейтенантъ Юшимура и сдѣлалъ намъ официальное сообщеніе, что въ этотъ день Японія объявила войну Россіи, а потому намъ разрѣшается писать своимъ роднымъ, но только ничего не упоминая о захватѣ парохода, и вообще не писать ничего такого, что могло бы разстроить нашихъ родныхъ; при чемъ письма разрѣшается адресовать во всѣ государства, кромѣ Россіи, т. к. почтоваго сообщенія между Японіей и Россіей не существуетъ. Пришлось адресовать письма нашему агенту въ Сингапурѣ, прося его отправить по прилагаемымъ адресамъ къ роднымъ. Письма разрѣшалось писать въ самомъ сжатомъ объемѣ и возможно рѣже, т. к. онѣ должны будутъ подвергаться нѣсколькимъ цензурамъ и переводы ихъ въ двухъ экземплярахъ отправляться въ Токио. Послѣ этого сообщенія я спросилъ Юшимуру: если война, какъ вы говорите, объявлена только сегодня, то что же было раньше? Изъ всего этого я вижу, что японцамъ еще не вполне хорошо извѣстно международное право, а потому прошу сообщить мнѣ, какой обыкновенно казни они подвергаютъ плѣнныхъ, если терпятъ неудачи въ войнѣ? Это страшно его смутило, и онъ послѣ нѣкотораго раздумья отвѣтилъ, что насъ скоро отпу-

стать, а потому просить насъ не волноваться и не думать плохо о японцахъ, которые вполне цивилизованы.

Возвращаясь изъ плѣна, я узналъ отъ нашего агента въ Шанхаѣ Робертсона (еврея, пользовавшагося большимъ значеніемъ на шангайской биржѣ), что 24 января у ихъ на биржѣ уже было извѣстно о захватѣ „Екатеринослава“ (вѣроятно, по телеграфу изъ Фузана), но почему это не было извѣстно въ Портъ-Артурѣ и нашъ флотъ не пошелъ на выручку „Варяга“, а оставался на наружномъ рейдѣ до ночи съ 26 на 27 января, когда часть его судовъ пиратскимъ образомъ была подорвана японскими миноносцами—я понять не могу. Да, наконецъ, почему этотъ самый Робертсонъ, состоя агентомъ Добровольнаго флота, не сообщилъ объ этомъ циркулирующемъ на биржѣ слухѣ нашему генеральному консулу въ Шанхаѣ; тогда, можетъ быть и „Варягъ“ и артурская эскадра не подверглись бы внезапнымъ нападеніямъ, а пароходъ Русскаго Восточно-Азіатскаго пароходства „Манжурія“, подъ командой датско-подданнаго лейтенанта Праля, нагруженный военнымъ грузомъ, не достался бы японцамъ.

Послѣ полудня „Екатеринославъ“ былъ переведенъ въ сѣверную часть сасебскаго рейда, гдѣ уже стояло шесть нашихъ пароходовъ, захваченныхъ японцами, а именно: три китобоя, принадлежавшихъ графу Кейзерлингу, „Мукдентъ“, „Аргунъ“ и „Россія“. Однимъ изъ владѣльцевъ послѣдняго парохода оказался нашъ пассажиръ К. Какъ намъ, такъ и ни одному изъ этихъ пароходовъ не было видно порта съ мѣста нашей якорной стоянки. По постановкѣ „Екатеринослава“ на якорь, съ него

сейчасъ же были сняты нѣкоторыя части машинъ и отвезены въ портъ, а караулъ уменьшенъ на половину, часть котораго ежедневно мѣнялась. Самый портъ расположенъ въ западной бухтѣ залива Сасебо, окруженнаго со всѣхъ сторонъ высокими горами и имѣющаго узкій выходъ въ море. Заливъ этотъ соединенъ двумя естественными каналами съ озеромъ Омура, при чемъ глубина южнаго канала равна 17 саж. Озеро Омура имѣетъ около 25 миль длины и 12 ширины при довольно значительной глубинѣ и, если бы въ немъ скрылся японскій флотъ, то былъ бы вполне недосягаемъ для непріятельскихъ выстрѣловъ, хотя и запереть его тамъ было бы не трудно. Едва ли есть гдѣ нибудь на земномъ шарѣ болѣе удобный военный портъ, чѣмъ Сасебо. Входъ въ заливъ защищенъ сильными батареями, и кромѣ того, во время нашей стоянки тамъ, происходила постройка новыхъ батарей по южному берегу залива. О красотѣ мѣстности нечего и говорить; только наши кавказскіе виды могутъ спорить съ японскими по красотѣ. Въ Сасебо обыкновенно не пускаютъ не только иностранцевъ, которые наводняютъ наши военные порты, но даже японцевъ, безъ особаго на то разрѣшенія. Соеобщеніе Сасебо съ другими мѣстами Японіи поддерживается при помощи пароходовъ и желѣзной дороги.

До этого времени переговоры велись съ японцами на иностранныхъ языкахъ, т. к. они говорили, что у нихъ нѣтъ переводчиковъ, знающихъ русскій языкъ. Конечно это, какъ и многое другое, было ложью, потому что въ Нагасаки живетъ много японцевъ, знающихъ прекрасно русскій языкъ, а Сасебо отъ Нагасаки находится не дальше 30 миль.

На другой день перехода на новое мѣсто въ числѣ караульныхъ матросовъ оказался старый знакомый команды „Колька“, который обыкновенно являлся въ Нагасаки на наши пароходы подъ видомъ шлюпочника. Сейчасъ же онъ былъ приведенъ ко мнѣ и между прочимъ разсказалъ, что многіе изъ жителей Нагасаки, обыкновенно бывавшіе на нашихъ пароходахъ, теперь находятся на службѣ въ Сасебо, и въ числѣ ихъ нашъ поставщикъ Харада, который взялъ какую то поставку на военный флотъ. Былъ ли „Колька“ и раньше матросомъ, добиться этого я отъ него не могъ. Когда пріѣхалъ Юшимура, то я заявилъ ему, что между переменнымъ составомъ караула есть матросъ, говорящій по-русски, котораго я прошу перевести въ постоянный составъ, т. к. онъ можетъ быть довольно порядочнымъ переводчикомъ, въ чемъ у насъ постоянно ощущается крайняя надобность. Услыхавъ это, онъ сейчасъ же приказалъ „Колькѣ“ идти на шлюпку, на которой и увезъ его, а мнѣ сказалъ, что доложить объ этомъ командиру порта адмиралу Самеджима, и тотъ, по всей вѣроятности, исполнить мою просьбу. Такъ больше мы и не видѣли „Кольку“.

На другой день Юшимура привезъ съ собой переводчика, одѣтаго въ черный сюртукъ, на рукавѣ котораго, немного ниже локтя, былъ надѣтъ не серебряный, а золотой обручъ изъ галуна, означавшій, что онъ не вольнонаемный, а штатный чиновникъ, находящійся при отправленіи служебныхъ обязанностей. Взглянувъ на него, я невольно вскрикнулъ: „Ты что здѣсь изъ себя изображаешь?“ На это онъ мнѣ отвѣтилъ: „Позвольте представиться вамъ, Георгій Гавріиловичъ, какъ старшій перевод-

чикъ нагасакаскаго губернатора“. При этомъ онъ называлъ свою фамилію, которую я, къ моему сожалѣнію, забылъ; да это и не важно, такъ какъ въ Россію онъ явится подъ другой фамиліей. Лицо это было однимъ изъ мелкихъ служащихъ нашего поставщика Харада (единственнаго честнаго и правдиваго японца изъ тѣхъ, которыхъ я зналъ за время моего знакомства съ ними) и назывался „Тимоеей“. Всѣ обращались съ нимъ какъ съ слугой Харада и говорили ему „ты“. Теперь пришлось говорить ему „вы“ и называть по отчеству, т. е. Тимоеемъ Павловичемъ. Надо отдать ему справедливость, что это былъ лучшій и самый корректный изъ всѣхъ переводчиковъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться во время плѣна у японцевъ. По заключеніи мира онъ опять исполнять должность мелкаго служащаго у поставщика Харада (вѣроятно, японскія власти приставили въ качествѣ „ассистента“ къ Харада), а потомъ я узналъ, что онъ уѣхалъ въ Николаевскъ на Амурѣ, гдѣ занимается коммерческими дѣлами, а вѣрнѣе — командированъ въ качествѣ шпіона, какъ прекрасно и даже литературно знающій русскій языкъ.

Послѣ назначенія штатнаго переводчика, насъ еще чаще начали навѣщать съ „сочувствіемъ и утѣшеніемъ“, обыкновенно рекомендуясь самыми заурядными японцами; но, всмотрѣвшись въ нихъ, сейчасъ же можно было замѣтить, что они совсѣмъ не то, чѣмъ рекомендуются, и посѣщали они только одинъ „Екатеринославъ“ изъ всѣхъ захваченныхъ пароходовъ. Отъ насъ они пытались узнать все, что только возможно, но сами не отвѣчали ни на одинъ вопросъ, если онъ касался современныхъ событій. Однажды меня посѣтили: довольно пожи-

лой японецъ, отрекомендовавшійся врачомъ, и съ нимъ молодой японецъ, котораго тотъ представилъ какъ своего фельдшера. Видя, что они оба врутъ, я пригласилъ нашего судового врача, и мы начали специальный медицинскій разговоръ, на что они отвѣчали очень уклончиво. Старшій японецъ былъ одѣтъ въ поношенный костюмъ, видимо съ чужого плеча, а на младшемъ было совершенно новое матросское рабочее платье, и когда оно случайно растянулось на груди, то я замѣтилъ очень тонкую сорочку и жилетъ дорогого костюма. На манжетахъ сорочки были дорогія золотыя запонки. Одного взгляда на нихъ было довольно, чтобы понять, что это не докторъ и фельдшеръ, а старшій, судя по виду, напоминающему „морского волка“ — какой-нибудь адмиралъ (лицомъ похожій на адмирала Того), младшій же — принадлежитъ къ высшей японской аристократіи, такъ какъ лицо его было совершенно бѣлое и по виду онъ былъ очень холерный.

Въ разговорѣ „этотъ докторъ“ сообщилъ мнѣ, что у Портъ-Артура былъ большой морской бой. Это совпадало со временемъ гибели „Петропавловска“, и японскія военныя суда, стоящія на рейдѣ, два или три дня имѣли флаги приспущенными (знакъ траура). Какъ потомъ мнѣ сообщили, это былъ трауръ по адмиралѣ Макаровѣ, котораго японцы очень уважали, и одинъ изъ нихъ даже сказалъ мнѣ, что они очень сожалѣютъ о его смерти, такъ какъ думали у него чему-нибудь выучиться, а когда я отвѣтилъ ему, что назначенный начальникомъ эскадры адмиралъ Рождественскій, вѣроятно, также постарается выучить ихъ чему-нибудь, на что получилъ оригинальный отвѣтъ: о вашемъ адмиралѣ Рождественскомъ мы ничего не знаемъ, и едва

ли онъ въ состояніи выучить насъ чему-нибудь, чего мы до сихъ поръ не знаемъ; адмирала же Макарова мы считаемъ великимъ адмираломъ, и всѣ его сочиненія, переведенныя на японскій языкъ, служатъ нашимъ морякамъ настольными книгами.

Когда мой гость сообщилъ мнѣ о большомъ морскомъ боѣ, то у меня явилась мысль посмотреть, насколько морское дѣло интересуетъ „этого врача“, а потому я, какъ бы между прочимъ, спросилъ его: не принимали ли участія въ этомъ бою наши подводныя лодки? Добавивъ, что меня очень интересуетъ этотъ новый родъ оружія, который только въ эту войну можетъ показать свое настоящее значеніе. Это произвело ошеломляющее впечатлѣніе на „врача“, и онъ началъ разспрашивать меня о числѣ подводныхъ лодокъ въ Артурѣ, на что я ему совершенно хладнокровно отвѣтилъ, что точнаго количества не знаю, такъ какъ за послѣднее время ихъ могли еще подвезти по желѣзной дорогѣ въ разобраннымъ видѣ, но до войны ихъ было доставлено двѣ на судахъ Добровольнаго Флота, также въ разобраннымъ видѣ. Придя въ себя, онъ поспѣшилъ отвѣтить, что подводныя лодки еще участія въ бояхъ не принимали, и обѣщалъ сообщить мнѣ, если онѣ примутъ участіе въ одномъ изъ боевъ, которыхъ предвидится не мало. Конечно, я понималъ, что онъ лжетъ, допустивъ, что я наивно проболтался, а потому прибавилъ, что не думаю, чтобы они могли оказаться серьезнымъ оружіемъ, но все же мнѣ интересно было бы знать: какіе результаты получатся отъ первой ихъ атаки? Вотъ почему японцы долго были увѣрены, что сразу взорванные ихъ броненосцы „Хацузе“ и „Яшима“ погибли благодаря подводнымъ лодкамъ, а не минамъ поста-

вленнымъ транспортомъ „Амуръ“, и долго послѣ этого эскадра ихъ появлялась на виду Портъ-Артура только днемъ и въ ясную погоду.

Черезъ нѣсколько дней послѣ визита „врача“, ежедневно началъ пріѣзжать довольно приличный на видъ японецъ, отрекомендовавшійся, сколько мнѣ помнится, сотрудникомъ руссофильской японской газеты. Онъ подолгу просиживалъ у меня въ каютѣ, забрасывая разными вопросами черезъ Тимоеева, стараясь постоянно повторять, что онъ принадлежитъ къ руссофильской партіи, которая оказалась въ Японіи еще не достаточно сильной и не могла предотвратить этой войны, но онъ глубоко убѣжденъ, что по окончаніи войны японцы и русскіе станутъ еще большими друзьями, чѣмъ они были до войны, при чемъ старался узнать: давно ли я знаю Японію, нѣтъ ли у меня друзей между японцами, говорю ли я по-японски и т. п., на что получалъ отъ меня такіе отвѣты, которые, видимо, его мало удовлетворяли. Если же онъ задавалъ мнѣ вопросы, касающіеся нашего военного флота, то въ отвѣтъ на нихъ получалъ такіе же вопросы, касающіеся японскаго. Выдающаяся слащавость этого японца мнѣ ужасно надоѣла за 3—4 его пріѣзда, что я и не старался скрывать отъ него, а въ послѣдній его пріѣздъ съ Тимоеевымъ я даже спросилъ Тимоеева: зачѣмъ онъ его таскаетъ съ собой каждый разъ; если же онъ назначенъ къ нему „ассистентомъ“, то нельзя ли попросить, чтобы назначили другого, болѣе симпатичнаго. На другой день, около двухъ часовъ дня, пришелъ вахтенный матросъ и доложилъ мнѣ, что японецъ, который постоянно пріѣзжалъ съ Тимоеевымъ, проситъ разрѣшенія повидаться со мною. На мой вопросъ—гдѣ же Тимоеевъ? Вахтен-

ный отвѣтилъ, что японецъ пріѣхалъ одинъ. Тогда я сказалъ вахтенному, чтобы онъ передалъ пріѣхавшему, что я не говорю по-японски, а слѣдовательно мнѣ не о чемъ съ нимъ разговаривать. Ушедшій вахтенный сейчасъ же возвратился, принесъ мнѣ визитную карточку, на которой было напечатано по-русски: „НОМУРА—японскій консулъ въ Портѣ Корсаковскомъ (о. Сахалинъ)“, и при этомъ добавилъ, что пріѣхавшій японецъ прекрасно говоритъ по-русски. Пріѣздъ его безъ „ассистента“ и то, что онъ прекрасно говорилъ по-русски, что скрывалъ всѣ предыдущіе пріѣзды, разговаривая со мной черезъ переводчика—было верхомъ нахальства даже для японца, что невольно вызвало у меня нѣсколько нелестныхъ эпитетовъ по адресу Номуры, который уже стоялъ у двери моей каюты и, вѣроятно, все слышалъ, потому что когда я крикнулъ: „зови—чортъ его дери!“ то онъ, не ожидая другого приглашенія, немедленно вошелъ и съ милой улыбкой протянулъ мнѣ руку, но, не получивъ моей, на чистомъ русскомъ языкѣ сказалъ: „Напрасно, Георгій Гавріиловичъ, вы на меня сердитесь: имѣя инструкции отъ моего начальства, я не могъ поступать иначе“. Послѣ этого онъ началъ говорить мнѣ, что очень интересуется мной и особенно восхищается моими письмами, которыя только ему даются для цензуры и которыя, по его словамъ, сейчасъ же отправляются (всѣ мои письма получались на четвертый или пятый мѣсяцъ). Затѣмъ, продолжая лгать, началъ увѣрять меня, что очень сочувствуетъ моему горю и, если представится возможность, то постарается сдѣлать все возможное для меня, какихъ бы трудовъ ему это ни стоило. Потомъ прибавилъ, что онъ часто бывалъ въ Россіи и очень любитъ рус-

скихъ, на что я ему отвѣтилъ, что и хотѣлъ бы ему вѣрить, но не могу, такъ какъ никогда не вѣрю тому, кто меня уже обманывалъ. Впослѣдствіи мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ нимъ и даже онъ сопровождалъ меня при переѣздѣ изъ Сасебо въ Мацуяму. Вообще я замѣтилъ, что все то, въ чемъ онъ старался увѣрить меня, было такою же ложью, какъ и то, что ему быть необходимъ переводчикъ при разговорахъ въ первые дни нашего знакомства. Послѣ войны онъ былъ назначенъ японскимъ консуломъ во Владивостокъ и, какъ мнѣ передавали, рассчитывалъ, что я, при моихъ посѣщеніяхъ Владивостока, навѣщу его. Я никогда не страдалъ японофильствомъ, а потому расчеты его не оправдались. Впослѣдствіи Тимофеевъ мнѣ клялся, что для него также было сюрпризомъ знаніе Номурой русскаго языка и то, что онъ былъ консуломъ въ Россіи. Если это вѣрно, то только можно позавидовать японцамъ, какъ они умѣютъ сохранять то, что до поры до времени должно составлять тайну; т. е. совершенная противоположность тому, что происходитъ у насъ, такъ какъ у насъ часто бываетъ, что государственная тайна, благодаря кухаркамъ и писарямъ, на другой день становится извѣстной всему городу. Примѣровъ было не мало. Приѣзды Номуры безъ „ассистента“ заставили меня не только самого быть осторожнымъ съ нимъ, но и другихъ предупредить, чтобы они не говорили ничего лишняго при немъ. Какъ ни старался Номура понравиться всѣмъ, но на него смотрѣли какъ на профессиональнаго шпіона, избѣгая всякаго общенія съ нимъ, и, сколько я могъ замѣтить, даже японцы смотрѣли на него какъ на „нехорошаго человѣка“.

ГЛАВА IV.

Призовый судъ.

2 февраля начался такъ называемый „призовый судъ“, на который были собраны капитаны всѣхъ захваченныхъ судовъ, исключая капитана парохода „Манжурія“, лейтенанта датскаго флота Праля, почему-то всегда возимаго въ судъ не вмѣстѣ съ другими капитанами, а на отдѣльномъ катерѣ. Какая причина была этому, мы не знали, да и впослѣдствіи узнать не могли. Захватъ „Манжуріи“, которая везла въ Портъ-Артуръ массу военнаго груза и воздухоплавательный паркъ, какъ рассказывалъ мнѣ Праль, произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Изъ Сингапура пароходъ зашелъ въ Гонгъ-Конгъ, гдѣ также, какъ и въ Сингапурѣ, получилъ приказаніе, проходя мимо Шанхая, взять дальнѣйшую инструкцію отъ тамошняго нашего стаціонера „Манжуръ“. Подойдя къ устью Ян-Дзе-Кіанга, онъ былъ встрѣченъ паровымъ катеромъ съ „Манжура“, на которомъ пріѣхалъ мичманъ и далъ ему инструкцію, предписывающую идти въ Портъ-Артуръ. Это было 25 января, т. е. уже послѣ того, когда на шанхайской биржѣ знали, по словамъ Робертсона, о захватѣ „Екатеринослава“. 27 января, подойдя къ мысу Шантунгъ (105 миль отъ Портъ-Артура), онъ услышалъ сильнѣйшую канонаду, отъ которой дрожалъ пароходъ; пройдя дальше, онъ былъ свидѣтелемъ первой бомбардировки Портъ-Артура и, вмѣсто того, чтобы возвратиться обратно и скрыться въ Кіао-Чау, или даже въ Чи-фу, застопорилъ ма-

шину и стоять до тѣхъ поръ, пока не окончился бой, послѣ котораго японцы и захватили его.

Зданіе суда находилось въ самой глубинѣ порта, а потому мы могли довольно подробно осмотрѣть самый портъ, который, какъ я говорилъ раньше, расположенъ при довольно обширной западной бухтѣ залива. Входъ въ бухту, повидимому, былъ загражденъ минами, какъ и входъ въ заливъ. Вся бухта окружена высокими, почти обрывистыми горами, подъ которыми расположены все портовые сооруженія, такъ что въ случаѣ бомбардировки съ моря онѣ будутъ вполне защищены отъ неприятельскихъ снарядовъ. На южномъ берегу бухты помѣщались громаднѣйшіе склады угля, докъ и при немъ мастерскія. На западномъ берегу бухты находились все правительственныя учрежденія, казармы, госпитали, дома для служащихъ и такъ называемые экипажескіе магазины, т. е. склады судового имущества. На сѣверномъ берегу были расположены какія то каменные зданія, по всей вѣроятности, служившія складами для флота. Ширина этой бухты была немного больше мили, а длина не менѣе двухъ съ половиною миль. Въ бухтѣ, кромѣ миноносцевъ, военныхъ транспортовъ и одного подбитаго добавочнаго крейсера, которому снарядъ довольно сильно повредилъ заднюю часть спар-дека, стояло много пароходовъ подъ англійскими, американскими и австрійскими флагами, съ которыхъ шла спѣшная выгрузка угля и разныхъ ящиковъ. У меня были записаны названія многихъ изъ этихъ пароходовъ, но записку эту я утерять во время пребыванія въ плѣну. Зданіе, въ которое насъ привели подъ конвоемъ, было каменное въ два этажа и находилось въ саженьяхъ полутора отъ при-

стани. Когда насъ вели, то масса народа, работавшаго на берегу, оставила свою работу и устремилась къ намъ, но ей что-то крикнулъ старшій конвойный, и всѣ покорно опять принялись за свою работу. По приходѣ въ зданіе суда, насъ сейчасъ же развели по отдѣльнымъ комнатамъ, куда явилось по два японца въ черныхъ засаленныхъ сюртукахъ, изъ которыхъ одинъ отрекомендовался судьей, а другой—переводчикомъ. Раньше, чѣмъ приступить къ дѣлу, по японскому обычаю былъ поданъ въ миниатюрныхъ чашечкахъ зеленый наваръ изъ сушеныхъ листьевъ, который японцы называютъ чаемъ (о-ча). Какъ всегда, отъ него я отказался и попросилъ разрѣшенія вмѣсто питья чая курить, но получилъ отрицательный отвѣтъ. Переводчикъ сейчасъ же сообщилъ мнѣ, что имѣетъ русскую медаль и любитъ Россію и русскихъ, а потому искренно сожалеетъ о происшедшихъ событіяхъ, которыя, какъ онъ думаетъ, скоро окончатся, и послѣ нихъ Японія и Россія сдѣлаются еще болѣе дружественными державами, чѣмъ были раньше; что же касается лично меня, то онъ считаетъ своимъ долгомъ выразить мнѣ свое „сочувствіе и утѣшеніе“, добавивъ при этомъ, что онъ женатъ, и его жена также любитъ русскихъ, и когда узнала, что я взятъ въ плѣнъ, то очень много плакала, такъ какъ слышала много хорошаго обо мнѣ отъ своихъ знакомыхъ. Предоставляю читателямъ судить объ искренности этихъ любезностей. Послѣ этого, по выраженію переводчика, было приступлено къ суду, а вѣрнѣе—къ слѣдствію. По окончаніи опроса о томъ, кто я, „судью“ очень удивило, что жалованія отъ нашего правительства я не получаю и считаюсь уволеннымъ изъ флота на службу на коммерческія суда

капитаномъ 2-го ранга. Видимо, онъ желалъ узнать: состою я на дѣйствительной службѣ или нѣтъ? Затѣмъ между нами начался разговоръ, приблизительно слѣдующаго содержания:

— Могли бы вамъ дать въ командованіе военное судно?

— Я бы предложилъ вамъ, для болѣе точнаго отвѣта, сдѣлать объ этомъ запросъ нашему морскому министру, такъ какъ назначеніе командировъ вполне зависитъ отъ него.

— Но вы взяли бы имъ командовать?

— Какой бы вышелъ изъ меня командиръ военного судна — не знаю, но почему бы и не взяться командовать, хотя бы и кавалерійскимъ полкомъ? Хотя такого предложенія я и не получалъ до сихъ поръ, но если бы мнѣ его сдѣлали, то, можетъ быть, и не отказался бы, разсчитывая, что тому, кто дѣлаетъ подобное предложеніе, должно быть лучше извѣстно: способенъ ли я къ предлагаемой должности?

— Но у насъ, въ Японіи, такого званія, какъ ваше, нѣтъ.

— И у насъ, въ Россіи, нѣтъ многого того, что есть у васъ, въ Японіи.

Вѣроятно, удовлетворившись свѣдѣніями о моей личности, представитель японскаго суда приступилъ къ дальнѣйшему слѣдствію.

— Кому принадлежитъ пароходъ „Екатеринославъ“?

— Я вижу — около васъ лежитъ портфель съ судовыми бумагами „Екатеринослава“, изъ которыхъ вы вполне точно можете получить интересующія васъ свѣдѣнія.

— Кому принадлежитъ Добровольный Флотъ?

— Русскому народу.

— Почему не русскому правительству?

— Точно не знаю, но думаю потому, что онъ купленъ не на правительственные деньги, а собранныя русскимъ народомъ.

— Для чего онъ купленъ?

— Для развитія русскаго торговаго флота и открытія, на случай надобности, новыхъ морскихъ путей сообщенія.

— Не думало ли ваше морское министерство въ случаѣ войны обратить его въ военное судно?

— Не знаю, но думаю, что если вы телеграммой запросите объ этомъ наше морское министерство, то оно можетъ дать вамъ болѣе точныя свѣдѣнія, нежели я.

— Но вѣдь у васъ же берутъ въ случаѣ войны суда торговаго флота въ военный флотъ?

— Такіе случаи бывали, такъ же какъ брали лошадей, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, въ кавалерію, артиллерію и обозъ.

— Какой грузъ былъ на „Екатеринославѣ“?

— Въ коносаентахъ, которые находятся у васъ, онъ перечисленъ точно, а насколько мнѣ извѣстно, онъ состоитъ изъ домашнихъ вещей.

— Знаете ли вы тѣхъ лицъ, которымъ принадлежитъ грузъ?

— Нѣтъ.

— Почему же вы ихъ не знаете?

— Потому что не интересовался этимъ; да это и не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей.

— Есть ли у васъ пушки на пароходѣ?

— Поѣзжайте и посмотрите, или спросите тѣхъ, кто ужъ былъ на пароходѣ „Екатеринославъ“.

— Для чего у васъ на пароходѣ было 20 ружей?

— Для защиты отъ пиратовъ и дикарей, на случай ихъ нападеній, но не для защиты отъ военныхъ судовъ японскаго флота. Принадлежать онѣ къ системѣ Бердана, уже давно упраздненной въ нашихъ войскахъ.

— Есть ли у васъ между-командой и пассажирами военные матросы?

— Между пассажирами у меня 32 военныхъ матроса, какъ это видно изъ судовыхъ бумагъ. Всѣ они по болѣзни отправляются изъ Владивостока въ Одессу; что же касается команды, то не знаю, можетъ быть и есть.

— Гдѣ бумаги матросовъ-пассажировъ?

— Вѣроятно, скоро будутъ получены одесскимъ воинскимъ начальникомъ.

— Почему онѣ не отправлены съ вами?

— Вѣроятно, по той простой причинѣ, что со мной бы онѣ шли полтора мѣсяца, а по желѣзной дорогѣ будутъ идти дней 17, и къ моему приходу одесскій воинскій начальникъ успѣлъ бы приготовить все, чтобы прибывшіе немедленно были отправлены къ мѣсту назначенія.

— Это неправильно.

— Напишите объ этомъ нашему министру, можетъ быть онъ приметъ вашъ взглядъ къ свѣдѣнію и на будущее время измѣнить свои распоряженія.

— Скажите, какой вы командиръ, если не знаете своей команды, т. е., имѣются ли между ними военно-служащіе матросы или нѣтъ?

— Какой я командиръ—объ этомъ знаетъ мое начальство, а ваша критика моихъ способностей для меня совершенно безразлична.

— Возможно ли теперь узнать: есть ли между командой вашего парохода военные матросы?

— Очень легко. Для этого стоит только поѣхать на пароходъ и опросить ихъ самихъ.

— Отличается ли чѣмъ нибудь военно-служащій матросъ отъ вольнонаемнаго?

— Нѣтъ, потому что форму они носятъ одинаковую и жалованіе получаютъ одинаковое, въ зависимости отъ занимаемыхъ ими должностей.

— Но вѣдь гдѣ-нибудь ведутся ихъ списки?

— Конечно, въ управленіи Добровольнымъ флотомъ и въ тѣхъ экипажахъ, въ которыхъ они числятся.

— Какой процентъ въ командѣ военно-служащихъ матросовъ на судахъ Добровольнаго Флота?

— Сколько мнѣ извѣстно, на нашихъ быстроходныхъ судахъ онъ доходитъ до 50 и даже до 60%, а на транспортахъ, къ которымъ принадлежитъ „Екатеринославъ“, опредѣленнаго процента нѣтъ.

— Не знаете ли, почему такъ дѣлается?

— Я думаю, что на быстроходныхъ пароходахъ имъ есть чему поучиться, и въ особенности машинному дѣлу, а на транспортахъ подобной возможности представляется гораздо меньше.

— Чѣмъ болѣны военные матросы, которыхъ вы знаете?

— Не знаю, но сколько мнѣ кажется—хроническими болѣзнями, иначе ихъ бы не освободили отъ отбыванія воинской повинности.

— Можно ли гдѣ-нибудь узнать, чѣмъ они болѣны?

— Да, судовой врачъ обязанъ вести журналъ болѣзни каждаго изъ нихъ, и если вы интересуетесь, то онъ не откажется познакомить вашего врача съ этимъ журналомъ.

Мой допросъ очень затянулся, а потому капитаны другихъ судовъ уже были отправлены къ себѣ. Меня повезли одного, при чемъ конвоя уже не было, а сопровождали меня офицеръ, нѣсколько чиновниковъ и переводчиковъ. Когда мы подошли къ „Екатеринославу“, то мнѣ было предложено съ катера отдать распоряженія, чтобы вся команда и больные, кромѣ тѣхъ, которые не могутъ встать, вышли на палубу, а также докторъ и старшій офицеръ. Затѣмъ японцы вышли на пароходъ, предложивъ мнѣ остаться въ катерѣ. Наивность японцевъ ужасно смѣшила меня, такъ какъ они думали, что застигли меня врасплохъ. По приходѣ въ Сасебо я сейчасъ же предложилъ судовому врачу изобрѣсти такія болѣзни для матросовъ-пассажировъ (изъ которыхъ только 6 человекъ дѣйствительно были больны), которыя можно узнать только при самомъ тщательномъ и долгомъ анализѣ, объяснивъ имъ, что они должны отвѣчать японцамъ, если тѣ захотятъ подвергнуть ихъ таковому. А чтобы они чего-нибудь не переврали, устраивать имъ ежедневно экзаменъ. Вмѣстѣ съ этимъ велся журналъ ихъ мнимымъ болѣзнямъ, который и былъ данъ японцамъ, прибывшимъ на пароходъ для продолженія слѣдствія.

Что касается военно-служащихъ матросовъ, которыхъ у меня было человекъ 50, то и имъ были розданы роли, которыя они хорошо выучили и на японскомъ экзаменѣ были признаны вольнонаемными. Нѣсколькимъ старымъ матросамъ разрѣшено было заявить, что раньше они служили въ военномъ флотѣ, но такъ какъ имъ теперь больше 40 лѣтъ, то они состоятъ въ „чистой“, т. е. не подлежатъ призыву на случай войны. Въ „судовой роли“ (спи-

сокъ экипажа или, вѣрнѣе, общій паспортъ) пишется только имя и фамилія служащаго, а также должность, которую онъ занимаетъ на суднѣ; въ разчетныхъ же книжкахъ, которыя не были отобраны японцами, указывалось: вольнонаемный владѣлецъ ея или военно-служащій, да и самыя книжки были различныхъ цвѣтовъ. Такъ какъ въ судовой канцеляріи нашелся порядочный запасъ пустыхъ книжекъ, то по приходѣ въ Сасебо судовой писарь былъ засаженъ писать всѣмъ военно-служащимъ новыя разчетныя книжки, которыя, послѣ приданія имъ поношеннаго вида, выдавались на руки владѣльцамъ ихъ, а настоящія были уничтожены. Потомъ, для большаго убѣжденія, я показывать японцамъ образецъ книжки для военно-служащихъ, якобы по ошибкѣ не сданный въ контору Добр. Флота, что ихъ очень успокоило; въ ней даже была сдѣлана помѣтка, что владѣлецъ ея отправленъ въ наличіе такого-то экипажа. Какъ ни старались японцы, но результатъ получился тотъ, что военно-служащихъ матросовъ на „Екатеринославѣ“ не оказалось, а матросы-пассажиры были больны неизлечимыми болѣзнями, при чемъ тутъ же было порѣшено, что многіе изъ этихъ больныхъ нуждаются въ свѣжемъ молокѣ, которое и привозилось послѣ этого на пароходъ въ достаточномъ количествѣ.

Просидѣвъ около получаса на катерѣ, я позвалъ переводчика и заявилъ ему, что сидѣть мнѣ надобно, а потому прошу или прислать мнѣ удочку для рыбной ловли, или разрѣшить идти къ себѣ въ каюту. Послѣ обычнаго совѣщанія между собой, мнѣ было разрѣшено идти къ себѣ въ каюту, при чемъ у дверей былъ поставленъ часовой съ при-

казаніемъ до конца слѣдствія не выпускать меня изъ каюты на палубу. Послѣ окончанія слѣдствія вся японская комиссія явилась ко мнѣ и торжественно заявила, что у меня между командой нѣтъ военно-служащихъ. Поблагодаривъ ихъ за любезное сообщеніе, я напомнилъ переводчику, что ихъ судья очень интересовался: есть ли на „Екатеринославѣ“ пушки, а потому предлагаю всей почтенной комиссіи, не теряя времени, приступить къ самому подробному осмотру парохода, чтобы сдѣлать докладъ г. судья и по этому вопросу. Передавъ мое предложеніе японцамъ, онъ сообщилъ мнѣ, что это имъ не поручено, а потому они теперь не могутъ дѣлать этого осмотра. Поблагодаривъ меня за мою любезность, они поспѣшили уѣхать.

Послѣ этого меня еще нѣсколько разъ возили въ судъ для подтвержденія того, что я уже сообщилъ имъ, вѣроятно думая, что я буду давать сбивчивые отвѣты, но этого не случилось. Одинъ только разъ судья, на какой-то пустой вопросъ, замѣтилъ мнѣ, что раньше я давалъ другое показаніе. На это я ему возразилъ, что прекрасно помню мой отвѣтъ, но какъ его перевелъ переводчикъ — не знаю, такъ какъ не говорю по-японски. По окончаніи слѣдствія мнѣ предложили подписать что-то, написанное по-японски, но я отказался, заявивъ, что могу подписывать только то, что понимаю и считаю вѣрнымъ. На обидчивое замѣчаніе переводчика, что это писалъ судья, который долженъ писать и говорить только правду, я отвѣтилъ ему, что въ такомъ случаѣ пусть самъ и подписываетъ. На новое заявленіе, что судья уже подписалъ и даже приложилъ свою печать, я отвѣтилъ, что нахожу эту подпись съ печатью вполне достаточны-

ми, такъ какъ судья по японскимъ законамъ долженъ говорить и подписывать только правду; я же подписывать то, чего не понимаю — не буду, такъ какъ это мое право, котораго отнять у меня никто не можетъ.

ГЛАВА V.

Жизнь въ Сасебо.

Жизнь на пароходѣ шла своимъ чередомъ. Чтобы команда не скучала, я придумывалъ ей всевозможныя занятія и игры. Японскій караулъ также просилъ разрѣшенія принимать участіе въ послѣднихъ, при чемъ большею частью оставался въ проигрышѣ. Проигравшая партія должна была возить на своихъ спинахъ выигравшую вокругъ парохода, а потому нерѣдко можно было видѣть оригинальную картину, какъ маленькій японецъ, кряхтя, на своей спинѣ тащитъ нашего громаднаго матроса. Надо отдать справедливость караульнымъ, что они вели себя очень вѣжливо; при моемъ проходѣ всегда вставали и отдавали мнѣ честь, а проходя какоть-компаніей, въ которой находились портреты Царской Фамиліи, останавливались передъ ними и, взявъ руки по швамъ, дѣлали имъ низкій поклонъ и затѣмъ уже проходили дальше. Это послужило поводомъ къ тому, что Юшимура обратился ко мнѣ съ просьбой завѣсить портреты Царской Фамиліи, какъ это дѣлается у нихъ съ портретомъ Микадо, чтобы не затруднять караульныхъ, проходящихъ черезъ

каютъ-компанію. На это я заявилъ, что у насъ не принято завѣшивать портреты Царской Фамиліи, а потому я лучше прикажу ихъ снять и укупорить для отправки въ Россію, на что получилъ полное согласіе. То же я сдѣлалъ и съ образомъ, подареннымъ пароходу г. Екатеринославомъ. Когда команду отпустили въ Россію, то она взяла съ собой всѣ судовые образа и портреты Царской Фамиліи.

4 февраля моему пассажиру К. вмѣстѣ съ пассажирами и китайской командѣ другихъ захваченныхъ судовъ разрѣшено выѣхать въ Шанхай. Это было яснымъ доказательствомъ, что захваченныхъ пароходовъ не отпустить, несмотря на то, что призовый судъ только что начался. Въ этотъ день я подалъ протестъ призовому суду о неправильномъ захватѣ „Екатеринослава“, основываясь на современномъ международномъ правѣ, которое, какъ я упоминалъ въ протестѣ, признается всѣми цивилизованными народами; но, вѣроятно, его оставили безъ послѣдствій, т. к. въ концѣ концовъ „Екатеринославъ“ былъ признанъ „добрымъ призомъ“.

24 февраля всѣ капитаны захваченныхъ судовъ были собраны на пароходѣ „Манчурія“, который до этого времени усиленно разгружался, и все, что имѣло характеръ вооннаго груза, съ него было свезено въ портъ. Когда всѣ собрались, то приѣхавшій лейтенантъ Юшимура вынулъ какую то японскую газету и торжественно прочелъ намъ, что всѣ захваченные пароходы, на основаніи существующихъ (конечно, въ Японіи) законовъ и международного права, признаны „добрыми призами“, при чемъ недовольнымъ этимъ рѣшеніемъ дается

30 дней срока, въ который они могутъ опротестовать это рѣшеніе; при чемъ объявляется, что тѣ капитаны судовъ, которые подадутъ протестъ, должны имѣть довѣренность отъ своихъ судовладельцевъ и дѣло должно вестись на японскомъ языкѣ безъ переводчиковъ. Другими словами: т. к. никто изъ капитановъ не можетъ за это время получить довѣренности отъ своихъ судовладельцевъ, а если и получить, то, по незнанію японскаго языка, волей-неволей долженъ будетъ молчать въ судѣ. Коротко и ясно, а о справедливости предоставляю судить другимъ.

Послѣ этого между мной и Йошимурой, по порученію остальныхъ капитановъ, начался слѣдующій разговоръ.

— Скажите, пожалуйста, Йошимура, какіе мотивы послужили данными суду, чтобы признать наши пароходы, захваченные вами до войны, вопреки современному международному праву — „добрыми призами“?

— Въ газетѣ объ этомъ ничего не сказано, а потому и я ничего не могу отвѣтить вамъ на это.

— Тогда не откажите сообщить: это пріятное извѣстіе вы объявляете намъ какъ лицо, уполномоченное судомъ, или просто какъ новость, при чемъ, по японскому обычаю, вы желаете высказать свое „сочувствіе и утѣшеніе“?

— Нѣтъ, судъ обыкновенно только объявляетъ свое рѣшеніе въ газетахъ, и этимъ дѣло оканчивается.

— Видя, что вашъ судъ довольно своеобразно смотритъ на современное международное право, намъ необходимо для возраженія ему знать эти взгляды или тѣ законы, которыми онъ руководился, а по-

тому мы просимъ передать суду, чтобы онъ прислать намъ кого-нибудь разъяснить все это.

— Къ несчастью, этого сдѣлать нельзя, т. к. всѣ судьи уѣхали изъ Сасебо и соберутся только черезъ 30 дней, чтобы вновь разсмотрѣть дѣло, если отъ васъ поступятъ протесты.

— Но какимъ же образомъ мы можемъ достать довѣренности отъ нашихъ судовладѣльцевъ, если находимся арестованными? Наконецъ, если бы мы даже телеграфировали имъ, чего намъ не разрѣшено, то вѣдь довѣренность, раньше истечения этого срока придти не можетъ. Кромѣ всего этого для веденія дѣла намъ нужны адвокаты, хорошо знакомые съ японскимъ языкомъ, вашими законами и международнымъ правомъ, а потому мы требуемъ, чтобы насъ освободили изъ подъ ареста и отпустили въ Токио, гдѣ мы, вѣроятно, найдемъ таковыхъ.

— Къ сожалѣнію, этого сдѣлать нельзя, такъ какъ народонаселеніе Японіи очень возбуждено противъ русскихъ и васъ кто нибудь можетъ оскорбить, а этого мы допустить не можемъ.

— Дайте намъ охрану.

— По случаю войны у насъ нѣтъ людей для охраны. Если вы желаете, мы можемъ порекомендовать вамъ прекрасныхъ адвокатовъ, которые не откажутся за извѣстное вознагражденіе защищать ваши интересы передъ судомъ.

— Остается только поблагодарить васъ за участіе и рекомендацію хорошихъ японскихъ адвокатовъ, которые, мы не сомнѣваемся, за вознагражденіе не откажутся защищать наши интересы передъ японскимъ судомъ, но такъ какъ мы больше чѣмъ увѣрены, что изъ этого толка никакого не будетъ,

да и деньги у насъ всѣ отобранны, то мы отъ подобной любезности отказываемся.

— Вы можете вмѣсто денегъ дать ему письменное обязательство на имя французскаго посланника въ Токио, которому поручены интересы всѣхъ русско-подданныхъ, находящихся въ Японіи.

— Еще разъ благодаримъ за всѣ ваши любезныя предложенія и просимъ сообщить: не имѣете ли вы еще какихъ нибудь порученій?

— Да, командиръ порта адмиралъ Самеджима приказалъ сообщить вамъ, что завтра въ 11 час. утра команды всѣхъ взятыхъ судовъ, рестораторская прислуга, врачи, почтовые чиновники и духовныя лица должны будутъ оставить свои суда и выѣхать въ Нагасаки, откуда ихъ отвезутъ въ Шанхай и передадутъ русскому консулу для отправления въ Россію, при чемъ они должны дать подписку, что не будутъ принимать участія въ настоящей войнѣ между Японіей и Россіей. Что же касается остальныхъ служащихъ, то они должны перебраться со своихъ судовъ на пароходъ „Манджурия“, при этомъ имъ разрѣшается оставить при себѣ часть рестораторской прислуги и взять свое личное имущество; на перевозку вещей дается одинъ часъ времени. Провизія для вашего продовольствія будетъ доставляться вамъ ежедневно „по положенію“.

— Тогда позвольте просить васъ выяснить намъ слѣдующую, непонятную для насъ вещь: вы отправляете наши команды и въ то же время рекомендуете намъ адвокатовъ, которые, по вашимъ словамъ „за извѣстное вознагражденіе“ помогутъ намъ въ дѣлѣ освобожденія нашихъ судовъ. Какимъ же способомъ, если наши суда освободятъ, мы безъ команды доберемся на нихъ до Россіи?

— Я не знаю, но вѣроятно наше правительство поможетъ вамъ довести ихъ до перваго иностраннаго порта, въ которомъ вы будете имѣть возможность нанять команду для дальнѣйшаго плаванія.

Составивъ списокъ остающейся при насъ рестораторской прислуги, мы возвратились на наши суда.

Собравъ всѣхъ, я объявилъ имъ о рѣшеніи японцевъ и предложилъ сейчасъ же приступить къ укладкѣ своего имущества, для чего велѣлъ подхиперу выдать командѣ всю имѣемую парусину, а если ея не хватитъ, то брать самые новые тенты и чехлы для этой надобности, при чемъ стараться портить все, но чтобы это не имѣло вида умышленной порчи. Отдалъ я это распоряженіе, такъ какъ былъ увѣренъ въ томъ, что японцы не отпустятъ парохода, уже предназначивъ его для военныхъ цѣлей. Предложенія мои впослѣдствіи оправдались.

Послѣ сообщенія командѣ распоряженія японцевъ, всѣ военно-служащіе и многіе изъ вольнонаемныхъ заявили мнѣ, что подписки давать не будутъ, такъ какъ при первой возможности постараются достойно отплатить японцамъ за ихъ разбойничьи поступки; да, наконецъ, и отданная ими присяга говоритъ противъ этого. Похваливъ ихъ за такое честное и серьезное отношеніе къ своему нравственному долгу, я разъяснилъ имъ, что японцы въ случаѣ отказа исполнить это требованіе, объявятъ ихъ плѣнными и задержатъ въ Японіи до окончанія войны. Если же они возвратятся въ Россію, то могутъ замѣнить собою тѣхъ, которымъ по необходимости пришлось бы остаться въ Европейской Россіи и не принимать участія въ войнѣ съ японцами. Наконецъ, наши высшія духовныя власти

могутъ признать эту подписку вынужденной и разрѣшить, въ случаѣ надобности, нарушить ее. При этомъ, конечно, добавилъ, что принуждать ихъ давать подобную подписку я не имѣю нравственнаго права, но объявляю всѣмъ, что всю отвѣтственность беру на себя, такъ какъ увѣренъ, что ни Государь Императоръ, ни высшія власти не найдутъ мой совѣтъ преступнымъ, а потому прошу ихъ, по возвращеніи въ Россію, немедленно заявить объ этомъ. Послѣ обсужденія этого вопроса они рѣшили дѣйствовать согласно моему совѣту.

Затѣмъ, позвавъ къ себѣ старшаго механика, я заявилъ ему, что хотя японцы и предлагаютъ перенести дѣло о признаніи нашего парохода „добрымъ призомъ“ во вторую инстанцію, но я убѣжденъ, что изъ этого ничего не выйдетъ и въ концѣ концовъ „Екатеринославъ“ будетъ использованъ ими для военныхъ цѣлей, а потому предлагаю ему до завтрашняго утра испортить машины и котлы такъ, чтобы это не имѣло вида умысленной порчи, но потребовало капитальнаго ремонта. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что исполнить мое требованіе лишь тогда, если я дамъ ему письменное распоряженіе, которое, добавилъ я, на случай арестованія вашихъ бумагъ, попадетъ въ руки японцевъ?

Послѣ этого, посоветовавшись со вторымъ механикомъ А. Т. Чеботаревымъ, я позвалъ старшаго машиниста и приказалъ ему сейчасъ же начать разводить пары во всѣхъ котлахъ и, когда они будутъ готовы, выпустить воду изъ котловъ и, не давая имъ остыть, наполнить ихъ морской водой. Котлы были стальные, а слѣдовательно такое быстрое охлажденіе могло сильно ихъ испортить. Затѣмъ, сейчасъ же во всѣ цилиндры впустить силь-

ный растворъ каустической соды (ѣдкій натръ), а утромъ его выпустить и цилиндры промыть забортной водой. Впослѣдствіи я узналъ отъ офицеровъ, спасшихся съ броненосца „Хацузе“, что „Екатеринославъ“ больше 8 узловъ ходить не могъ.

На другой день на каждое судно явилась японская комиссія, которая начала отбирать подписки отъ всѣхъ уѣзжающихъ, а затѣмъ размѣщать ихъ на приведенныхъ баржахъ. Съ судового врача, священника и горничной также были потребованы подписки. Какъ я ни объяснялъ японцамъ черезъ переводчика Номуру, что эти лица должны быть освобождены отъ подобной подписки—они твердили свое: „такъ приказано изъ Токіо“. Пришлось исполнять это приказаніе.

Вечеромъ я получилъ письмо отъ Юшимуры, въ которомъ говорилось, что командиръ порта, находя провизію собственностью судна, а не ресторатора, приказалъ провизіи намъ не выдавать; если же мы не довольны его распоряженіемъ, то черезъ 30 дней собирается призовый судъ, въ которомъ мы можемъ обжаловать это рѣшеніе черезъ своего адвоката, и если судъ признаетъ его распоряженіе неправильнымъ, то провизія будетъ возвращена ресторатору. На это я отвѣтилъ, что такъ какъ мнѣ было офиціально заявлено, что провизія будетъ выдана ресторатору, то я и просилъ оставить его съ поваромъ при насъ, теперь же въ виду измѣненія рѣшенія, я прошу ресторатора и повара отправитъ въ Россію, такъ какъ онъ отказывается хлопотать о возвращеніи ему провизіи, которая, благодаря прекращенію дѣйствія охладительной машины, испортится въ рефрежираторѣ настолько, что годной къ употребленію въ пищу быть не можетъ.

На другой день нашу провизію начали перевозить, но только не на пароходъ „Манджурія“, а въ портъ. Дня черезъ три рестораторъ съ поваромъ были отправлены въ Россію. Присылаемой провизіи „по положенію“ оказывалось мало, а потому ресторатору „Манджурія“ при помощи переводчика приходилось докупать ее на берегу. Иногда между купленной провизіей оказывалась и захваченная японцами при помощи обмана у насъ на „Екатеринославѣ“. Если бы знать, что Юшимура лжетъ, можно бы было часть провизіи отдать уѣзжающей командѣ, а остальную испортить, чтобы она не досталась японцамъ. Не мало подобныхъ уроковъ я имѣлъ во время пребыванія въ плѣну, и это выучило меня не вѣрить ни одному слову японца, въ какомъ бы чинѣ онъ ни состоялъ. Когда я вновь послѣ войны былъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ, то мнѣ было обидно смотрѣть на нѣкоторыхъ нашихъ администраторовъ, которые, не скрывая, выражали свои симпатіи японцамъ, идеализируя ихъ въ какую то рыцарскую націю и не видя въ нихъ коварныхъ азіатовъ, которые своимъ образомъ дѣйствій мало измѣнились почти за сто лѣтъ. Захватъ въ плѣнъ Головина и пиратское нападеніе на меня и другихъ 7 нашихъ пароходовъ не говорятъ о рыцарскомъ духѣ этой націи ни сто лѣтъ тому назадъ, ни теперь, а если къ этому прибавить разбойничье нападеніе на „Варяга“ и артурскую эскадру, то всѣ эти поступки можно назвать присущими не рыцарямъ, а только коварнымъ азіатамъ. Если эти администраторы не перемѣнятъ своихъ наивныхъ взглядовъ на японцевъ, то намъ еще не разъ придется остаться околпаченными ими. Только строжайшій надзоръ за японцами и строжайшее приказаніе дальне-восточнымъ админи-

страторамъ не сближаться и не довѣрять любезностямъ японцевъ можетъ еще помочь намъ удержать въ своихъ рукахъ нашъ Дальній Востокъ. Не надо быть пророкомъ, чтобы понимать стремленія этой нахальной и далеко не храброй нации. Многие, можетъ быть, теперь и не согласны со мной, но время покажетъ: правъ ли я или нѣтъ?

Передъ нашимъ переѣздомъ съ „Екатеринослава“ на „Манджурію“ къ пароходу прибыло масса фуне (японскія шлюпки) и едва только снесли наши вещи, какъ прибывшіе японцы, подобно обезьянамъ, забрались на пароходъ и принялись за грабежъ буфета и каютъ-компаніи. Уходя послѣднимъ съ парохода, я указалъ на это караульнымъ, но, видимо, тѣ были въ соглашеніи съ этими грабителями, а потому только мило улыбнулись. Какъ бы предчувствуя это, я взялъ съ собою судовые инвентари, которые впоследствии и уничтожилъ. Дня черезъ два ко мнѣ пріѣзжали изъ порта и просили, чтобы я поѣхалъ съ ними на „Екатеринославъ“ и помогъ имъ составить инвентари судового имущества, или далъ свои, но я отъ этого наотрѣзъ отказался и заявилъ, что судовые инвентари за моей подписью хранятся въ Одессѣ, откуда они и могутъ ихъ потребовать, при чемъ добавилъ, что, вѣроятно, имъ, какъ теперешнимъ законнымъ владѣльцамъ парохода, въ этомъ не окажутъ, такъ какъ это ихъ такое же законное право, какъ и владѣніе „Екатеринославомъ“. Бывшій при этомъ въ качествѣ переводчика Номура замѣтилъ мнѣ, что я къ постановленію ихъ суда отношусь съ ироніей, а судъ Японіи дѣйствуетъ, строго придерживаясь закона. Выслушавъ это, я принялъ наивное выраженіе и въ свою очередь заявилъ ему: находясь въ Японіи, я прекрасно

понимаю, что долженъ подчиняться ея законамъ и постановленіямъ справедливаго и безпристрастнаго японскаго суда, а потому и считаю японцевъ законными владѣльцами „Екатеринослава“. Мнѣ кажется, и администрація Добровольнаго Флота, узнавъ справедливое рѣшеніе японскаго суда о признаніи ея парохода „добрымъ призомъ“, безпрекословно подчинится ему, а когда узнаетъ, что вамъ нужны судовые инвентари, то, въ силу справедливости, посѣштитъ ихъ выслать новымъ владѣльцамъ „Екатеринослава“, такъ какъ инвентарь есть неотъемлимая собственность имущества, которое въ немъ перечислено. Обозленный Номура счелъ самымъ лучшимъ прекратить разговоръ и уѣхать съ парохода.

Дня черезъ четыре послѣ нашего переселенія на „Манджурію“, пріѣхавшій переводчикъ Тимоѣй объявилъ намъ, что сегодня будутъ разстрѣливать одного боцмана и двухъ матросовъ, которые, будучи въ караулѣ на пароходѣ „Александръ“ (китобой, принадлежавшій графу Кейзерлингу) ночью, вмѣстѣ съ частью пароходной команды, съ которой были раньше знакомы, съѣхали въ одну изъ деревушекъ, расположенныхъ на берегу залива и не только напились пьяными, но даже побили жителей, вслѣдствіи жалобы которыхъ и были преданы суду, приговорившему ихъ къ разстрѣліанію.

28 февраля намъ принесли газеты и каждому командиру по нѣсколько писемъ, что насъ крайне удивило и очень обрадовало. По заявленію переводчика, на это получено разрѣшеніе изъ Токіо. Письма оказались отъ японскихъ адвокатовъ, которые на перебой предлагали свои услуги защитить во второй инстанціи призоваго суда неправильный

захватъ нашихъ пароходовъ японскимъ правительствомъ. Съ меня просили за это 10,000 іенъ въ случаѣ выигрыша дѣла, при чемъ 2000 іенъ изъ этой суммы впередъ. Оставивъ безъ вниманія эти предложенія, мы съ жадностью набросились на газеты. Въ одной изъ нихъ, а именно въ „Нагасаки Прессъ“ отъ 15 февраля н. с. 1904 г. мы прочли распоряженіе японскаго правительства, которымъ русскимъ коммерческимъ судамъ дается десятидневный срокъ на свободный выходъ изъ русскихъ портовъ и плаваніе не только по всѣмъ морямъ, но даже на посѣщеніе японскихъ портовъ, послѣ чего они должны возвратиться въ свои порта и, если затѣмъ уже выйдутъ въ море, то будутъ подлежать захвату. Такъ какъ мы всѣ были захвачены еще до объявленія войны и признаны ихъ судомъ „добрыми призами“, то объяснить подобное распоряженіе можно только обыкновенной японской ложью и азіатскимъ коварствомъ, чтобы побольше захватить русскихъ судовъ, повѣрившихъ этому японскому правительственному распоряженію. Послѣ пиратскаго нападенія на Портъ-Артуръ, японцамъ уже не вѣрили, и наши коммерческія суда не выходили изъ русскихъ портовъ на Дальнемъ Востокѣ. А можетъ быть это была утка, пущенная японскими адвокатами и умышленно посланная намъ, чтобы мы поспѣшили принять ихъ услуги.

2 марта явился ко мнѣ Юшимура и торжественно объявилъ, что получено официальное уведомленіе о признаніи „Екатеринослава“ „добрымъ призомъ“. На мой вопросъ: что же онъ читалъ намъ раньше изъ газеты—онъ отвѣтилъ, что то не касалось „Екатеринослава“, такъ какъ тогда еще не всѣ судьи были согласны въ его правильномъ

захватѣ, а теперь всѣ. Когда же я выразилъ желаніе узнать, почему, не дождавшись общаго согласія судей, отправили команду въ Россію, а также, почему между судьями раньше происходилъ расколъ, а теперь явилось такое единодушіе, то онъ, въ продолженіе получаса, принялся изводить меня наборомъ бессмысленныхъ фразъ, что въ концѣ концовъ вывело меня изъ терпѣнія, и я, пославъ его и переводчика къ черту, ушелъ къ себѣ въ каюту. Впоследствии я пришелъ къ убѣжденію, что это у японцевъ всегда практикуется, когда они не желаютъ чего нибудь отвѣтить, оставаясь въ то же время, по ихъ мнѣнію, вѣжливыми, а потому и самъ началъ практиковать подобный способъ, что ихъ всегда ужасно злило. Для этого я притворялся или непонимающимъ переводчика, или отвѣчалъ наборомъ фразъ, въ общемъ не имѣющихъ смысла.

Жизнь на „Манджуріи“ первое время шла сравнительно весело, такъ какъ каждый рассказывалъ подробности своего захвата и случаи изъ своихъ плаваній, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, въ особенности на мало извѣстномъ Дальнемъ Востокѣ. Особенно интересны были рассказы старшаго помощника парохода „Аргунь“ Щербинина (типъ русскаго богатыря), который почти мальчикомъ отправился на Дальній Востокъ и прекрасно изучилъ не только его моря, но языки и нравы побережныхъ жителей. Его здоровье и прекрасный характеръ много помогали ему переносить всѣ невзгоды, которыми такъ богата жизнь моряка, а его была въ особенности. Послѣ долгихъ трудовъ и лишеній, собравъ кое-какія деньжонки, онъ вмѣстѣ съ товарищемъ приобрѣли, конфискованную нашимъ правительствомъ, небольшую парусную шхуну и от-

правились на ней въ Охотское море для добыванія китоваго уса. Имъ удалось убить одного кита и они уже подсчитывали свои барыши, но на обратномъ пути у береговъ Сахалина, благодаря плохой оснасткѣ, эту шхуну выбросило на берегъ и разбило. Хотя ему съ товарищемъ и удалось спастись, но пришлось очень долго прожить на Сахалинѣ у гиляковъ, съ бытомъ и легендами которыхъ онъ, по неволѣ, прекрасно познакомился.

На пароходѣ оказался не малый запасъ спиртныхъ напитковъ, взятыхъ рестораторомъ для продажи, на которые онъ, желая поскорѣе распродать, назначилъ очень низкія цѣны, а потому сейчасъ же выдѣлилась партія патентованныхъ алкоголиковъ, которые принялись за ревностное истребленіе ихъ. Вакханаліи эти обыкновенно начинались въ 9 час. вечера и продолжались до разсвѣта. Ни уговоры капитановъ, ни угрозы — ничто не помогало. Черезъ 2 — 3 дня послѣ переезда на „Манджурію“ этой всепьянѣйшей коллегіей, которая называла себя „ланцепупами“ (въ память знаменитаго владивостокскаго „клуба ланцепуповъ“, культъ котораго былъ — безпробудное пьянство и всевозможнѣйшіе скандалы), было устроено нѣчто въ родѣ билліарда и постановлено что проигравшій долженъ угощать всѣхъ присутствующихъ. Шумъ, крики и даже брань раздавались всю ночь.

Впослѣдствіи я узналъ, что эта компанія не ограничивалась только пьянствомъ. Такъ какъ на „Манджуріи“ оставалось еще довольно груза, то каждую ночь назначалась партія охотниковъ, въ которой принимала участіе и рестораторская прислуга. На обязанности этой партіи лежало отправляться въ одинъ изъ грузовыхъ трюмовъ и уни-

чтожать въ нихъ все, что только возможно изъ груза, да и самый пароходъ портить. Въ концѣ концовъ у многихъ появились прекрасные фотографическіе аппараты, бинокли, зрительныя трубы, астрономическіе инструменты и много разныхъ другихъ дорогихъ вещей, которыми были наполнены трюмы „Манджуріи“. Все же, чего нельзя было взять — портилось, и послѣ этого мѣсто съ вещами тщательно укупоривалось, чтобы не возбудить подозрѣнія у японцевъ. Тюки съ мануфактурой и въ особенности съ шелкомъ, котораго много было отправлено изъ Гонгъ-Конга въ Портъ-Артуръ, вскрывались, обливались масломъ и опять закупоривались.

Однажды къ намъ пріѣхало нѣсколько японцевъ, по обыкновенію „съ сочувствіемъ и утѣшеніемъ“, а также справиться о нашемъ здоровьѣ. Между нѣкоторыми изъ нихъ мы узнали нашихъ судей, а одинъ даже отрекомендовался прокуроромъ. Быть хозяевами мы поручили нашимъ „ланцетупамъ“, которые приняли ихъ такъ, что тѣ поспѣшили убраться съ парохода. Въ особенности досталось одному изъ нихъ, который, видимо гордясь своими жидкими баками, расчесалъ ихъ такъ, что очень напоминалъ ревуна (порода обезьянъ, морды которыхъ обростають баками, и когда они кричатъ, то баки у нихъ топорщатся). Едва они усѣлись на катеръ и начали прощаться, какъ имъ устроили настоящій кошачій концертъ, сопровождаемый разными не особенно пріятными пожеланіями на японскомъ языкѣ, который нѣкоторые знали довольно хорошо, но тщательно скрывали это отъ японцевъ.

19 марта я былъ приглашенъ въ зданіе суда, гдѣ меня встрѣтилъ какой-то японецъ и отрекомен-

довался адвокатомъ Масуджима, вручивъ мнѣ телеграмму предсѣдателя комитета Добровольнаго Флота, въ которой говорилось, что Масуджимѣ поручается защищать дѣло о захватѣ парохода „Екатеринославъ“ во второй инстанціи; на основаніи этого онъ просилъ меня сообщить ему всѣ подробности захвата парохода. Едва только я началъ рассказывать ему эти подробности, какъ присутствующій при этомъ чиновникъ заявилъ, что время нашего свиданія по приказанію командира порта ограничено и срокъ уже истекаетъ, о чемъ онъ и считаетъ своимъ долгомъ предупредить насъ. Масуджима началъ протестовать, но ему приказано было молчать. Можетъ быть, это была только комедія, разыгранная для какой нибудь цѣли — судить не берусь. Тогда я предложилъ написать всѣ подробности и прислать ему, на что и было получено согласіе присутствовавшего чиновника. Послѣ этого я предложилъ Масуджимѣ, что только въ томъ случаѣ буду писать это, если онъ дастъ мнѣ росписку въ обязательствѣ отправить мои показанія въ комитетъ Добровольнаго Флота, въ случаѣ проигрыша имъ дѣла, въ чемъ я болѣе чѣмъ увѣренъ. На это онъ съ видомъ обиженной гордости заявилъ мнѣ, что если бы онъ не надѣялся выиграть дѣла, то и не сталъ бы браться за него. На другой день все просимое было послано Масуджимѣ, при чемъ я указывалъ ему, въ довольно рѣзкихъ фразахъ, на нарушение его правительствомъ современнаго морского международнаго права и на правила, обнародованныя японскимъ правительствомъ въ газетѣ „Нагасаки Прессъ“. Однажды пріѣхавшій на пароходъ переводчикъ заявилъ мнѣ, что Масуджима страшно громить судъ, но въ результатѣ оказалось, какъ я

предсказывать Масуджимѣ и повторилъ переводчику, когда онъ сообщалъ мнѣ о храбрости Масуджимы, что „Екатеринославъ“ и во второй инстанціи г.г. японскіе судьи, уже безъ всякаго раскола, признали „добрымъ призомъ“.

Рис. 4. Епископъ Николай.

На первый день Пасхи къ намъ пріѣзжало много японцевъ въ полной парадной формѣ, чтобы поздравить насъ съ праздникомъ, а также привезли мнѣ телеграмму и ящикъ папиросъ отъ французскаго посланника въ Токио. Телеграммой онъ поздравлялъ меня и всѣхъ моихъ товарищей по несчастью съ

праздниками, совѣтуя спокойно переносить это несчастье и надѣяться на скорое освобожденіе. Послѣ этого они передали мнѣ распечатанное письмо отъ японскаго епископа Николая (въ мірѣ князь Касаткинъ), пожелавшаго остаться въ Токио на время войны, чтобы не бросать свою православную паству. Будучи хорошимъ знакомымъ моего отца и узнавъ, что меня постигло несчастье, онъ сейчасъ же поспѣшилъ придти ко мнѣ съ нравственнымъ утѣшеніемъ. Не мало заботъ и впослѣдствіи расточалъ русскимъ плѣннымъ этотъ святой человѣкъ, котораго японцы называютъ православнымъ апостоломъ и котораго въ Японіи не только японцы-христиане, но и всѣ вообще, не исключая Микадо, глубоко уважаютъ. Это особенно рельефно выказалось послѣ заключенія мира, когда народъ, не довольный условіями его, дѣлалъ попытки въ Токио къ оскорбленію европейцевъ и въ особенности англичанъ и американцевъ. Русская духовная миссія въ это время охранялась самимъ народомъ, и никто не пытался высказать ни ей, ни епископу Николаю своего неуваженія. Приѣхавшій адъютантъ адмирала Самеджима передалъ мнѣ его поздравленіе и распоряженіе, чтобы портовая музыка была послана на пароходъ играть съ двухъ до пяти часовъ дня. Передавъ это другимъ капитанамъ, я съ общаго ихъ согласія заявилъ адъютанту, что мы благодаримъ адмирала за его вниманіе, но музыки просимъ не присылать, такъ какъ въ то время, когда наши братья умираютъ въ борьбѣ за отечество, а сами мы находимся въ заключеніи, намъ даже непріятно будетъ слушать музыку, но противъ этого возстали финляндцы и латыши, принадлежавшіе къ обществу „ланцепуповъ“, и въ результатѣ музыка не только

была прислана на пароходъ, но они еще понашивались вмѣстѣ съ музыкантами. Нашлись и русскіе, которые не отстали отъ этихъ инородцевъ, можетъ быть, и радовавшихся несчастьямъ, постигшимъ нашу родину. Когда музыка уѣзжала, то они вмѣстѣ кричали музыкантамъ „сайнара“, а затѣмъ, придя въ какой то ражъ, начали кричать „банзай“ (т. е. до свиданія и многія лѣта).

31 марта были освобождены изъ плѣна всѣ, исключая капитановъ, старшихъ помощниковъ и второго помощника парохода „Екатеринославъ“—отставного капитана второго ранга Рыбакова, а 1-го апрѣля остающимся приказано перебраться на пароходъ, принадлежавшій „Морскому Пароходству Китайской Восточной Желѣзной Дороги“—„Манджурія“, который былъ захваченъ въ г. Нагасаки, гдѣ ремонтировался и находился въ такомъ состояніи, что уйти изъ порта не могъ. Брали его въ плѣнъ японцы, собственно говоря, два раза. Первый разъ, 25 января, они явились на пароходъ съ вооруженной командой и объявили его взятымъ въ плѣнъ, а черезъ день сняли съ него караулъ и, какъ бы оставили его безъ вниманія. Пользуясь этимъ, экипажъ его, забравъ свое имущество, перебрался на иностранный пароходъ, на которомъ и бѣжалъ въ Шанхай. Японцы, несмотря на свою многочисленную тайную и явную полицію, этого не замѣтили; но лишь только бѣглецы оставили нагасакскій рейдъ, „Манджурія“ опять была занята японцами, но не какъ военная добыча, а какъ судно, брошенное своимъ экипажемъ.

Частыя посѣщенія суда, куда меня возилъ переводчикъ, котораго мы называли „летучая мышь“ (такъ какъ онъ сварливымъ характеромъ, миніа-

тюрностью и носимой крылаткой очень напоминалъ этихъ животныхъ), дали мнѣ возможность хорошо познакомиться съ портомъ. Русскихъ онъ ненавидѣлъ, и стоило его только хорошо разозлить, чтобы

Рис. 5. Затопленный брандеръ въ Артурѣ.

онъ сейчасъ же началъ грозить уничтоженіемъ Россіи, благодаря тѣмъ мѣрамъ, которыя японцы готовятъ. Отъ него, такимъ образомъ, я узналъ многое и въ томъ числѣ о первыхъ груженныхъ камнемъ пароходахъ, посланныхъ для загражденія входа въ Портъ-Артуръ, а также, что болѣе 2000 японцевъ подписали своей кровью прошеніе на имя Микадо, прося о назначеніи ихъ на эти заградите-

ли. Подпись собственной кровью у японцевъ означаетъ, что они жертвуютъ жизнью для выполненія этого плана. Первые четыре заградителя готовились на нашихъ глазахъ, и камень для нихъ брали не далеко отъ насъ. Вторые шесть заградителей готовились уже въ порту, но камень для нихъ брали въ томъ же мѣстѣ. Зная, что японцы всегда дѣйствуютъ по разъ выработанному плану, считая преступленіемъ отступить отъ него, въ половинѣ марта я замѣтилъ, что шлюпки, но въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ раньше, опять начинаютъ брать камень съ этого мѣста и возить его въ портъ. Это навело меня на мысль, что японцы опять готовятъ заградители, и въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ раньше. Хотя меня возили въ портъ въ глухо закрытомъ парусиной катерѣ, но все же это не помѣшало мнѣ замѣтить, куда именно шлюпки возятъ камень, и сосчитать 18 пароходовъ, обращающихся въ заградители, между которыми я узналъ и нашъ пароходъ „Россія“, захваченный японцами.

Отбѣзжающіе вечеръ употребили на укладку своихъ вещей, а всю ночь на генеральное пьянство и порчу всего, что только возможно было испортить на пароходѣ.

Пригласивъ второго механика А. Т. Чеботарева (родомъ казакъ), я предложилъ ему взять на себя рискъ доставить нашему Генеральному Консулу въ Шанхаѣ мое секретное донесеніе, предупредивъ, что если японцы найдутъ у него это донесеніе, то ни ему, ни мнѣ не сдобровать, такъ какъ насъ, по всей вѣроятности, обоихъ разстрѣляютъ. Онъ съ радостью согласился, и это донесеніе, искусно спрятанное въ сапогѣ, благополучно дошло до цѣли.

Въ 1907 г. послѣ долгихъ хлопотъ Генераль-

наго Консула и моихъ, онъ былъ награжденъ за это, вмѣсто ордена св. Владиміра 4-й степени съ мечами или знака военного отличія (согласно статута), только званіемъ почетнаго гражданина, на что онъ и безъ того имѣлъ право за свои плаванія на судахъ торговаго флота.

Въ своемъ донесеніи я просилъ увѣдомить Намѣстника Е. И. В. на Дальнемъ Востокѣ о слѣдующемъ:

1) О готовящихся въ Сасебо, по всей вѣроятности, для Портъ-Артура 18-ти заградителейъ.

2) Сасебо охраняется только двумя миноносками, которыя ночью крейсеруютъ у входа въ заливъ.

3) Гдѣ именно поставлены минныя загражденія для защиты Сасебо.

4) Гдѣ расположены батареи, защищающія Сасебо, и о мѣстахъ постройки новыхъ батарей.

5) О пущенномъ мною слухѣ, что въ Портъ-Артурѣ имѣются подводныя лодки.

6) О ежедневно приходящихъ судахъ съ военной контрабандой и ихъ національностяхъ.

7) О японскихъ рыбакахъ, которые не исполняютъ законовъ международнаго права и несутъ сторожевую и сигнальную службу, уходя для этого далеко отъ береговъ. Каждая ихъ шлюпка для этой цѣли снабжена семафорными флагами (желтымъ и краснымъ) и всѣ рыбаки обучены сигналопроизводству, что я самъ лично видѣлъ при захватѣ меня въ плѣнъ и затѣмъ на рейдѣ въ Сасебо.

8) Японцы рассчитываютъ, въ случаѣ прихода нашей эскадры къ ихъ берегамъ, плохо защищенные мѣста и проливы забросать рыболовными сѣтями, чтобы запутывать ими судовые винты и тѣмъ лишать наши суда возможности движенія.

Это мнѣ сообщилъ „летучая мышь“, котораго я, чтобы позлить, однажды спросилъ: не знаетъ ли онъ, какъ думаютъ принять нашъ флотъ, если онъ сдѣлаетъ визитъ въ Японію?

Съ отъѣздомъ этой шумной братіи, первые дни мы положительно отдыхали, но потомъ всѣхъ начала одолѣвать тоска и требовалось не мало силы воли, чтобы не распускать своихъ нервовъ. Столь съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе недостатка и плохого качества провизіи, становился все хуже и хуже. Водопроводная система на „Манчжуріи“ оказалась неисправной, а потому въ прѣсную воду часто попадала морская и дѣлала ее негодной для питья. Жалобы наши оставлялись безъ вниманія. Для того чтобы достать воды для чая, приходилось чуть не силою брать ее въ небольшомъ количествѣ на пароходикѣ, привозившемъ провизію, который мы въ шутку называли „Таберо-мару“. „Таберо“ — обѣдъ, а „мару“ — кругъ, пространство, горизонтъ. Слово это прибавляется къ концу названія каждого коммерческаго судна. Къ названіямъ военныхъ судовъ ничего не прибавляется и называются онѣ по-японски „гунканъ“.

13 апрѣля на „Екатеринославѣ“ подняли японскій военный флагъ, такъ какъ онъ былъ обращенъ въ военный транспортъ и названъ „Канто-мару“.

ГЛАВА VI.

Второе взятіе въ плѣнъ.

14 апрѣля на пароходъ прибылъ штабъ-офицеръ японскаго флота съ 12 ружейными матросами и переводчикомъ Номурой. Собравъ всѣхъ въ каютъ-компаніи, они попросили перейти въ другое помѣщеніе меня, моего старшаго помощника отставнаго мичмана В. П. Кисимова (когда-то служившаго начальникомъ болгарскаго флота, но бѣжавшаго оттуда, вслѣдствіе какого-то политическаго переворота; по принятіи русскаго подданства онъ былъ опредѣленъ младшимъ помощникомъ въ Добровольный Флотъ) и отставнаго капитана 2-го ранга Рыбакова. Когда мы пришли туда, а у дверей стали ружейные часовые, то штабъ-офицеръ приказалъ Номурѣ сообщить намъ, что мы объявляемся военно-плѣнными и намъ дается часъ времени на завтракъ и сборы, послѣ чего насъ перевезутъ на транспортъ „Сакато-мару“, который доставитъ къ мѣсту нашего назначенія, а вѣрнѣе заключенія. Что это за мѣсто, намъ сообщать въ пути. Выслушавъ приговоръ, я заявилъ имъ, что они вопреки логикѣ объявляютъ насъ военно-плѣнными, такъ какъ мы были захвачены ими до объявленія войны, а слѣдовательно являемся просто плѣнными и сфабриковывать изъ насъ свои военные трофеи — не дѣлаетъ чести Японіи, которая всѣми силами стремится доказать европейцамъ, что она не менѣе ихъ цивилизована и культурна. На это Номура мнѣ отвѣтилъ, что такое распоряженіе получено изъ Токіо, вѣроятно, желая этимъ убѣдить меня, что рѣ-

шеніе вполнѣ правильно и справедливо. Мое заявленіе, вѣроятно, имѣ очень не понравилось, такъ какъ лица ихъ стали лимоннаго цвѣта, а глаза начали бѣгать, какъ у мышей, пойманныхъ въ мышеловку. Затѣмъ отъ насъ потребовали, чтобы мы подписали какія-то бумаги, написанныя по-японски, но мы наотрѣзъ отказались подписывать до тѣхъ поръ, пока на нихъ не будетъ написанъ переводъ на русскій языкъ, и если это окажется правдой, то, пожалуй, подпишемъ. Какъ ни злились япошки, но должны были исполнить наше требованіе, при чемъ оказалось, что это было нѣчто въ родѣ „арестантскаго статейнаго списка“ съ помѣткой о мѣстѣ жительства нашихъ ближайшихъ родныхъ. Какъ особенная милость, нашимъ лакеямъ было разрѣшено помочь намъ уложиться. Находившійся при насъ буфетчикъ Антонъ Лапинскій заявилъ мнѣ, что не желаетъ разставаться съ нами и просить взять его съ собой. Такъ какъ онъ, кромѣ преданности и многихъ другихъ прекрасныхъ качествъ, былъ и хорошимъ поваромъ, то мы передали его желаніе японцамъ и просили разрѣшить ему ѣхать съ нами. Хотя Номура отвѣтилъ, что это вполнѣ зависитъ отъ командира порта, и онъ не сомнѣвается, что адмиралъ не откажетъ намъ въ этой просьбѣ, которую ему передадутъ послѣ нашего переѣзда на „Сакато-мару“, но я чувствовалъ, что онъ по обыкновенію лжетъ. Въ концѣ-концовъ такъ и оказалось. Когда мы уѣзжали съ „Манджуріи“, этотъ преданный человѣкъ рыдалъ какъ ребенокъ. Передъ отъѣздомъ намъ разрѣшено было проститься съ нашими сожителями по неволѣ и объявлено, что намъ запрещается разговаривать съ ними, такъ же какъ и имѣ съ нами; но это, конечно, не было испол-

нено, а громко протестовавший Номура был награжден со стороны остающихся несколькими неслестными фразами по адресу его и всех японцев вообще.

Много затруднений причинила нам перевозка наших вещей с „Манджури“ на „Сакато-мару“. Японцы наотрѣзъ отказали дать намъ своихъ людей помочь погрузить наши вещи с парохода на баржу, а потому эту операцію пришлось производить намъ самимъ при помощи двухъ лакеевъ. Передъ съѣздомъ с „Екатеринослава“, судовой плотникъ сдѣлалъ мнѣ ящикъ изъ имѣемыхъ на пароходѣ досокъ, въ который я уложилъ все мое имущество. Вѣсъ его, благодаря толстымъ доскамъ, оказался около 15 пуд. и перевозить его с парохода на пароходъ всегда сопровождалось большими затрудненіями, а въ настоящемъ случаѣ только благодаря счастливой случайности онъ попалъ въ баржу, а не въ море. Впослѣдствіи мнѣ было предложено уплатить за его перевозку въ г. Мацу-яма пять іенъ. Много разъ я отказывалъ удовлетворить это требованіе японцевъ, мотивируя, что я путешествовалъ не по своему желанію, а по этому платить должны тѣ, по желанію которыхъ это происходило. Въ концѣ концовъ я все таки заплатилъ эти 5 іенъ, чтобы избавиться отъ надоедливости японцевъ, которая у нихъ доведена до виртуозности.

По перѣздѣ на „Сакато-мару“ къ каждому изъ насъ было приставлено по ружейному часовому, которые ни на шагъ не отходили отъ насъ. Передъ съемкой с якоря, около 5 час. вечера насъ заперли въ каюты, иллюминаторы которыхъ были закрыты снаружи парусиной, а у дверей были поставлены ружейные часовые. Сдѣлано это было с

той цѣлью, чтобы мы не видѣли прохода черезъ минныя загражденія. Сопровождалъ насъ одинъ лейтенантъ и въ качествѣ переводчика Номура. По выходѣ въ море, намъ разрѣшили выйти погулять на верхнюю палубу, при чемъ мѣсто, на которомъ мы гуляли, было обставлено ружейными часовыми. Это мнѣ очень напомнило прогулки каторжниковъ, перевозимыхъ судами Добровольнаго Флота на Сахалинъ; но тамъ ихъ выпускали массами и часовыхъ ставилось человекъ 5 — 6, насъ же было только трое, а часовыхъ было поставлено 12. Вышедшій съ нами на прогулку Номура сейчасъ же началъ выражать намъ не „сочувствіе и утѣшеніе“, а всего только одно „утѣшеніе“, сообщивъ, что насъ везутъ въ прекрасную мѣстность на о. Сикокъ, называемую городомъ Мапу-яма („мапу“ — сосна, а „яма“ — гора), гдѣ приготовлены очень удобныя помѣщенія для плѣнныхъ, согласно послѣднимъ постановленіямъ, выработаннымъ Гаагскою конференціей, при чемъ каждый будетъ пользоваться жизненными удобствами, сообразно своему чину и положенію. Разказы его были такъ заманчивы, что если бы не происходила война между Россіей и Японіей и мы бы вѣрили хотя бы одному слову Номуры, то могли бы подумать, что мы желанные гости и насъ везутъ въ какой то земной рай. Затѣмъ разговоръ перешелъ на современные событія.

По словамъ Номуры, окончанія войны надо ожидать чуть ли не со дня на день. Онъ увѣренъ, что послѣ войны Россія, сильная на сушѣ, а Японія непобѣдимая на морѣ, заключать союзъ и обратятъ свои силы противъ англичанъ (это ихъ друзей и союзниковъ!...), чтобы изгнать ихъ изъ Азіи. Для этого японскій флотъ сейчасъ же послѣ заключенія

мира, пойдеть и займетъ Сингапуръ, забросавъ минами всё проливы, ведущіе къ нему. Имѣя такую базу на югѣ Азіи, они станутъ владѣльцами всего Тихаго океана. Русскія же войска, подкрѣпленные японскими, будутъ прокладывать себѣ путь къ Индійскому океану, который японцы съ удовольствіемъ уступятъ Россіи, а не другой какой-нибудь націи, за что Россія, конечно, отдастъ имъ Восточную Сибирь, которая ей почти не нужна, а Японіи необходима. Однимъ словомъ, если Россія и Японія заключатъ союзъ, то всё европейскія державы будутъ обезличены и могущество ихъ сведено къ нулю.

— Кто же по вашему мнѣнію останется побѣдителемъ въ эту войну?—спросилъ я.

— Конечно мы,—не задумываясь отвѣтилъ Номура:—но это ни чуть не мѣшаетъ въ будущемъ намъ на всегда остаться друзьями, такъ какъ тогда русскіе ближе узнаютъ японцевъ и станутъ еще больше уважать ихъ, чѣмъ это было до сихъ поръ.

— Если вы знаете исторію Россіи, то вамъ должно быть извѣстно, что за всё свои пораженія она вполнѣствіи съ избыткомъ воздавала своимъ побѣдителямъ. Этого даже не избѣжалъ и Наполеонъ I, который покорилъ всю Европу, а потому, я думаю, Россія и вамъ не проститъ нанесенныхъ ей оскорбленій, а въ особенности далеко не корректный способъ начала войны.

— Такъ думаетъ и маркизь Ито, но громадное большинство японцевъ увѣрено, что онъ ошибается. Хотя вы лично и больше другихъ знакомы съ Японіей и японцами, но вы ихъ не знаете, и я увѣренъ, что, поживя у насъ и узнавъ насъ, вы еще больше будете намъ симпатизировать, чѣмъ

это было раньше. Наше правительство постарается об этомъ.

— Скажу вамъ прямо: я никогда не страдалъ японофильствомъ, какъ нѣкоторые изъ русскихъ, теперь же я больше чѣмъ увѣренъ, если останусь живъ и буду освобожденъ, то, кромѣ ненависти, другихъ чувствъ къ японцамъ у меня не будетъ. Вы говорите, что везете насъ чуть не въ земной рай, но, судя по той обстановкѣ, въ которой мы сейчасъ находимся, наша жизнь мало чѣмъ будетъ отличаться отъ жизни каторжниковъ о. Сахалина, такъ какъ наша перевозка мнѣ очень напоминаетъ перевозку ихъ.

— Даю вамъ слово, что, прибывъ въ г. Мацу-яма и увидѣвъ все приготовленное тамъ для вашей жизни, вы сразу откажетесь отъ своихъ словъ, которыя вы только что произнесли. Въ настоящее же время мы, къ великому моему сожалѣнію, должны поступать согласно инструкціямъ, полученнымъ изъ Токио. Теперь же позвольте пожелать вамъ пріятной ночи и попросить васъ пожаловать въ свои каюты.

Размѣстивъ насъ по каютамъ, у дверей ихъ на всю ночь поставили часовыхъ. Утромъ, когда мы проходили Симоносеки, иллюминаторы опять были закрыты парусиной, чтобы мы не могли видѣть входа въ Японское Средиземное море.

По окончаніи перваго завтрака, сопровождавшій насъ лейтенантъ вмѣстѣ съ Номурой приступили къ самому подробному осмотру нашихъ вещей, какъ упакованныхъ, такъ и находящихся при насъ. Послѣ долгихъ пререканій рѣшено было мой тяжеловѣсный сундукъ, наглухо заколоченный, не осматривать на пароходѣ, а удовольствоваться только тѣмъ, что я дамъ подробный списокъ вещей, на-

ходящихся въ немъ, а по приѣздѣ въ Мацу-яму это будетъ провѣрено, при чемъ они считаютъ своимъ долгомъ предупредить меня, что я могу имѣть крупныя неприятности, если данный мною списокъ не сойдется съ дѣйствительностью. Хорошо рай Номуры, подумалъ я, когда уже въ чистилищѣ насъ самъ Номура предупреждаетъ о слишкомъ строгомъ режимѣ въ немъ!... Насъ очень поразило, что у насъ не были отобраны сабли и кортики. Впослѣдствіи мнѣ говорили японцы, что это сдѣлано для того, „чтобы не огорчать насъ“, такъ какъ мы были задержаны только потому, что они видѣли въ насъ очень опасныхъ для себя людей въ морѣ, а въ особенности послѣ крейсерства „Смоленска“ и „Петербурга“, переименованныхъ въ „Ріонъ“ и „Днѣстръ“, которые надѣлали имъ не мало тревогъ. Они опасались, что эти крейсера прервутъ ихъ почтовые сообщенія между портами Азіи, Америкой и Австраліей, но этого, къ великому ихъ удивленію, не случилось. Опасенія ихъ относительно крейсера „Лена“ (бывшій „Херсонъ“) также оказались напрасными, такъ какъ онъ вмѣсто того, чтобы нанести вредъ ихъ почтовому сообщенію съ Америкой, предпочелъ идти въ С.-Франциско и тамъ разоружиться.

Передъ отъѣздомъ съ парохода „Манджурія“ я переодѣлся въ штатское, что предложилъ сдѣлать и моимъ товарищамъ по несчастью, при чемъ костюмы наши отличались особенной изысканностью. Сдѣлалъ это я для того, чтобы японцы не вздумали выдавать насъ за военные трофеи, взятые съ боя. Впослѣдствіи оказалось, что мои предположенія были вѣрны.

Г Л А В А VII.

Мацу-Яма.

15 апрѣля послѣ полудня мы прибыли въ портъ Мицу-гахамы, который находится въ 7—8 верстахъ отъ г. Мацу-яма и соединенъ съ нимъ желѣзной дорогой. По отдачѣ якоря на пароходѣ сейчасъ же явилось нѣсколько японцевъ, которые долго о чемъ то бесѣдовали съ сопровождавшимъ насъ лейтенантомъ. Съ ними явился и фотографъ, который старался снять насъ, но мы принимали такія положенія, что это ему никакъ не удавалось. Покончивъ переговоры, они отѣхали на берегъ, который былъ усыпанъ народомъ. Черезъ полчаса къ пароходу подошла большая „фуне“ (шлюпка) съ плоской палубой, на которой было поставлено 5 вѣнскихъ стульевъ. Съ утра мы почти ничего не ѣли и рассчитывали, что послѣ 5 час. намъ дадутъ чего нибудь поѣсть, какъ это было въ предыдущій день, но этого не случилось, такъ какъ ровно въ 5 час. намъ предложили, сдавъ наши вещи, пожаловать на шлюпку. Когда мы усѣлись на стулья, стоявшіе на шлюпкѣ и были окружены ружейными матросами, она отправилась къ берегу, усыпанному тысячами народа. Приставъ къ берегу, намъ приказано было не вставать со своихъ мѣстъ, а лейтенантъ съ Номурой вышли на берегъ, на которомъ стоялъ какой-то пѣхотный офицеръ впереди полуроты солдатъ съ ружьями. Послѣ отданія другъ другу воинскихъ почестей, оба офицера вступили въ какой-то продолжительный разговоръ, по окончаніи котораго Номура предложилъ и намъ сойти на берегъ, а за-

тѣмъ отрекомендовалъ насъ прибывшему офицеру, который, по его словамъ, былъ личный адъютантъ военнаго министра (можетъ быть и это была ложь), добавивъ, что раньше мы находились въ вѣдѣніи морского министерства. Сопровождавшій насъ лейтенантъ попрощался съ нами, пожелавъ намъ „пріятно йжизни“, и возвратился на пароходъ. Не желая оставаться въ долгу у лейтенанта, я просилъ Номуру передать ему, что благодарю его за то удовольствіе, которое онъ мнѣ доставилъ своимъ обществомъ, и въ свою очередь желаю ему не только такой же „пріятной жизни“, но и чтобы она какъ можно скорѣе для него наступила. Номура остался при насъ, чтобы быть переводчикомъ до прибытія въ г. Мацу-яма, гдѣ по его словамъ, у находящихся тамъ плѣнныхъ уже имѣется переводчикъ. Кто эти плѣнные—онъ заявилъ намъ, что не имѣетъ права говорить. Хотя это не имѣло никакого смысла, но во все же оно лучше той болтливости которой отличаются многіе изъ насъ, русскихъ.

Принявъ отъ морского вѣдомства, военное вѣдомство окружило насъ ружейными солдатами и повело черезъ весь городъ на вокзалъ. По улицамъ народъ стоялъ шпалерами, а мѣстами были выстроены мужскія и женскія учебныя заведенія, воспитанники и воспитанницы которыхъ были въ юбкахъ и обязательно съ отвратительно грязными мѣстами между носомъ и верхней губой (японцы носовыхъ платковъ не носятъ, а замѣняютъ ихъ бумагой; дѣтямъ же, вѣроятно, ея не даютъ, желая съ раннихъ лѣтъ пріучить ихъ къ экономіи). Черезъ каждые 15 — 20 шаговъ стоялъ полицманъ въ бѣлыхъ перчаткахъ, и порядокъ былъ идеальный, благодаря строгой народной дисциплинѣ, похвастать

которой японцы могут даже передъ англичанами. „Городобой“, какъ говорили мнѣ японцы, для нихъ и законъ, и власть, и сила; послушавшійся его моментально попадаетъ въ тюрьму.

Впослѣдствіи я узналъ, что населеніе Мицу-гахамы и Мацу-ямы было очень удивлено, увидавъ, вмѣсто израненныхъ и въ оборванныхъ мундирахъ русскихъ офицеровъ, трехъ франтовато одѣтыхъ въ штатское платье европейцевъ.

Подойдя къ вокзалу, насъ посадили подъ навѣсъ на площади, а народъ сплошной массой расположился противъ навѣса, не спуская съ насъ глазъ. Жажда и голодъ мучили насъ. Въ пищѣ намъ было отказано подъ предлогомъ, что ни на вокзалѣ, ни по близости нѣтъ ресторана, а для утоленія жажды намъ принесли теплый лимонадъ газесъ. Просидѣвъ около часа подъ навѣсомъ, мы были переведены на вокзалъ и минутъ черезъ 20 посажены въ поѣздъ, на которомъ и доставлены въ г. Мацу-яма. Здѣсь насъ встрѣчалъ народъ такъ же какъ и въ Мацу-гахаме. Къ мѣсту нашего заключенія, какъ оказалось впослѣдствіи, насъ вели не прямо, а обходными путями; это дѣлалось для того, чтобы показать насъ японскому населенію, которое собралось для этого изъ многихъ окрестныхъ деревень.

Послѣ болѣе получасовой ходьбы, насъ подвели ко входу въ какой-то буддійскій храмъ, который, какъ потомъ сообщили намъ, назывался „Дай-ринъ-дзы“. Шедшій со мной Номура заявилъ мнѣ, что мы будемъ жить въ этомъ храмѣ. Сначала это меня удивило, но потомъ я вспомнилъ, что японцы часто отдаютъ свои храмы въ наймы; такъ, напр., когда эскадра адмирала Унковскаго

стояла въ г. Нагасаки, то въ деревнѣ Иноса японскій храмъ былъ отданъ въ наемъ эскадрѣ для парусной мастерской и берегового госпиталя. Желая посердить Номуру, я обратился къ нему съ наивнымъ вопросомъ:

— Скажите, Номура-санъ („санъ—господинъ), у васъ, въ Японіи, до сихъ поръ существуютъ человѣческія жертвоприношенія?

— Конечно, нѣтъ! Почему вы это спрашиваете?

— Видя, какими глазами, вашъ народъ смотритъ на насъ и то торжество, которое вы устроили по случаю нашего прибытія сюда, а теперь заключаете насъ въ храмъ, какъ бы для того, чтобы имѣть болѣе близкое общеніе съ вашимъ богомъ,—мнѣ невольно пришла мысль; не желаютъ ли употребить насъ для торжественнаго жертвоприношенія, на случай вашихъ неудачъ въ военныхъ дѣйствіяхъ?

— Напрасно вы считаете японцевъ дикарями и неуважающими международного права, послѣ нѣкотораго молчанія отвѣтилъ Номура.

— Японцевъ дикарями я не считаю, но каждая нація имѣетъ свои, иногда довольно своеобразные обычаи; вотъ, напр., на островахъ Фиджи, говорятъ, вмѣсто поцѣлуевъ, плюютъ другъ другу въ фізіономію. У васъ, приходя въ домъ, вмѣсто того, чтобы подать хозяину руку, какъ это дѣлаютъ европейцы, пришедшій и самъ хозяинъ становятся на колѣни и, прижавшись лбами къ довольно нечистому полу, начинаютъ втягивать въ себя воздухъ съ разными нечистотами, которыми въ изобиліи насыщены циновки, покрывающія полы японскихъ домовъ. У другихъ народовъ есть свои довольно странные обычаи, такъ же какъ и у насъ русскихъ найдутся, которые, можетъ быть, вамъ покажутся

смѣшными. Что же касается международного права, то я до сихъ поръ не имѣлъ случая убѣдиться, что японцы къ нему относятся съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ европейцы въ началѣ среднихъ вѣковъ ихъ исторіи. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить захватъ нашихъ пароходовъ до объявленія войны, что практиковалось только въ средніе вѣка.

ГЛАВА VIII.

Храмъ Дай-Ринъ-Дзы.

Разговоръ нашъ прекратился, такъ какъ мы подошли къ воротамъ храма, въ которыхъ насъ ожидалъ офицеръ и японецъ въ европейскомъ костюмѣ.

Офицеръ былъ пѣхотный капитанъ, назначенный для завѣдыванія плѣнными, фамилію его я забылъ. Повидимому, этотъ капитанъ былъ изъ простыхъ солдатъ и совершенно не образованъ, но имѣлъ претензію на знакомство съ европейскими обычаями и приемами, которые у него всегда выходили очень комичными. Напр., подавая правую руку при посѣщеніяхъ, онъ какъ бы находился въ затрудненіи, не зная, что дѣлать съ лѣвой, и очень выставлялъ свою довольно чахлую грудь, какъ бы боясь сдѣлать поклонъ по-японски. Въ европейскомъ платьѣ былъ переводчикъ, въ которомъ мы сейчасъ же узнали фотографа, пріѣзжавшаго на „Сакато-мару“. Переводчикъ этотъ назвалъ себя Владиміромъ Павловичемъ (фамилію его не помню).

и заявилъ намъ, что онъ очень любитъ русскихъ, съ которыми долго жилъ въ Артурѣ, гдѣ имѣлъ свою фотографію. Теперь же онъ почти разоренъ, благодаря внезапному нападенію на Артуръ, въ которомъ онъ въ то время находился, даже и не предполагая, что это можетъ случиться. Сейчас же послѣ первой бомбардировки всѣ японцы были арестованы и черезъ нѣсколько дней высланы изъ Артура. Изъ всего имущества онъ спасъ только лучший свой объективъ, такъ какъ спасать остальное имущество, благодаря быстротѣ ареста, а затѣмъ высылкѣ — у него не было времени, да онъ и не въ претензіи за это на русскихъ, прекрасно понимая, что иначе они не могли поступить. Скоро онъ былъ замѣненъ другимъ и, вѣроятно, посланъ къ осадѣ Портъ-Артура.

Послѣ отданія взаимныхъ воинскихъ почестей, адъютантъ началъ представлять насъ капитану, начиная съ меня, отрекомендовавъ: „кайгунъ-чуса“ (капитанъ 2-го ранга) Середкій (японцы не выговариваютъ буквы „л“, замѣняя ее буквой „р“, т. е. совершенно обратно китайцамъ), на что тотъ, протягивая каждому изъ насъ руку, говоритъ: „добро пожаровать“. Кромѣ того онъ еще зналъ по-русски: „здравствуйте“ и „прощайте“. Всѣ эти слова онъ обыкновенно смѣшивалъ и, приходя къ намъ, вмѣсто слова „здравствуйте“, часто говорилъ или „добро пожаровать“, или „прощайте“, на что мы, невольно улыбаясь, отвѣчали ему по-японски: „охаю аната“, т. е. здравствуйте.

Простившись съ адъютантомъ и Номурой, мы послѣдовали въ нашу темницу за-европейски воспитаннымъ капитаномъ въ сопровожденіи переводчика Владиміра. При входѣ въ самый храмъ насъ встрѣ-

тили три полуодѣтыхъ русскихъ матроса, которые оказались спасенными героями миноносца „Стерегущій“, а именно: главный герой его, затопившій миноносецъ, машинистъ Василій Новиковъ и кочегары — Иванъ Хиринскій и Алексѣй Осининъ. Послѣдній изъ нихъ былъ поэтъ, горькій пьяница

Рис. 6. Матросы „Стерегущаго“ въ храмѣ Дай-Ринъ-Дзы.

и буйнъ, за каковыя качества ему особенно симпатизировали японцы, а потому ему всегда прощалось все то, за что другимъ жестоко доставалось. Минный машинистъ Юрьевъ, тяжело раненый въ обѣ ноги, находился въ мѣстномъ госпиталѣ. Поздоровавшись съ ними и узнавъ, кто они, мы вмѣстѣ съ ними пошли вовнутрь храма.

Приведя насъ въ помѣщеніе, ничѣмъ не отличающееся отъ сарая, полъ котораго былъ устланъ, какъ и во всѣхъ японскихъ домахъ, циновками дюйма въ два толщиною, обыкновенно полныхъ пыли и всякихъ насѣкомыхъ, капитанъ торжественно заявилъ намъ, что хотя это помѣщеніе и приготовлено на 200 человѣкъ плѣнныхъ, но пока мы съ тремя матросами можемъ занимать его. Посрединѣ этого сарая стоялъ какой-то старый не крапленный столъ и около него двѣ деревянныхъ скамьи, ширина сидѣній которыхъ была четыре съ половиной вершка, при чемъ одна изъ нихъ, при первомъ же употребленіи въ дѣло, сейчасъ же захромала. Немного въ сторонѣ, стояло три какихъ-то ящика на ножкахъ, на днѣ которыхъ лежали мѣшки изъ бывшаго въ употребленіи довольно грязнаго ревендука, набитые соломой, а въ концѣ ящиковъ—валки изъ такого же ревендука, набитые рисовой шелухой. Эти постройки должны были служить намъ кроватями. Стояли они плотно одна къ другой и очень напоминали три открытыхъ гроба въ мертвецкой. Когда мы хотѣли ихъ разставить, то этого намъ сначала не позволили.

Введя насъ въ этотъ сарай, капитанъ торжественно посмотрѣлъ вокругъ себя, а затѣмъ свой взоръ перевелъ на насъ, видимо желая увидѣть восторгъ на нашихъ лицахъ. Не знаю, долго ли онъ продолжалъ бы смотрѣть такимъ образомъ, если бы я не обратился къ переводчику съ вопросомъ:

— Владиміръ, спросите капитана: гдѣ же то помѣщеніе, о которомъ намъ говорилъ Номура, что оно устроено на основаніи послѣднихъ постановлений гаагской конференціи, и что каждый изъ насъ

будетъ пользоваться чуть не комфортомъ, сообразно своему чину и положенію. Японія признала насъ за штабъ-офицеровъ, а потому мы и требуемъ помѣщенія, приличнаго этому званію.

— Это оно и есть. Теперь же капитанъ проситъ васъ отдохнуть послѣ дороги, а черезъ 10 минутъ онъ пріѣдетъ, чтобы объявить вамъ полученныя имъ изъ Токио правила, которыя вы должны будете исполнять въ точности, и узнать, не имѣете ли вы въ чемъ-нибудь нужды.

— Передайте вашему капитану, что мы съ утра почти ничего не ѣли и умираемъ съ голода, а потому просимъ дать намъ чего-нибудь поѣсть, за что сейчасъ же и заплатимъ.

— Теперь уже поздно и ничего нельзя достать. Мы думали, что васъ накормятъ на пароходѣ, а потому не приготовили провизіи, такъ какъ она только съ завтрашняго дня должна отпускаться вамъ по положенію.

— Я не прошу у васъ казенной провизіи, вотъ возьмите деньги и купите намъ чегонибудь поѣсть, при этомъ далъ имъ фунтъ стерлинговъ, который они послѣ осмотра возвратили мнѣ обратно, заявивъ:

— Этихъ денегъ здѣсь нельзя размѣнять, такъ какъ курса на нихъ у насъ не имѣется, а потому для размѣна ихъ необходимо послать въ г. Кобе, но на это потребуется больше недѣли.

— Тогда оставьте ихъ себѣ въ залогъ, а намъ отпустите въ кредитъ чегонибудь поѣсть и какъ можно скорѣе, такъ какъ мы страшно голодны.

Собственно говоря, благодаря перенесеннымъ волненіямъ, мы почти двое сутокъ ничего не ѣли. Уходя, Владиміръ сказалъ намъ, что капитанъ по-

старается сдѣлать все, что возможно, для чего сейчасъ же пошлетъ въ военное собраніе, но деньги наши брать отказывается. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ и черезъ часъ намъ было принесено холодное жареное мясо и рисовый хлѣбъ, которые мы моментально уничтожили, прибавивъ къ этому, найденныя между вещами закуски и вино, заботливо положенныя туда буфетчикомъ Лапинскимъ, при сборѣ моихъ вещей на пароходѣ „Манджурія“. Отказавшись присутствовать при осмотрѣ моихъ вещей, я совершенно забылъ, что Лапинскій даже говорилъ мнѣ объ этомъ. Тамъ же были найдены: чай, сахаръ, нѣсколько фунтовъ свѣчей, сервизъ, столовое бѣлье и много другихъ хозяйственныхъ вещей, что намъ очень пригодилось, не только на первое время нашего заключенія, но и вообще, во время нашего пребыванія въ плѣну.

Когда мы утолили свой голодъ, явился капитанъ и сообщилъ намъ слѣдующія распоряженія, по его словамъ, полученная имъ изъ Токио, которыя намъ предписывается строго исполнять, подѣ страхомъ отвѣтственности по японскимъ законамъ военного времени. Каждому оберъ-офицеру полагается помѣщеніе въ одно „дубо“ („дубо“ — площадь равная двумъ японскимъ циновкамъ, т. е. около квадратной сажени), а штабъ-офицеру въ два дубо. Выходить изъ назначеннаго намъ помѣщенія мы не имѣемъ права. Отъ восхода до захода солнца намъ разрѣшается гулять по лѣвой половинѣ садика, находящагося передъ домомъ. Садикъ этотъ былъ величиною около 60 квадратныхъ саженъ, большая часть котораго была занята прудомъ, служившимъ разсадникомъ для комаровъ, москитовъ, громадныхъ жабъ и ужей, безпрестанно залѣзавшихъ изъ

него въ наше помѣщеніе, а когда вода изъ пруда выпускалась, то оттуда неслись ужаснѣйшіе міазмы, какъ и изъ рисовыхъ полей, примыкавшихъ къ садику. Первое время мы положительно задыхались отъ этихъ ароматовъ. Далѣе: каждому изъ насъ будетъ отпускатся на продовольствіе по 42 цента (40 копѣекъ) въ сутки, при чемъ покупать провизію и готовить пищу должны мы сами. Переписка съ родными намъ разрѣшается только подъ контролемъ цензуры, при чемъ письма, касающіяся военныхъ дѣйствій или съ жалобами—пропускаться не будутъ. Освѣщеніе помѣщенія и куреніе табаку, послѣ 9 час. вечера не разрѣшается. Свѣчи и керосинъ мы должны пріобрѣтать сами, также какъ и топливо для отопленія и варки пищи. Мы должны теперь же назначить время, въ которое намъ будетъ удобнѣе всего принимать посѣтителей, такъ какъ многіе японцы, даже пріѣзжіе изъ другихъ городовъ, желаютъ намъ высказать свое „сочувствіе и утѣшеніе“ и на это имѣется разрѣшеніе изъ Токіо. Такъ какъ выходить изъ нашего помѣщенія намъ запрещается, то провизію и все необходимое будетъ поставлять намъ правительственный поставщикъ Кубота, который завтра же утромъ явится къ намъ съ визитомъ и за полученіемъ заказовъ.

Поблагодаривъ капитана за все сообщенное имъ, я заявилъ ему, что Номура говорилъ намъ, будто мы будемъ прекрасно обставлены согласно положенію о плѣнныхъ, выработанному на послѣдней гаагской конференціи. Изъ всего же сообщеннаго капитаномъ мы видимъ, что во многомъ можемъ позавидовать каторжникамъ, ссылаемымъ на о. Сахалинъ за особенно тяжкія преступленія. Что же касается предлагаемыхъ 42 центовъ на суточное продоволь-

ствіе, то мы считаемъ это оскорбительнымъ для себя, такъ какъ у насъ даже матросамъ для продовольствія отпускается по 55 копѣекъ въ сутки, а потому и отказываемся отъ нихъ. Такъ какъ насъ выпускать никуда не будутъ, то мы просимъ порекомендовать намъ нѣсколькихъ поставщиковъ, а мы уже сами

Рис. 7. Поставщикъ Кубота.

выберемъ подходящаго для насъ. На это капитанъ заявилъ, что другихъ къ намъ допускать запрещено, такъ какъ ихъ правительство ручается только за этого; т. е., другими словами, Кубота взялъ монополию на поставку провизіи и разныхъ вещей для плѣнныхъ и, конечно, эта любезность была сдѣлана ему не безвозмездно. Впослѣдствіи торговцы увѣрили насъ, что они обязаны уплачивать 40% изъ

суммы, вырученной ими отъ продажи чего бы то ни было русскимъ плѣннымъ, за чѣмъ особенно усердно слѣдила тайная полиція, чему я не имѣлъ никакихъ основаній не вѣрить, а наоборотъ. Однажды намъ было отдано приказаніе, котораго никто не желалъ исполнять, что всѣ покупки свыше 5 іенъ мы должны оплачивать черезъ администрацію управленія плѣнными. Конечно, мотивировалось это огражденіемъ нашихъ интересовъ, но я въ плѣну отвыкъ вѣрить честности японцевъ, которые, хотя отъ денежныхъ благодарностей и отказывались, но зато съ удовольствіемъ брали на себя трудъ дѣлать покупки, представляя счета раза въ 3—4 больше дѣйствительныхъ, поэтому, если являлась надобность задобрить японца, то надо было только поручить ему сдѣлать покупку, и послѣ этого онъ становился необыкновенно любезенъ и предупредителенъ. Не разъ мнѣ приходилось прибѣгать къ подобнымъ приѣмамъ во время пребыванія въ плѣну. Если же японцу дарилась какая нибудь вещь, то онъ немедленно доносилъ объ этомъ своему начальству и въ самомъ непродолжительномъ времени отвѣчалъ незначительнымъ подаркомъ, вѣроятно по приказанію того же начальства.

Для приѣма посѣтителей я избралъ время послѣ 9 час. вечера, т. е. когда намъ запрещалось имѣть освѣщеніе. Какъ ни доказывалъ капитанъ, что это неудобно, но я стоялъ на своемъ, заявивъ, что если намъ самимъ предложено выбрать для этого время, то мы его и указываемъ, а удобно оно или неудобно для посѣтителей—для насъ это совершенно безразлично. Такъ вопросъ и остался открытымъ. Къ нашему прискорбію, оказалось, что между тремя плѣнными матросами никто не имѣетъ

понятія о кулинарномъ искусствѣ, да и сами мы были въ этомъ дѣлѣ далеко не мастера. Сообщивъ объ этомъ Владиміру, мы обратились къ нему за добрымъ совѣтомъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ капитану, онъ сообщилъ намъ, что въ Мацу-ямѣ есть прекрасный поваръ, который долго служилъ у губернатора и прекрасно знакомъ съ европейской кухней, но онъ не знаетъ, согласимся ли мы платить ему то жалованіе, которое онъ просить? Жалованіе это оказалось 12 іенъ въ мѣсяцъ, на которое мы, конечно, сейчасъ же согласились и черезъ часъ уже заказывали ему обѣдъ на слѣдующій день. Обѣдъ долженъ былъ состоять изъ супа, отварной рыбы и котлетъ. Провизію мы разрѣшили ему брать, гдѣ онъ желаетъ, но этого ему не разрѣшило наше начальство, приказавъ брать только у Куботы. Однажды ему страшно досталось отъ начальства, которое узнало, что, возмущенный цѣнами Куботы, онъ тайно принесъ часть провизіи съ базара, гдѣ она была втрое дешевле, чѣмъ у Куботы, честность котораго, по словамъ капитана, намъ гарантировало японское правительство. Имя этого повара было Маки, т. е. макака, на которую онъ и былъ похожъ. Первое время онъ очень плохо готовилъ, но былъ честенъ, а выучившись готовить, сталъ ужаснѣйшимъ мошенникомъ и началъ сильно пьянствовать.

Какъ ни настаивалъ капитанъ, чтобы мы обязательно ложились спать въ приготовленные имъ по европейскому образцу кровати (японцы кроватей не имѣютъ и спятъ на полу, замѣняя постель тонкимъ матрацемъ, набитымъ ватой, а подушку—деревянной скамеечкой съ полукруглой выемкой наверху, которую подкладываютъ подъ шею), но мы

наотрѣзъ отказались, заявивъ, что ляжемъ въ нихъ только въ томъ случаѣ, если насъ туда положить силой и привяжутъ къ нимъ. Послѣ этого обозленный и огорченный капитанъ ушелъ отъ насъ, а оставшійся Владиміръ со смѣхомъ сообщилъ намъ, что этотъ добрейшій капитанъ очень много старался надъ изобрѣтеніемъ возможно болѣе удобнаго и комфортабельнаго приспособленія для нашего сна, не слушая его совѣтовъ, которое нами было такъ жестоко забраковано. При капитанскихъ гробахъ находилось по одному грубому байковому одѣялу, которыя принесли намъ гораздо больше пользы, чѣмъ вся остальная комфортабельная обстановка, на устройство которой капитанъ затратилъ такъ много ума, знаній, опытности и энергіи.

Японскій буддійскій храмъ обыкновенно состоитъ изъ главнаго капища и нѣсколькихъ второстепенныхъ. Въ глубинѣ главнаго капища находится высокій престолъ съ нѣсколькими ступеньками наверху. На самомъ верху стоитъ большой идолъ, а на ступенькахъ расположены мелкіе и между ними разставлены вазочки для цвѣтовъ и вертикальныя таблички (деревянные, фарфоровыя и металлические) съ именами умершихъ, объ упокоеніи душъ которыхъ молятся въ храмѣ. Все капище обыкновенно увѣшано ленточками изъ японской бумаги (ками), которыя означаютъ молитвы и вѣшаются по просьбѣ молящихся. Сколько мнѣ приходилось замѣчать, японскіе храмы посѣщаются почти исключительно женщинами, стариками и дѣтьми, при чемъ, молясь, они часто хлопаютъ въ ладоши, желая этимъ обратить на себя вниманіе бога. Около „бонзы“ (священника) виситъ „гонгъ“ (глубокая бронзовая сковорода), въ который онъ постоянно

бьетъ особой палочкой, а молящіеся, также какъ и бонза, стоятъ на колѣняхъ и издають какіе то звуки, напоминающіе жужжаніе пчелъ на пасѣкѣ въ ясный день. Битье въ гонгъ, также какъ и хлопаніе въ ладоши, означаютъ желаніе обратить вниманіе бога на приносимыя ему молитвы. Въ 80-хъ годахъ, когда мнѣ приходилось бывать въ Японіи, то бонзы своими гонгами изводили всѣхъ стоящихъ на рейдѣ. Если долго не бывало дождя, то ночью по рейду разѣзжало нѣсколько фуне съ бонзами, которые все время били въ гонги, не давая никому спать. Это означало, что они будятъ бога, который, заснувъ, не посылаетъ имъ необходимаго дождя. Озлобленная команда не разъ обливала водой этихъ нарушителей общественной тишины, если они близко подходили къ судамъ.

Такъ какъ храмъ былъ отданъ въ наемъ, а слѣдовательно служеній въ немъ не происходило, то всѣ идолы, вазочки и дощечки съ именами умершихъ изъ малыхъ капищъ были перенесены въ главное и закрыты какой то матеріей. Позже, когда Мацу-яма была переполнена плѣнными, то и главное капище было приспособлено для помѣщенія ихъ, а всѣ принадлежности его были сложены въ сараѣ, специально для этого устроенномъ въ томъ же дворѣ.

Послѣ ухода разобиженного капитана, мы при помощи матросовъ начали устраиваться на ночь. У каждого изъ насъ было по два одѣяла. Взявъ японскія и прибавивъ по одному нашему, мы устроили себѣ довольно сносные матрацы, которые и разложили на полу. Я избралъ себѣ мѣсто на возвышеніи одного изъ малыхъ капищъ, такъ какъ оно было не только безъ циновокъ, но и изъ полированного дерева, а слѣдовательно представляло го-

раздо больше гарантіи на чистоту и отсутствіе разныхъ паразитовъ. Снабдивъ кое-какимъ бѣльемъ полуодѣтыхъ матросовъ „Стережущаго“ изъ нашего запаса, я роздалъ имъ обязанности, назначивъ Василія Новикова буфетчикомъ и для услугъ В. П. Кисимову, который взялъ на себя трудъ вести наше скромное хозяйство; Ивана Хиринскаго назначилъ П. С. Рыбакову, Алексѣя Осинина взялъ для себя. Освѣщеніе нами держалось часовъ до 11 ночи, пока мы совершенно не устроились. Все это время при насъ находился Владиміръ, вѣроятно, получившій инструкцію отъ капитана: наблюдать за всѣмъ и потомъ подробно доложить ему о всемъ и въ особенности, какъ мы устроимся на первое время. Не смотря на отсутствіе обѣщаннаго Номурой комфорта и довольно порядочный холодъ, благодаря которому пришлось укрыться, кромѣ одѣяла, всѣмъ снятымъ съ себя платьемъ, мы, истомленные за два дня, почти моментально заснули. Среди ночи я проснулся отъ свѣта, который почувствовалъ передъ своимъ лицомъ, и опалѣлъ отъ того, что увидѣлъ, считая первое время это за сонъ, но черезъ нѣкоторое время сообразилъ, что это дѣйствительность. Предомной стоялъ японскій солдатъ и, строя свирѣпую рожу, направилъ на меня ружье, штыкъ котораго находился отъ меня не далѣе полуаршина, а прячась за него, стоялъ офицеръ, держа на палочкѣ шарообразный бумажный фонарь, который подносилъ вплотную къ моему лицу, стараясь разсмотрѣть его. Первое время, не понимая въ чемъ дѣло, я хотѣлъ броситься на солдата, вырвать у него ружье и начать имъ защищаться, но затѣмъ сообразилъ, что это хотя и глупый, но усердный караульный начальникъ, который пришелъ провѣрять: не бѣжали ли ихъ воен-

ные трофеи, а потому, пославъ по его адресу нѣсколько энергичныхъ словъ, повидимому, имъ достаточно хорошо понятыхъ, повернулся къ нему спиной. То же самое продѣлалъ онъ и съ остальными моими сожителями. Послѣ осмотра П. С. Рыбакова, который поднялъ страшный крикъ, поддержанный нами, японскій офицеръ положительно бѣжалъ. Черезъ два дня, послѣ нашей жалобы, мы узнали отъ Владиміра, что этому храбрецу сильно досталось, такъ какъ все это онъ дѣлалъ самовольно и при этомъ былъ сильно пьянъ.

Наружныя стѣны нашего храма, какъ и всѣхъ японскихъ домовъ, состояли изъ раздвигающихся рѣшетокъ, оклеенныхъ японской бумагой и весьма мало защищающихъ отъ наружной температуры. Съ разсвѣтомъ я проснулся отъ пронизывающаго меня холода и увидалъ, что бумага во многихъ мѣстахъ этихъ рѣшетокъ была разорвана и въ наше помѣщеніе заглядывали японскія фізіономіи, а въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ меня, даже самыя рѣшетки были раздвинуты. Между зрителями находилось нѣсколько солдатъ изъ караула. Это нахальство вывело меня изъ себя, и я, припомнивъ японское слово „экимасъки“, означающее въ переводѣ нѣчто въ родѣ „убирайся къ черту“, крикнулъ его по ихъ адресу, послѣ чего они съ громкимъ смѣхомъ разбѣжались. Задремавъ немного, я опять проснулся отъ криковъ въ томъ же мѣстѣ, откуда я прогналъ любопытныхъ япошекъ. Крики происходили на японскомъ языкѣ, но между ними слышались и русскіе, сопровождаемые фразами: „а ну-ка попробуй, безхвостая макака“... и затѣмъ раздавались отборныя русскія словечки. Набросивъ на себя пальто, я раскрылъ рѣшетки и увидѣлъ слѣ-

дующую картину: мой Алексѣй держалъ въ обѣихъ рукахъ громаднѣйшій булыжникъ и грозилъ имъ часовому, который дѣлалъ видъ, что хочетъ проткнуть его штыкомъ. Сзади часового стояло около 15 японцевъ и японокъ съ перепуганными рожами, и что-то кричали. Видя, что происходитъ что-то особенное и Алексѣю грозить серьезная опасность, я громко крикнулъ „мате“, т. е. „стой“. Крики моментально прекратились и часовой опустил ружье. Приказавъ Алексѣю бросить его булыжникъ, я началъ расспрашивать его, въ чемъ дѣло. Оказалось, услышавъ, что японцы мѣшаютъ мнѣ спать, онъ выпелъ изъ помѣщенія и сталъ ихъ прогонять. Сначала они его слушались, а потомъ опять начали прорывать бумагу въ рѣшеткахъ. Видя, что слова не помогаютъ, онъ схватилъ одного изъ нихъ за шиворотъ и довольно энергично отбросилъ въ сторону; за обиженного вступился часовой, котораго Алексѣй называлъ безхвостой макакой. Обиженный часовой хотѣлъ ударить его прикладомъ ружья, а тотъ, недолго думая, схватилъ булыжникъ около пуда вѣсомъ и, не подоспѣвъ я, Богъ знаетъ, чѣмъ бы окончилось это дѣло. Погрозивъ часовому, показавшему за это мнѣ свой языкъ, я увелъ съ собой Алексѣя, который долго не могъ успокоиться, совѣтуя мнѣ немедленно послать за Владиміромъ и капитаномъ, и вообще ничего не спускать макакамъ, а то они, по его словамъ, вздумаютъ еще и на шею къ намъ лезть. Видя, что его боевой пылъ словами не уймешь, я приказалъ ему дать мнѣ умыться и затѣмъ позаботиться о кипяткѣ для чая. Узнавъ, что у насъ есть чай и все необходимое для питья его, котораго онъ уже давно не пилъ, лицо его сразу просіяло, и онъ началъ успокаиваться.

Часовъ въ 8 утра, когда мы уже окончили пить чай, пришелъ Владиміръ справиться о томъ, какъ мы провели ночь. Разсказавъ ему о ночныхъ и утреннихъ приключеніяхъ, я просилъ его все это передать капитану, чтобы тотъ постарался принять мѣры къ огражденію нашего покоя. Напившись съ нами чая, Владиміръ посовѣтовалъ намъ ничего объ этомъ не говорить капитану, такъ какъ сегодня придетъ къ намъ полковникъ генеральнаго штаба, который и есть главное лицо по завѣдыванію плѣнными. Онъ не разъ бывалъ въ Европѣ, а потому хорошо знакомъ съ жизнью европейцевъ, а слѣдовательно пойметъ насъ и постарается сдѣлать все, чтобы намъ жилось спокойно, тѣмъ болѣе, что ему прекрасно извѣстно, что мы неправильно захвачены въ плѣнъ. Если же это сказать капитану, то онъ по глупости ничего не пойметъ, найдя все вполне естественнымъ, и доложить тому же полковнику, но придавъ всему совершенно другую окраску. Что же касается Алексѣя, то просилъ насъ не беспокоиться, такъ какъ часовой жаловаться самъ не будетъ, зная, что капитанъ расправу начнетъ съ него же самаго, т. е., попросту говоря, побьетъ ему фізіономію, не донося никому объ этомъ, чтобы высшее начальство не подумало, что у него не все въ полной исправности. Видимо, Владиміръ не вполне симпатизировалъ нашему капитану, и хотя чиномъ считалъ его выше себя, но по уму и цивилизаціи гораздо ниже.

Послѣ чая, мы всё съ Владиміромъ и Маки приступили къ обсужденію вопроса по обзаведенію хозяйствомъ, т. е. мебелировки и кухонной посуды. Оказалось, что плиты для кухни достать здѣсь нельзя, а надо выписывать изъ Кобе, и что она можетъ быть

доставлена сюда, самое скорое, недѣли черезъ полторы. По заявленію же Маки, плита казалась ему не нужной, такъ какъ онъ не привыкъ готовить на ней, а будетъ пользоваться для этихъ цѣлей „хибачемъ“. Хибачъ — это большой горшокъ изъ огнеупорной глины или какого-нибудь металла, обыкновенно наполовину наполняемый золой, сверху которой тлѣетъ древесный уголь. У японцевъ онъ служить и кухней и печью для обогрѣванія. Во время холодовъ японцы надѣваются на себя нѣсколько „кимоно“ (національный костюмъ—родъ халата съ широкими рукавами, нижняя часть которыхъ до половины зашивается и замѣняетъ карманы) и усаживаются вокругъ хибача, грѣя по очереди надъ нимъ свои руки, что считаютъ вполне достаточнымъ для согрѣванія. Нагрѣть же имъ комнатный воздухъ во время морозовъ — невозможно. Даже на сѣверѣ Японіи, гдѣ морозы бываютъ довольно порядочные, дома строятся по одному образцу съ югомъ, т. е. три стороны, если не всѣ четыре, cadaго дома состоятъ изъ рѣшетокъ, оклеенныхъ бумагой. Рѣшетки и циновки для домовъ по всей Японіи дѣлаются одинаковой величины, установленной правительствомъ. Дѣлается это для того, чтобы въ случаѣ порчи части дома владѣлецъ его могъ не медля ремонтировать свое поврежденное имущество, приобрѣтая необходимыя части на рынкѣ. Если поврежденный домъ находится гдѣ-нибудь вдали отъ города, то владѣльцу его нѣтъ надобности въ точныхъ размѣрахъ ремонтируемыхъ частей, а слѣдуетъ только приобрѣсти необходимое количество ихъ, зная впередъ, что все придется безъ переделки. По другимъ версіямъ, японское правительство настаиваетъ, чтобы во всей Японіи дома строили

исключительно деревянные, потому что при частыхъ землетрясеніяхъ они подвергаются меньшему разрушенію. Что же касается сѣверной Японіи, напр., о-ва Мацмай (Иезо), гдѣ также всѣ дома бумажные, какъ мнѣ говорили, будто бы правительство особенно настаиваетъ дѣлать ихъ такими для того, чтобы закалить здоровье и выносливость тамошняго населенія. Дѣйствительно, невольно бросается въ глаза выносливость сѣверныхъ японцевъ, на которыхъ почти не дѣйствуютъ рѣзкія перемены погоды и холода. Мнѣ приходилось бывать на о. Мацмай въ г.г.: Отарнай, Сапоро и Мароранъ и только въ Сапоро видѣлъ я одинъ каменный домъ, называемый дворцомъ Микадо. Приходилось мнѣ также слышать, что подобная постройка домовъ имѣетъ громадныя удобства для шпионства, которое въ Японіи доведено, какъ я говорилъ раньше, до совершенства.

Когда вопросъ о хозяйственной утвари былъ рѣшенъ и списки ея были составлены, то явился капитанъ, яко бы справиться о нашемъ здоровьѣ и о томъ, какъ мы провели ночь. Хотя я сознавалъ, что капитанъ и „добродушный японецъ“, но почему то старался говорить такія вещи, которыя будутъ ему непріятны. Такъ и въ этомъ случаѣ отвѣтилъ ему, что помѣщенія интеллигентныхъ каторжниковъ на о. Сахалинѣ, конечно, гораздо удобнѣе, чѣмъ наше, но мы не приходимъ въ отчаяніе и надѣемся, что со временемъ устроимся, если и не лучше ихъ, то во всякомъ случаѣ и не хуже. Видя, что капитанъ начинаетъ желтѣть, а глаза его бѣгаютъ, какъ у пойманнаго мышенка, я добавилъ: но чувствуя то участіе, которое капитанъ принимаетъ въ нашей горькой судьбѣ, мы надѣемся, что онъ не

откажетъ намъ въ своемъ добромъ совѣтѣ и даже въ содѣйствіи, въ которыхъ мы теперь такъ нуждаемся. Эти слова моментально его успокоили, и онъ, принявъ обыкновенный цвѣтъ лица, началъ улыбаться и, втягивая въ себя воздухъ, разсыпаться въ увѣреніяхъ, что такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ жизнью европейцевъ, то постарается сдѣлать все возможное, чтобы мы по окончаніи войны съ удовольствіемъ вспоминали нашу жизнь въ Японіи. Разсмотрѣвъ составленные нами списки для пріобрѣтенія хозяйственного инвентаря и одобливъ ихъ, онъ сейчасъ же послалъ за правительственнымъ поставщикомъ Куботой, который, вѣроятно, уже ожидалъ этихъ порученій, такъ какъ явился черезъ 2—3 минуты. По ознакомленіи со спискомъ, онъ заявилъ, что сегодня же все будетъ доставлено, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вещей, которыя необходимо выписать изъ Кобе, на что понадобится не меньше недѣли. Этотъ же Кубота взялся доставить и портного, который могъ бы экипировать плѣнныхъ матросовъ съ „Стережущаго“, имѣющихъ только то платье, въ которомъ они были вытащены изъ воды послѣ гибели миноносца. Намъ очень удивило то, что японцы не позаботились объ этомъ, и имъ полтора мѣсяца пришлось ходить въ лохмотьяхъ. Когда они были привезены въ Сасебо, то ихъ посѣтилъ пріѣзжавшій туда маркизъ Ито и вручилъ каждому изъ нихъ аттестаты за подписью японскаго морского министра, въ которыхъ говорилось, что они герои и ими можетъ гордиться Россія, а отъ себя каждому изъ нихъ далъ по 10 іенъ и бутылкѣ шампанскаго. Не думаю, чтобы маркизъ Ито, приславшій имъ шампанскаго, не обратилъ вниманія на ихъ лохмотья и не порекомендовалъ тамошнему началь-

ству дать имъ приличную одежду. А можетъ быть онъ думалъ, что объ этомъ уже позаботились тѣ лица, которымъ было поручено завѣдываніе ими... Когда мы ихъ экипировали, то японцы предлагали намъ возратить часть затраченныхъ на это нами денегъ, но мы отъ нихъ отказались.

Что касается денегъ, то у насъ было только 200 фунтовъ стерлинговъ, которые мнѣ были высланы въ Сасебо нагасакской банкирской конторой Гольмъ-Рингеръ и К^о., а потому мы и предложили Куботѣ вести съ нами расчеты этой валютой, на что онъ отвѣтилъ, что для насъ готовъ это сдѣлать, хотя эта монета и не въ ходу въ Японіи, но во всякомъ случаѣ онъ будетъ принимать фунтъ по 7 іенъ 40 центовъ. Это уже былъ формальный грабежъ, такъ какъ въ Нагасаки фунтъ стерлинговъ всегда мѣняли по 10 іенъ. Узнавъ, что въ Мацу-ямѣ есть банкъ, я сейчасъ же послалъ телеграмму Гольмъ-Рингеру, прося его перевести мнѣ 2000 іенъ и немедленно увѣдомить меня о высылкѣ ихъ, сообщивъ ему при этомъ № моего аккредитива. Передъ полученіемъ отвѣта о переводѣ мнѣ 2000 іенъ, къ намъ явился Кубота съ предложеніемъ мѣнять фунты уже по 8 іенъ 50 цен., такъ какъ онъ будто бы ѣдетъ въ Кобе, гдѣ, какъ онъ узналъ, можно ихъ размѣнять по этой цѣнѣ, но, конечно, получилъ отказъ. По уходѣ его мнѣ была сейчасъ же вручена телеграмма, о которой видимо Кубота зналъ, такъ какъ сразу повысилъ курсъ на фунты стерлинговъ. Этотъ и много другихъ подобныхъ случаевъ навели меня на мысль: никогда сразу не принимать любезностей японцевъ.

Раскупорка вещей, пріемъ заказовъ и устройство помѣщенія заняли у насъ все утро. Много

времени было потрачено, чтобы получить разрѣшеніе у капитана вынести изъ помѣщенія его „гроба-кровати“, которое въ концѣ концовъ онъ и далъ, но, видимо, это ему было очень обидно. Къ часу дня мы торжественно усѣлись обѣдать, при чемъ со всѣхъ сторонъ въ помѣщеніе къ намъ засматривали японцы, видимо, заинтересованные тѣмъ, что мы будемъ ѣсть и какимъ образомъ мы будемъ обѣдать безъ палочекъ, а ножами, вилками и ложками, при чемъ не изъ деревянныхъ мисочекъ и ящичковъ, какъ они, а изъ тарелокъ? Послѣ легкой закуски, которая состояла изъ японскихъ рыбныхъ консервовъ, необыкновенно дешевыхъ, но очень вкусныхъ, намъ, согласно меню, былъ поданъ супъ, взглянувъ на который, а затѣмъ другъ на друга, мы громко расхохотались. Въ глубокія тарелки была налита горячая вода, а на блюдахъ каждому было подано по сырому яйцу. Такое необыкновенное блюдо потребовало разъясненій специалиста: какимъ образомъ оно должно употребляться въ пищу? Стоявшій у входа губернаторскій поваръ Маки поспѣшилъ къ намъ и на моей порціи показалъ способъ употребленія: разбивъ яйцо и вливъ содержимое въ тарелку, началъ болтать въ ней ложкой до тѣхъ поръ, пока все не обратилось въ какую то кашицу, а затѣмъ пояснилъ, что если кто желаетъ, то можетъ посолить эту бурду. Хотя эта японская похлебка была и невозможна, но я почти всю проглотилъ ее, а другіе последовали моему примѣру. Когда мы покончили съ ней, назвавъ ее „губернаторскимъ супомъ“, то Маки спросилъ насъ: „юриси“—т. е. хорошо ли? На что получилъ отвѣтъ, сопровождающійся общимъ смѣхомъ: „такасанъ юриси“—т. е. очень хорошо! Нечего и говорить, что мы лакомились этимъ „гу-

бернаторским супомъ“ въ первый и послѣдній разъ. Остальной обѣдъ не представлялъ никакихъ новостей въ кулинарномъ искусствѣ и не отличался искусствомъ приготовленія. Впослѣдствіи, подѣ нашимъ руководствомъ, онъ выучился прекрасно готовить, т. ч. его стряпню можно было назвать выдающейся, но пьянство его и мошенничество заставили насъ разстаться съ нимъ. Много этому помогло и то, что между плѣнными въ Мацу-ямѣ нашлись прекрасные повара, а самому Маки, какъ запасному нижнему чину, несмотря на его 43-хъ лѣтній возрастъ, предстоялъ призывъ въ японскія войска. Подѣ конецъ войны въ Японіи начали призываться для отбыванія воинской повинности 16—17-лѣтніе и 41—42-лѣтніе.

День былъ солнечный, и мы большую часть его проводили на открытомъ воздухѣ, т. е. въ садикѣ, на лѣвой половинѣ котораго намъ было разрѣшено гулять, и едва только кто-нибудь изъ насъ переступалъ границу этой половины, какъ находившійся въ садикѣ часовой начиналъ кричать и грозить ружьемъ. Большая часть сада была занята прудомъ, въ которомъ плавала масса золотыхъ и серебряныхъ рыбъ, достигавшихъ величины почти двухъ футовъ. Кругомъ пруда росло много кустовъ азалій, покрытыхъ цвѣтами всевозможныхъ цвѣтовъ и отѣнковъ, представляя чуть не волшебную картину. При первомъ нашемъ выходѣ въ садикъ мы замѣтили, что почти на каждомъ кустѣ азалій лежала змѣя, за истребленіе которыхъ сейчасъ же и принялись. Хотя мы знали, что въ Японіи нѣтъ ядовитыхъ змѣй, но все же близкое присутствіе этихъ гадовъ было намъ крайне непріятно. Сколько мы ихъ ни истребляли, но съ рисовыхъ полей, рас-

положенныхъ около садика, черезъ короткое время появлялись новыя. Между ними попадались достигающія четырехъ аршинъ, при чемъ цвѣта ихъ были довольно разнообразны. Нѣкоторыя изъ нихъ напоминали нашихъ гадюкъ и мѣдянокъ. По словамъ капитана, мнѣніе, что въ Японіи нѣтъ ядовитыхъ змѣй—не вѣрно, такъ какъ ихъ очень много, но онѣ живутъ въ горахъ и никогда не спускаются на низменные мѣста, не перенося сырости. Кромѣ змѣй, мы нашли двухъ громаднѣйшихъ жабъ, длина туловища которыхъ была болѣе фута. Когда мы приступили къ уничтоженію ихъ, то онѣ моментально покрылись жидкостью свѣтло-желтаго цвѣта, а часовой, увидѣвъ, что мы приблизились къ нимъ, началъ что-то кричать намъ и дѣлать испуганную рожу, показывая этимъ, чтобы мы были осторожны съ ними. Рѣшивъ, что если онѣ опасны, то тѣмъ болѣе ихъ не слѣдуетъ оставлять въ близкомъ сосѣдствѣ, а потому и уничтожили ихъ. Садъ былъ окруженъ высокимъ частоколомъ изъ распиленнаго по длинѣ и заостреннаго сверху довольно толстаго бамбука, перелѣзть черезъ который было не возможно, но изломать—не представляло особеннаго труда. Едва только мы выходили въ садъ, у частокола моментально появлялось масса народа, который не спускалъ съ насъ глазъ. Сначала это очень стѣсняло насъ, но потомъ мы перестали обращать на нихъ вниманіе. Много разъ мы просили, чтобы часовой не позволялъ народу собираться у частокола, и каждый разъ намъ обѣщали сдѣлать это распоряженіе, но результатовъ мы не видѣли.

Отдохнувъ немного послѣ обѣда, мы вышли въ садикъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, но

скоро должны были бѣжать оттуда и плотно закрыть всѣ рѣшетки, такъ какъ воздухъ былъ наполненъ невыносимой вонью. Потомъ Владиміръ намъ объяснилъ, что ежедневно между четырьмя и пятью часами вечера всѣ нечистоты выносятся на рисовыя поля, которыя обильно удобряются ими. Это дѣлается во всей Японіи, отчего японскій рисъ и считается лучшимъ на земномъ шарѣ. По словамъ Владиміра, рисъ этотъ настолько хорошъ и дорогъ, что рѣдко кто изъ японцевъ позволяетъ себѣ роскошь питаться имъ. Почти весь японскій рисъ вывозится за границу, а вмѣсто него привозится изъ Индо-Китая или южнаго Китая, который значительно дешевле.

Растительное царство въ Японіи очень богато; цвѣты его гораздо роскошнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ свѣта, но совершенно лишены запаха. Не разъ тамъ дѣлались попытки разведенія особенно ароматичныхъ цвѣтовъ, какъ, напр., розъ, но онѣ только первый годъ посадки имѣли запахъ, а затѣмъ онъ пропадалъ, хотя розы и не теряли своего пышнаго цвѣта. Зная это свойство японскихъ цвѣтовъ, я былъ однажды очень удивленъ пріятнымъ ароматомъ, который началъ распространяться въ садикѣ послѣ захода солнца. Начавъ отыскивать источникъ этого аромата, я увидалъ довольно невзрачный кустъ, покрытый мелкими желтыми цвѣтами, которые издавали этотъ запахъ. Черезъ нѣсколько времени запахъ прекратился; подойдя къ кусту, я былъ очень удивленъ, что цвѣты перестали пахнуть. Думая, что я ошибся, я никому не сообщалъ объ этомъ, но на другой день явленіе это опять повторилось. Обратившись къ японцамъ за разъясненіемъ этого страннаго случая, я узналъ,

что этотъ цвѣтокъ издаетъ запахъ только въ продолженіе одного часа послѣ захода солнца, т. е., по странному стеченію обстоятельствъ, начинается пахнуть въ то время, когда вонь отъ удобренія полей начинается прекращаться.

Что касается царства насѣкомыхъ, то нигдѣ мнѣ не приходилось видѣть такого разнообразія насѣкомыхъ, величина которыхъ иногда доходила чуть не до гиганскихъ размѣровъ. Цвѣта и величина бабочекъ были поразительны. Пауки также иногда достигали гигантскихъ размѣровъ, величина ихъ между концами лапъ достигала четверти аршина. Пауковъ этихъ была невѣроятная масса въ домахъ и на деревьяхъ, на которыхъ они замѣчательно искусно и быстро разбрасывали свою паутину. Не разъ намъ приходилось наблюдать бой между ними, который обыкновенно оканчивался смертью, а въ рѣдкихъ случаяхъ бѣгствомъ одного изъ нихъ, при чемъ побѣдитель никогда не преслѣдовалъ побѣжденнаго дальше предѣловъ разставленной паутины. Сначала мы довольно усердно истребляли ихъ, но потомъ, замѣтивъ ихъ страсть къ единоборству, ловили и парами сажали въ стеклянные сосуды, послѣ чего немедленно начинался ожесточенный бой, при чемъ одинъ изъ нихъ падалъ мертвымъ съ прокушенной головой. Иногда, отъ нечего дѣлать, эти пауки налавливались въ большомъ количествѣ, и устраивались настоящіе гладіаторскіе бои, при чемъ трупъ побѣжденнаго выбрасывался изъ сосуда, а къ побѣдителю впускался новый боецъ. Самыми хищными насѣкомыми были богомолы, которые лѣтомъ были зеленаго цвѣта, а осенью, когда листья опадали съ деревьевъ, они становились сѣрыми или коричневыми, т. е. подходили къ цвѣту

древесной коры. Не разъ мнѣ приходилось наблюдать, какъ спрятавшійся въ деревѣ богомоль, напавъ на приблизившуюся къ нему огромную цикаду или саранчу, моментально убивалъ ее, какъ мечами, своими передними лапами и затѣмъ сейчасъ же поѣдалъ безъ остатка, отчего становился вдвое, а иногда втрое больше своей обыкновенной толщины. Древесныя лягушки, которыя десятками жили въ каждомъ кустѣ и деревѣ, также съ паденьемъ листьевъ мѣняли свой зеленый цвѣтъ на коричневый, сплошь усыянный мелкими бѣлыми колечками. Послѣдній цвѣтъ ихъ маскировалъ на корѣ дерева гораздо лучше, чѣмъ въ листьяхъ.

Изъ растительнаго царства особенно красива въ Японіи глицинія, грозди цвѣтовъ которой достигаютъ аршина, и называется она по японски „фуджи“. Этимъ словомъ въ Японіи называютъ все особенно хорошее. Названа она такъ, какъ объясняли мнѣ японцы, потому, что, несмотря на красоту своего цвѣта, грозди ея прекрасныхъ цвѣтовъ висятъ внизъ, какъ глаза хотя и прекрасныхъ, но скромныхъ молодыхъ людей должны опускаться передъ старшими. Ею обыкновенно обсаживаются бесѣдки, устраиваемыя у прудовъ; когда она цвѣтетъ, то бесѣдка отражаясь въ зеркальной поверхности пруда, представляетъ какой то необыкновенно красивый и фантастическій видъ.

Послѣ обѣда къ намъ явился Номура, чтобы посмотреть, какъ мы устроились, и проститься съ нами, такъ какъ на другой день онъ долженъ былъ уѣхать изъ Мацу-ямы. Нечего и говорить, какъ мы его приняли. На его протянутую руку никто не отвѣтилъ рукопожатіемъ, а я ему заявилъ: „Знаете“, Номура, ни одному азіату я никогда не вѣрилъ, а

вамъ въ особенности. Все, что вы намъ рассказывали о приготовленномъ для насъ комфортабельномъ помѣщеніи, сами видите, оказалось ложью, какъ и многое другое. Удивляюсь, для чего вы носите европейскій костюмъ, если не можете отвыкнуть отъ азіатскаго порока, т. е. лжи? Если намъ придется встрѣтиться когда нибудь послѣ войны, то знайте, что вы услышите отъ меня многое, еще болѣе непріятное для васъ“. Выслушавъ все это, онъ, ничего не отвѣтивъ, поспѣшилъ оставить насъ.

Когда мы прибыли въ нашу тюрьму, полъ которой, какъ я говорилъ раньше, былъ устланъ циновками, то капитанъ потребовалъ, чтобы мы сняли нашу обувь, такъ какъ она можетъ портить циновки. Сначала мы это исполнили, но на второй день всѣ попростуживались, благодаря довольно холодной и сырой погодѣ, а потому, несмотря на всѣ его требованія исполнять это—наотрѣзъ отказались, заявивъ ему, что уплатимъ японскому правительству за всѣ попорченные нами циновки, но ходить будемъ по-европейски, т. е. въ обуви, съ которой снимаемъ каблуки, чтобы ими не рвать циновокъ.

На другое утро въ сопровожденіи капитана и Владиміра къ намъ явился въ военной формѣ пожилой японецъ, фізіономія котораго, кромѣ своей непривлекательности, была изуродована оспой. Когда его представили намъ, какъ врача, то онъ съ милой улыбкой, какая только могла выразиться на этой изуродованной рождѣ, началъ подавать каждому изъ насъ свою руку, рекомендуясь: „ихъ бинъ меньше“. Собравъ всѣ свои знанія по нѣмецкому языку, мы начали забрасывать его вопросами, но онъ, какъ оказалось, кромѣ этой фразы, которой,

вѣроятно, выучилъ его какой-нибудь путникъ, не зналъ больше ни одного слова по-нѣмецки. Многие японскіе врачи заканчиваютъ свое образованіе въ Германіи, а потому хорошо говорятъ по-нѣмецки. Вѣроятно, и этотъ, вышедшій изъ фельдшеровъ врачъ, хотѣлъ блеснуть передъ нами своимъ, если не образованіемъ, то, вѣроятно, знакомствомъ съ Германіей и германцами, которые, по всей вѣроятности, и выучили его для смѣха этой фразѣ. Врачъ этотъ своимъ видомъ очень напоминалъ старую обезьяну и, не понимая что говорить, какъ бы старался увѣрить, что онъ не обезьяна, а человѣкъ. Этотъ случай мнѣ невольно напоминаетъ нѣсколько другихъ.

Въ одно изъ первыхъ моихъ посѣщеній Японіи къ намъ на судно явился молодой японецъ, знавшій нѣсколько словъ по-русски, и на нашъ вопросъ: кто онъ такой и чѣмъ занимается—постоянно отвѣчалъ: „я Ямото — молодой прохвостъ безъ опредѣленныхъ занятій“. Потомъ онъ обзавелся магазиномъ деревянныхъ лакированныхъ издѣлій, которыми наводнены всѣ базары Японіи, и началъ рекомендоваться: „я Ямото — солидный купецъ и хозяинъ магазина чрезвычайныхъ японскихъ рѣдкостей, имѣется у меня и кое-что весьма оригинальное“. „Оригинальное“—означало всевозможную лубочную порнографію, которой такъ богата Японія.

Другой японецъ—Бенгура, доставлявшій на русскія суда сушеные миканы (фрукты) въ жестяныхъ коробкахъ, по чьему-то совѣту на эти коробки наклеивалъ литографированныя этикетки съ надписью: „Миканы — чудное прохладительное средство, обладающее пріятнымъ вкусомъ и долго сохраняющееся въ желудкѣ (до 3-хъ лѣтъ)“. Пони-

малъ ли онъ чепуху, написанную на его произведеніяхъ—не знаю, но мнѣ извѣстно, что она помогала ему сбывать ихъ въ очень большомъ количествѣ на русскихъ судахъ.

По уходѣ капитана, сейчасъ же были внесены двумя японцами десятичные вѣсы, мѣрка для роста и динамометръ. „Ихъ-бинъ-меньшъ“, переставъ улыбаться и вынувъ записную книжку, началъ что-то говорить съ Владимиромъ, и когда онъ окончилъ свои разговоры, то Владиміръ передалъ намъ, что мы должны раздѣться, снявъ себя все платье, для того, чтобы онъ могъ начать свои медицинскія изслѣдованія для отправленія „въ Токио“. Какъ мы ни отказывались, но онъ настаивалъ на своемъ. Желая поиздѣваться надъ нимъ, мы дѣлали видъ, что не понимаемъ, для чего ему надо видѣть насъ голыми, а потому спросили: „вѣроятно, онъ желаетъ знать: не растеть ли у кого-нибудь изъ насъ хвостъ, какъ это случается у нѣкоторыхъ японцевъ, что мы слышали отъ одного стараго японца въ Нагасаки“. Когда это было передано „Ихъ-бинъ-меньшу“, онъ, страшно обозлившись, началъ увѣрять насъ, что это невѣрно и говорилъ намъ такія вещи очень нехорошій человѣкъ. Видя, что его довольно злитъ, мы начали дѣлать видъ, что мы теперь понимаемъ, для чего ему это надо, а потому предложили взвѣсить насъ сначала въ платьѣ, а потомъ мы дадимъ ему для взвѣшиванія самое платье, и такимъ образомъ онъ можетъ узнать нашъ точный вѣсъ, но стоять голыми передъ нимъ мы не будемъ. На этомъ и порѣшили. По окончаніи взвѣшиванія и опредѣленія размѣровъ нашего тѣла, успокоившійся „Ихъ-бинъ-меньшъ“ предложилъ намъ показать нашу силу на динамометрѣ. Взявъ его въ руки, я сдѣ-

лалъ видѣ, что употребляю усиліе, но нажалъ его легко. Взглянувъ на динамометръ, „Ихъ-бинъ-меньшъ“ сдѣлалъ удивленные глаза и началъ просить меня, чтобы я употребилъ всю силу для нажиманія динамометра. Желая посмѣяться надъ японцами, я началъ увѣрять ихъ, что боюсь это дѣлать, чтобы не сломать машины, которую вижу въ первый разъ. Когда же Владиміръ началъ наивно увѣрять меня, что бояться нечего, а если и сломаю, то врачъ не будетъ въ претензіи, то, взявъ динамометръ, нажалъ его изо всей силы и, пользуясь удобнымъ моментомъ, стрѣлку указателя передвинулъ еще на нѣсколько дѣленій вправо, послѣ чего положилъ его на столъ. Взглянувъ на динамометръ, „Ихъ-бинъ-меньшъ“ ахнулъ и испуганно поглядѣлъ на меня. Что показывалъ динамометръ—не знаю, но, вѣроятно, очень много. Мой большой ростъ не породилъ сомнѣній у низкорослаго японца, что это не моя сила. По окончаніи всѣхъ медицинскихъ изслѣдованій, „Ихъ-бинъ-меньшъ“, поблагодаривъ насъ и извинившись за всѣ причиненныя намъ непріятности, забравъ свои инструменты, ушелъ. Первое время онъ часто навѣщалъ насъ, предлагая свои медицинскія услуги, но такъ какъ въ нихъ не было надобности, то время мы употребляли на разныя бесѣды о Японіи и японцахъ. Нѣсколько разъ я пытался получить отъ него свѣдѣнія по мѣстной зоологіи и ботаникѣ, но онъ имѣлъ гораздо меньшія понятія въ ней, чѣмъ я. Являясь слѣдующій разъ, вѣроятно, собравъ свѣдѣнія у болѣе образованныхъ врачей, онъ всегда любезно разъяснялъ мнѣ то, о чемъ я спрашивалъ его раньше. Когда начало появляться много раненыхъ, визиты его къ намъ прекратились. Вообще это былъ добродушный-

шій и, несмотря на уродливую рожу, симпатичный японецъ.

По уходѣ „Ихъ-бинъ-меньша“ явился капитанъ и заявилъ, что сейчасъ намъ сдѣлаетъ визитъ полковникъ генеральнаго штаба, которому временно поручено завѣдываніе плѣнными. Пришедшій полковникъ былъ не маленькаго роста и съ довольно красивымъ лицомъ, отчасти даже напоминавшимъ европейца. Осмотрѣвъ помѣщеніе, онъ заявилъ намъ, что пока проситъ не роптать, такъ какъ скоро будетъ готово другое помѣщеніе, которое, вѣроятно, понравится намъ больше, а также просилъ насъ высказать ему: не имѣемъ ли мы въ чемъ нибудь нужды, прибавивъ, что измѣнить инструкцію, уже сообщенную намъ капитаномъ — не въ его власти. Заявивъ ему, что по утрамъ насъ беспокоятъ жители, а по ночамъ карауль, а также, что намъ не разрѣшается послѣ захода солнца выходить ни въ садикъ, ни во дворъ, я просилъ его измѣнить эти распоряженія, добавивъ, что въ предыдущій вечеръ, когда мы вышли изъ помѣщенія подышать чистымъ воздухомъ, то къ намъ подбѣжалъ часовой и, грозя ружьемъ, началъ грубо кричать, требуя, чтобы мы вошли въ помѣщеніе и закрыли рѣшетки. Выслушавъ это, онъ довольно энергично началъ что-то выговаривать капитану. Послѣ этого намъ уже не воспрещалось хотя бы цѣлую ночь проводить въ садикѣ, а часовые, если мы выходили въ формѣ, отдавали намъ честь. Передъ уходомъ онъ просилъ насъ не отказывать принимать до обѣда жителей, которымъ будетъ разрѣшено посѣтить насъ, на что мы сейчасъ же отвѣтили своимъ согласіемъ. Скоро этотъ полковникъ уѣхалъ изъ Мацу-ямы, а его замѣстилъ гораздо менѣе симпатичный, который также не долго пробылъ на этомъ мѣстѣ.

ГЛАВА IX.

„Съ сочувствіями и утѣшеніями“.

Съ 18 апрѣля насъ начали навѣщать не только мѣстные, но и пріѣзжіе изъ другихъ мѣстъ японцы, которые всегда являлись по одному, по нѣскольکو, а иногда и цѣлыми депутаціями, чтобы высказать свое „сочувствіе и утѣшеніе“. Принимать ихъ, большею частью, приходилось мнѣ одному, такъ какъ сожителіи мои отказывались съ ними бесѣдовать. Если являлись отдѣльные лица, то бесѣда принимала форму обыкновеннаго разговора, а если это была депутація, то выходилъ ораторъ и произносилъ цѣлую рѣчь, которую какъ ни старался перевести переводчикъ—никогда не могъ и, когда я спрашивалъ: не желаетъ ли ораторъ высказать намъ свое сочувствіе и утѣшеніе, то обрадованный переводчикъ всегда отвѣчалъ „да“. Каждый навѣщавшій, являлся ли онъ одинъ, или цѣлымъ обществомъ, всегда лѣзъ здороваться и прощаться по-европейски, т. е. протягивалъ руку для рукопожатія. Японцы же при встрѣчѣ другъ съ другомъ здороваются слѣдующимъ образомъ: сложивъ руки ладонями вмѣстѣ, вставляютъ ихъ между колѣнъ и, нагибаясь почти подъ прямымъ угломъ, начинаютъ какъ можно сильнѣе втягивать въ себя воздухъ, чтобы шумъ отъ этого былъ слышенъ тому, кому кланяются, а затѣмъ крикнувъ—оба выправляются. Этимъ и заканчиваются церемоніи поклоновъ.

Одними изъ первыхъ насъ посѣтила какая то община сестеръ милосердія, при чемъ начальница ея безъ всякой витіеватости сказала намъ нѣсколько

прочувствованныхъ словъ, смыслъ которыхъ былъ приблизительно слѣдующій: „неизбѣжное народное бѣдствіе — война стряслась надъ двумя когда-то бывшими въ дружбѣ народами. Наши отцы, братья и многіе близкіе къ намъ люди стали вашими врагами и убиваютъ другъ друга. Мы, рѣшивъ придти на помощь своими слабыми силами этому народному бѣдствію, собрались вмѣстѣ и дали слово, по мѣрѣ силъ, помогать всѣмъ пострадавшимъ отъ этой войны, поклявшись съ одинаковымъ милосердіемъ относиться къ пострадавшимъ отъ нея, какъ къ нашимъ соотечественникамъ, такъ и русскимъ. Узнавъ, что вы стали однимъ изъ первыхъ жертвъ этой войны, мы поспѣшили явиться къ вамъ и высказать наши слова утѣшенія...“ Рѣчь эта, по моему требованію, переводилась фразами. Сначала Владиміръ не хотѣлъ исполнять этого, но когда я назвалъ его „чортовой куклой“, то онъ немедленно приступилъ къ точному исполненію моего требованія. Если бы я на этомъ не настоялъ, то онъ, какъ и всѣ переводчики, ограничился бы слѣдующимъ переводомъ: „это... какъ бы вамъ сказать... это... она говорить... она говоритъ... что... пришла съ сочувствіемъ и утѣшеніемъ“. По окончаніи перевода ея словъ, начальница общины, видимо, принадлежавшая къ интеллигентному японскому обществу, подала каждому изъ насъ по небольшой коробочкѣ сладкихъ сухариковъ, а мнѣ, кромѣ того, коробочку съ тремя резиновыми мячиками. Насколько пріятно было мнѣ слышать ея привѣтствіе, настолько непріятно было получать эти подарки. Возвратить ихъ — значило обидѣть японокъ, которыя, по всей вѣроятности, подносили ихъ, какъ говорится, отъ чистаго сердца. Принять же ихъ и не отдарить —

я не желалъ, а потому, отвѣчая благодарностью на высказанное участіе нашему горю, я вынулъ фунтъ стерлинговъ и подалъ имъ, прося принять его на усиленіе средствъ ихъ челоуѣколюбиваго общества. Это страшно смутило ихъ, и онѣ постѣшили хоромъ высказать свой протестъ. Когда шумъ прекратился, то я заявилъ имъ, что онѣ не имѣютъ права отказываться отъ моего пожертвованія, такъ какъ я въ денежныхъ средствахъ не стѣсенъ, а потому имѣю возможность жертвовать на то доброе дѣло, которое въ одинаковой мѣрѣ должно служить русскимъ и японцамъ. Тогда начальница предложила мнѣ отправить эти деньги въ Россію, для передачи ихъ русскому Красному Кресту; но я возсталъ противъ этого, говоря, что Россія страна богатая, и отосланное мое пожертвованіе тамъ не будетъ имѣть того значенія, какое оно будетъ имѣть въ Японіи. Если онѣ отвергаютъ мою жертву, какъ усиленіе японскаго Краснаго креста, то пусть употребятъ ее исключительно на раненныхъ русскихъ, которые, вѣроятно, въ продолженіе войны будутъ доставлены въ Японію. Противъ этого они ничего не могли возразить, и фунтъ стерлинговъ остался у нихъ. Мѣсяца черезъ три я получилъ официальную бумагу отъ японскаго Краснаго Креста съ просьбой выяснить: какому Красному Кресту я жертвую фунтъ стерлинговъ—русскому или японскому? На это я отвѣтилъ, что, по моему мнѣнію, въ настоящее время дѣятельность русскаго и японскаго Краснаго Креста близко связаны между собой, а потому прошу оставить эти деньги для нуждъ японскаго Краснаго Креста, который не отказываетъ въ помощи раненымъ русскимъ, какъ и нашъ Красный Крестъ никогда не позволитъ себѣ отказать въ помощи раненымъ японцамъ.

Слѣдующей депутаціей были юноши лѣтъ 15—18, которыхъ Владиміръ назвалъ студентами. Ихъ было человекъ 50—60, и сопровождалъ ихъ пожилой японецъ, по словамъ Владиміра — профессоръ. Были ли они дѣйствительно студенты — не знаю, но юбокъ на нихъ, о которыхъ я говорилъ раньше, не было. Одѣты они были въ необыкновенно узкія брюки и до невозможности короткія курточки; на головахъ у нихъ были фуражки такой же формы, какъ и у японскихъ солдатъ, но только съ какими то гербами. Сначала я отказался принимать ихъ; послѣ же долгихъ приставаній Владиміра согласился, но съ условіемъ, чтобы они выстроились во фронтъ на дворѣ, куда я и выйду къ нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Владиміръ и доложилъ, что все готово. Когда я вышелъ, то отъ фронта отдѣлился пожилой японецъ въ довольно старомъ европейскомъ платьѣ и, снявъ шляпу, началъ говорить мнѣ длинную рѣчь, все время не надѣвая шляпы. Пришлось и мнѣ послѣдовать его примѣру. По окончаніи своей рѣчи, она была мнѣ переведена, какъ и многія другія, т. е. „Это... это... какъ бы вамъ сказать... и т. д.“. Переводъ заканчивался, какъ всегда, словами „сочувствіе и утѣшеніе“. Пожавъ руку „профессору“ и ближайшимъ „студентамъ“, я рѣшилъ испытать беззащитность Владиміра въ дѣлѣ, къ которому онъ былъ приравленъ. Отступя нѣсколько шаговъ, я началъ громкимъ голосомъ говорить невозможнѣйшій наборъ словъ, слушая который, Владиміръ стоялъ, все время глубокомысленно опустивъ голову, а стоявшіе въ сторонѣ матросы „Стережущаго“ едва сдерживались, чтобы не расхохотаться. Говорилъ я такимъ образомъ минутъ 5—6 и когда окончилъ,

то просилъ Владиміра какъ можно точнѣе перевести мои слова. Ничтоже сумняшеся, онъ сейчасъ же началъ имъ говорить что-то по японски и также говорилъ не менѣе 5 минутъ. Что онъ переводилъ имъ—Аллахъ его вѣдаетъ, но я глубоко убѣжденъ, что онъ даже не слушалъ моей рѣчи, а во время моего ораторства подготовлялъ свою собственную, которую и сказалъ имъ. Передъ прощаніемъ они поднесли мнѣ небольшую деревянную коробочку съ японскими пряниками очень плохого качества, которую я отказался взять. Это привело въ сильное волненіе Владиміра, и онъ чуть не со слезами началъ упрашивать меня, чтобы я не обижалъ депутацію, доказывая, что потомъ я могу все это выбросить, а теперь долженъ взять. Не желая огорчать „профессора“ и „студентовъ“, я принялъ ихъ подношеніе, которое сейчасъ же и передалъ матросамъ. По уходѣ депутаціи, я сказалъ Владиміру, чтобы онъ сейчасъ же передалъ капитану, что я прошу его пожаловать къ намъ, а когда тотъ явился съ Владиміромъ, то я имъ заявилъ:

— Я считаю необходимымъ заявить вамъ, что если ваши соотечественники будутъ приносить намъ подаваніе, въ которомъ мы совершенно не нуждаемся, то мы его принимать не будемъ, а потому прошу васъ сдѣлать распоряженіе, чтобы этого не было.

— Но это нашъ обычай, и вашъ отказъ будетъ очень оскорбителенъ для тѣхъ, кто пожелаетъ сдѣлать вамъ эту любезность.

— Не сомнѣваюсь, что это вашъ обычай, но мы—русскіе офицеры и по нашимъ обычаямъ это для насъ оскорбительно. Вы видите, что мы не голодны; да наконецъ, какъ вы сами знаете, у насъ есть средства, чтобы самимъ пріобрѣсти то, что они

намъ приносить, если бы мы дѣйствительно въ этомъ нуждались.

— По нашимъ обычаямъ, если приходятъ къ плѣнному (вѣроятно онъ желалъ сказать — заключенному), то непременно надо ему что-нибудь принести.

— Если ужъ у васъ такой обычай, отъ котораго вы не считаете удобнымъ отступать, то пусть приносятъ цвѣты; отъ нихъ мы отказываться не будемъ.

— Но какъ же это сдѣлать, чтобы всѣ, желающіе навѣстить васъ, знали объ этомъ?

— Объявите въ газетахъ.

Капитанъ такъ и сдѣлалъ, послѣ чего каждый посѣтитель обязательно приходилъ съ цвѣтами; а когда приходила какая нибудь депутація, то наше помѣщеніе напоминало день Св. Троицы, такъ какъ все было украшено цвѣтами и даже цѣлыми вѣтками цвѣтущихъ деревьевъ. Все время моего плѣна, если японцы приходили навѣстить лично меня, то обязательно приносили мнѣ цвѣты, считая меня особеннымъ любителемъ ихъ.

Однажды лично меня навѣстилъ какой-то интеллигентный японецъ, который оказался начальникомъ полиціи всего о. Сикокъ, состоящаго изъ четырехъ губерній, и принесъ мнѣ громаднѣйшую вѣтку желтыхъ хризантемъ (желтый цвѣтъ въ Японіи считается цвѣткомъ Микадо, а хризантема — національнымъ цвѣтомъ, такъ какъ напоминаетъ солнце съ лучами, т. е. ихъ государственный гербъ), цвѣты на которой еще не всѣ распустились, и меня очень удивляло, что эта вѣтка не только долго сохраняла свои цвѣты, но и бывшіе на ней бутоны постепенно распускались. Эти хризантемы украшали мою

комнату чуть ли не двѣ недѣли. Около этого времени въ газетахъ была статья о томъ, что въ англійской полиціи вводится какое-то усовершенствованіе по образцу японской. Когда я сообщилъ ему объ этомъ, то онъ безъ всякой хвастливости отвѣтилъ, что это его не удивляетъ, такъ какъ японская полиція уже болѣе 300 лѣтъ правильно организована и имѣетъ свои законы, чѣмъ не можетъ похвалиться ни одно европейское государство.

Когда меня освободили изъ плѣна и я выѣзжалъ изъ Кобе, то на пароходъ пріѣхалъ японскій „бой“ (слуга) и обратился ко мнѣ со словами: „Аната кайгунъ-чуса Серецкій?“ (т. е., вы капитанъ 2-го ранга Селецкій?). Когда я ему отвѣтилъ: „ге“, т. е. „да“, то онъ подаль мнѣ букетъ прекраснѣйшихъ хризантемъ. Сколько я ни спрашивалъ его, отъ кого этотъ букетъ—онъ мнѣ не сказалъ, и отъ денегъ, которыя я ему давалъ за труды—отказался.

Первое время мы очень интересовали японцевъ, и всѣ мѣстные газеты, по словамъ Владиміра, были наполнены тѣмъ, что мы покупаемъ, какъ устроились, какъ проводимъ время, что ѣдимъ, кто насъ навѣщаетъ, что мы имъ говоримъ, или вѣришь, что имъ вретъ Владиміръ, и т. п. Когда прибыли другіе плѣнные, то нашъ покой нарушался посѣтителями гораздо меньше, такъ какъ было кому ихъ принимать, но зато онъ невозможно нарушался своими же соотечественниками, о чемъ не стоитъ говорить... Окончилось—и слава Богу!..

Однажды насъ навѣститъ редакторъ мѣстной газеты, который зналъ нѣсколько словъ по-англійски. По обязанности присутствовавшій при нашемъ свиданіи Владиміръ что-то долго рассказывалъ ему. Прислушавшись къ разговору, я понялъ, что онъ

говорить редактору, будто я командиръ военного судна, погибшаго въ бою, съ котораго спаслись только я и мои два помощника. Возмущенный этою ложью, я собралъ весь запасъ извѣстныхъ мнѣ японскихъ словъ, мѣшая ихъ съ англійскими, заявилъ редактору, что Владиміръ нагло вретъ. Послѣ этого я объяснилъ ему: кто мы такіе и какимъ образомъ попали въ гости къ японцамъ. Редакторъ понялъ, и все мое заявленіе, какъ потомъ я узналъ, было напечатано въ его газетѣ.

Дня черезъ два послѣ этого Владиміръ пришелъ къ намъ очень печальнымъ, и когда я спросилъ у него о причинѣ невеселаго вида, то онъ мнѣ откровенно сознался, что его и редактора, который былъ у насъ, призвалъ къ себѣ комендантъ, и имъ обоимъ страшно досталось за то, что редакторъ на основаніи моихъ словъ напечаталъ у себя въ газетѣ, будто я не командиръ военного судна, какъ объявлялось въ газетахъ, а капитанъ коммерческаго парохода, захваченнаго еще до объявленія войны. Въ утѣшеніе я только могъ посовѣтовать ему не врать въ моемъ присутствіи, такъ какъ я хотя и не говорю по японски, но понять могу, что онъ говоритъ, а потому, если онъ опять примется за вранье, то и впредь буду поступать такимъ образомъ. На это онъ заявилъ мнѣ, что если онъ и совралъ редактору, то не по своей волѣ, а по приказанію начальства. Вотъ чѣмъ и можно объяснить народное торжество во время нашего пріѣзда въ Мацу-яму. Хотя мнѣ было и жаль Владиміра, но происшедшимъ случаемъ я былъ очень доволенъ.

Что творилось на полѣ сраженія, для насъ было тайной, о чемъ ни Владиміръ, ни Маки не хотѣли

намъ говорить, ссылаясь на строгія инструкціи, отданныя имъ по этому поводу; только однажды, когда я спросилъ Владиміра о судьбѣ приготовленныхъ 18 заградителей, онъ подѣ строжайшимъ секретомъ сообщилъ мнѣ, что 14 изъ нихъ утоплены артурскими батареями, а команды четырехъ бѣжавшихъ—казнены. Узнавъ это, я еле сдерживалъ свою радость, считая, что мнѣ удалось отмстить японцамъ съ лихвой за ихъ пиратское нападеніе на меня, во время донесія о ихъ намѣреніяхъ.

Наши заказы обыкновенно доставлялись намъ завороченными въ японскія газеты, въ которыхъ нѣкоторые тексты были напечатаны на англійскомъ языкѣ; замѣтивъ это, мы сейчасъ же принялись за переводъ ихъ при помощи словарей. Къ нашей великой радости оказалось, что большая часть изъ этихъ текстовъ относится къ современнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Однажды капитанъ засталъ насъ за этими переводами, послѣ чего уже ни одна газета не попадала въ наши руки до тѣхъ поръ, пока это не было намъ официально разрѣшено, т. е. на 9-й или на 10-й мѣсяцъ нашего заключенія.

Недѣли черезъ три послѣ нашего прибытія въ Мацу-яму, насъ навѣстилъ французскій консулъ изъ Кобе г. Фосарье де-Люси. По соглашенію между Россіей и Франціей, послѣдняя, съ согласія японскаго правительства, брала на себя обязанность блюсти интересы русско-подданныхъ, проживающихъ во время войны въ Японіи, а потому ему, какъ французскому консулу, было разрѣшено изрѣдка навѣщать насъ и заботиться о нашихъ нуждахъ. Не знаю, какъ другіе французскіе консулы относились къ русскимъ плѣннымъ, но г-омъ Фосарье почти всѣ плѣнные, живущіе въ Мацу-ямѣ, были недовольны за

его индифферентное отношеніе къ ихъ нуждамъ. Конечно, бывали случаи, что къ нему поступали совершенно неисполнимыя просьбы, но было не мало и такихъ, которыя онъ могъ исполнить безъ всякаго затрудненія для себя; напримѣръ: поспѣшить прислать оплаченный отвѣтъ на телеграмму и т. п. Объ этомъ не мало писалось въ японскихъ газетахъ, которыя возмущались его какъ бы враждебнымъ отношеніемъ къ русскимъ плѣннымъ, что особенно рельефно выказалось въ его заботахъ по отношенію къ плѣннымъ, взятымъ на о. Сахалинѣ. Многіе плѣнные громко высказывали свое неудовольствіе по его адресу, но я, видя въ немъ человѣка съ крайне разстроеннымъ здоровьемъ, больной печени и не симпатизирующаго русскимъ, даже старался избѣгать разговоровъ съ нимъ во время его послѣдующихъ посѣщеній Мацу-ямы. Какъ кавалеру ордена Почетнаго Легіона и участнику Франко-Русскаго альянса въ 1893 году, мнѣ было очень непріятно смотрѣть на представителя той страны, которая такъ сердечно принимала насъ въ 1893 г., а когда я, волей судебъ, попалъ въ печальное положеніе и при этомъ, какъ говорится, безъ вины виноватый, о чемъ ему было прекрасно извѣстно, то онъ не только не желалъ быть любезнымъ, но даже индифферентно относился къ моимъ очень рѣдкимъ просьбамъ, выполненіе которыхъ всецѣло зависѣло лично отъ него.

Узнавъ отъ насъ, что мы въ деньгахъ не нуждаемся, онъ успокоился; на наше же заявленіе, что мы содержимся не какъ плѣнные, а какъ тяжкіе преступники, сказалъ, что помочь намъ не можетъ. Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ съ просьбой, чтобы я опросилъ спасенныхъ со

„Стережущаго“ матросовъ и прислалъ бы ему донесеніе о боѣ и гибели этого конгрѣ-мино-носца, такъ какъ объ этомъ ничего не знаютъ въ Россіи и просили его прислать точныя свѣдѣнія; ему же, по незнанію русскаго языка, трудно ихъ собрать отъ матросовъ при помощи японскаго переводчика. Получивъ отъ меня обѣщаніе исполнить его просьбу, онъ поспѣшилъ оставить насъ, такъ какъ куда то торопился.

Не лишнее при этомъ замѣтить, что онъ раньше бывалъ въ Мацу-ямѣ и видѣлъ лохмотья, въ которыхъ ходили герои „Стережущаго“, но, вѣроятно, по его мнѣнію, въ кругъ его обязанностей не входила забота замѣнить эти лохмотья приличнымъ платьемъ, въ которомъ они бы не дрожали, какъ осиновые листья, отъ довольно прохладныхъ погодъ. Мы ихъ увидѣли болѣе чѣмъ черезъ полтора мѣсяца послѣ взятія въ плѣнъ и сразу обратили вниманіе на ихъ плачевный видъ, почему и поспѣшили заказать для нихъ необходимое платье, хотя намъ и не поручались интересы русско-подданныхъ, находящихся въ Японіи. Если у него не было на это специальныхъ суммъ, то, я увѣренъ, сдѣлай онъ эти траты по собственной инициативѣ и донеси объ этомъ нашему правительству—ему немедленно возвратили бы деньги съ особенной благодарностью. Всѣмъ извѣстно, если не чувствуешь симпатіи къ кому нибудь, то и въ голову не приходитъ мысль оказать ему помощь, хотя бы это и не представляло особеннаго труда.

ГЛАВА X.

Бой и гибель контръ-миноносца „Стерегущій“.

Много ходило и ходитъ разсказовъ о гибели „Стерегущаго“, но вотъ вѣрное описаніе этой печальной, но геройской гибели русскаго военнаго судна, которое мнѣ удалось узнать отъ спасенныхъ героевъ, находившихся еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего происшедшаго, и точно установленное перекрестнымъ допросомъ ихъ.

25 февраля 1904 г. контръ-миноносцы (истребители) „Рѣшительный“ и „Стерегущій“ были назначены въ сторожевую службу, для чего въ 6 час. вечера и вышли изъ Портъ-Артура. Крейсера между г. Дальнимъ и Голубиной бухтой, около полуночи, находясь на меридіанѣ Портъ-Артура, они увидѣли японскія суда, которыя, по всей вѣроятности, также и ихъ замѣтили, потому что изъ трубъ „Стерегущаго“ постоянно показывалось пламя, потому они и не могли атаковать японцевъ. Когда же начало свѣтать, то они ясно увидѣли къ югу отъ себя японскій флотъ, состоящій изъ 12 большихъ судовъ, почему и направились къ портъ-артурскому маяку. Замѣтивъ 4 японскихъ контръ-миноносца, идущихъ на пересѣчку ихъ курса, они повернули къ нимъ, вступивъ въ бой, хотя и на значительномъ разстояніи. Бой велся на циркуляціи, причемъ „Стерегущій“ все время держалъ въ кильватеръ „Рѣшительному“, т. е. слѣдовалъ за нимъ. Замѣтивъ, что къ мѣсту боя спѣшатъ 4 японскихъ крейсера, а силы ихъ и безъ того слабѣе японскихъ,

„Рѣшительный“ повернулъ къ Портъ-Артуру, а „Стерегающій“ послѣдовалъ за нимъ. Кормовое орудіе „Стерегающаго“ было подбито, а потому ему трудно было отстрѣливаться отъ четырехъ японскихъ миноносцевъ, которые сосредоточили весь свой огонь на немъ, въ скорости повредивъ ему одинъ котель и рулевой приводъ, отчего „Стерегающій“ замедлилъ свой ходъ и управляться имъ становилось все труднѣе и труднѣе. Видя, что „Стерегающій“ поврежденъ и отстаетъ отъ „Рѣшительнаго“, японскіе миноносцы бросились на пересѣчку его курса, и когда онъ былъ отрѣзанъ отъ „Рѣшительнаго“, то сообща начали его разстрѣливать. Вскорѣ его артиллерія была уничтожена, а команда почти вся перебита. Одно время, благодаря порчѣ руля и отсутствію управленія машинами, онъ круто повернулъ по направленію къ непріятелю, который сейчасъ же началъ уходить отъ него, но потомъ, сообразивъ, что это не маневръ, а просто отсутствіе управленія, подошелъ на близкое разстояніе къ „Стерегающему“ и своей артиллеріей началъ сметать съ его палубы все, что тамъ еще оставалось живого. Пользуясь сравнительно близкимъ разстояніемъ, въ одинъ изъ непріятельскихъ миноносцевъ со „Стерегающаго“ была выпущена мина, но взрыва ея не послѣдовало.

Однимъ изъ первыхъ былъ раненъ (въ обѣ ноги ниже колѣнъ) командиръ миноносца лейтенантъ Сергѣевъ, котораго положили на машинный люкъ, и минно-машинный квартирмейстеръ 1-й статьи Федоръ Юрьевъ началъ дѣлать ему перевязку, но въ это время въ машинный люкъ попалъ снарядъ, которымъ убило командира и нѣсколькихъ матросовъ, а Юрьева тяжело ранило въ обѣ ноги. Послѣ лейтенанта Сергѣева, его мѣсто заступилъ минный офи-

церь лейтенантъ Головизинъ, который раньше распоряжался дѣйствіемъ всей артиллеріи. Едва только подъ его руководствомъ была выпущена мина, какъ упавшій снарядъ около миннаго аппарата убилъ его и нѣсколькихъ матросовъ, только что выпустившихъ мину. Осколками этого же сна-

Рис. 8. Василій Новиковъ и Маки,
Алексѣй Осининъ и Ив. Хиринскій.

ряда ранило въ ноги и спину кочегара Ивана Хиринскаго. Оставался въ живыхъ изъ всего офицерскаго состава только мичманъ Кудревичъ, который, видя, что вся орудійная прислуга перебита, начинаетъ самъ стрѣлять изъ единственнаго уцѣлѣвшаго праваго носового орудія, но скоро японская граната попадаетъ ему въ правый бокъ, и онъ падаетъ мертвымъ у послѣдняго подбитаго орудія. Стрѣльба на „Стерегушемъ“ прекращается; машина и котлы

его повреждены, команда перебита, и миноносецъ больше сопротивляться не можетъ. Легко раненый кочегаръ Алексѣй Осининъ выползаетъ изъ кочегарнаго отдѣленія на палубу, т. к. его котелъ поврежденъ и топки заливаешь вода. Японцы также прекращаютъ стрѣльбу и спускаютъ на воду уцѣлѣвшія шлюпки, чтобы послать ихъ на „Стережущій“ забрать раненыхъ и завладѣть самымъ миноносцемъ. Въ это время изъ машины показывается чудомъ оставшійся не только въ живыхъ, но и не раненый машинистъ Василій Новиковъ. Видя, что японцы спѣшатъ на миноносецъ, онъ, по совѣту смертельно раненаго сигнальщика Василя Кружкова, начинаетъ выбрасывать за бортъ сигнальныя книги, предварительно завернувъ ихъ вмѣстѣ со снарядами во флаги, а затѣмъ и всѣ судовые флаги, предварительно обмотавъ ими снаряды, чтобы они не достались японцамъ, какъ трофеи. Увидавъ, что шлюпки съ вооруженными японцами подходятъ къ „Стережущему“, онъ бросается въ машину и закрываетъ за собой люкъ, завинтивъ его изнутри; а затѣмъ начинаетъ открывать кингстоны и клинкеты. (Кингстонъ—отверстіе въ днѣ судна, открывъ которое, можно наполнить судно водой. Клинкетъ—заслонка въ непроницаемой переборкѣ, при открытіи которой переборка теряетъ свое значеніе. Окончивъ свою работу и видя, что вода въ машинномъ отдѣленіи начинаетъ подниматься выше его колѣнъ, онъ открываетъ люкъ и выходитъ наверхъ. Его моментально схватываютъ нѣсколько японцевъ, но онъ сопротивленія имъ не оказываетъ. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ видитъ слѣдующую картину: на вертикально поднятомъ крюкѣ развивается военный японскій флагъ (крюкъ—

багоръ); въ шлюпкѣ, стоящій у борта, лежатъ его раненные товарищи: Федоровъ, Хиринскій и Осининъ, а самъ „Стережущій“ буксируется японскимъ миноносцемъ. Невольная улыбка появляется у него на лицѣ... По приказанію японскаго офицера онъ садится въ шлюпку и его везутъ на близъ стоящій миноносецъ. Не успѣли еще поднять изъ шлюпки всѣхъ раненныхъ, какъ на буксирующемъ миноносцѣ послышались крики; взглянувъ туда, Новиковъ увидаль слѣдующую картину: корма „Стережущаго“ почти до трубъ погрузилась въ воду, и японцы спѣшили отдать буксиръ. Когда буксиръ былъ отданъ, то „Стережущій“ какъ бы попятился назадъ, носовая часть его поднялась, и онъ кормой нырнулъ подъ воду, откуда больше и не показывался. Осѣнивъ себя широкимъ русскимъ крестомъ и произнеся: „Слава Богу, не достался врагу“, Новиковъ покорно послѣдовалъ за японскимъ матросомъ, который отвелъ его вовнутрь миноносца и заперъ въ какомъ-то небольшомъ помѣщеніи, гдѣ онъ почти моментально заснулъ послѣ всѣхъ пережитыхъ волненій... Потомъ ихъ перевели на какой-то крейсеръ, и послѣ поверхностнаго допроса— доставили въ Сасебо. Пробовали японцы допрашивать ихъ о томъ, что дѣлается въ Портъ-Артурѣ, но, конечно, никакихъ полезныхъ для себя свѣдѣній не получили.

ГЛАВА XI.

К о к а й д о.

Проживъ немного болѣе мѣсяца въ храмѣ и примирившись со всѣми его неудобствами, мы начали вести тихую и регулярную жизнь, которая изрѣдка нарушалась посѣщеніемъ какого-нибудь запоздавшего посмотриѣть на насъ японца, или возмущеніемъ противъ грабежа правительственнаго поставщика Куботы. Будучи хорошо знакомы съ цѣнами на продукты въ Японіи, мы рѣшили позволить себѣ нѣкоторую роскошь въ ѣдѣ, т. е. прибавленіемъ къ нашему скромному столу нѣкоторыхъ закусокъ, и узнавъ, что ихъ въ Мацу-ямѣ нѣтъ, а можно только выписать изъ Кобе, просили Куботу сдѣлать это, рассчитывая, что онъ возьметъ съ насъ за это двойную или тройную цѣну, но не больше, тѣмъ болѣе, что, по его словамъ, доставка будетъ стоить очень дешево. Когда продукты были доставлены, то мы не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ, прочитавъ цѣны на нихъ въ счетѣ, который представилъ намъ Кубота. Какъ примѣръ, приведу нѣкоторые изъ нихъ: фунтъ простого сыра, вѣроятно, японскаго производства, стоилъ около 2 руб. 50 к., небольшая головка капусты — около 1 руб., фунтъ простой итальянской колбасы — около 1 руб. 50 к.; но что насъ больше всего возмутило: въ Японіи — странѣ овощей, за небольшой пучекъ сельдерея, около фунта вѣсомъ, была представлена цѣна: 1 йена 60 центовъ (1 р. 55 к.). Сначала мы отказались потворствовать подобному нахальству, предложивъ Куботѣ взять выписанные имъ продукты и отпра-

вить ихъ обратно въ Кобе, но въ дѣло вмѣшался капитанъ съ требованіемъ уплатить затраченную Куботой сумму, который, по словамъ капитана, выписавъ для насъ продукты, сдѣлалъ этимъ намъ большую любезность, и не рассчитывая что-нибудь заработать на этой поставкѣ. Пришлось покориться своей участи и нахальству японцевъ...

Между нашими вещами нашлось нѣсколько книгъ, которыя хотя уже и были нами прочитаны, но отъ скуки мы начали читать ихъ вторично. Отсутствие маціона насъ сильно тяготило и дурно отзывалось на моемъ здоровьѣ, а потому я рѣшилъ ежедневно дѣлать не менѣе трехъ верстъ. Чтобы исполнить это, я воспользовался узкой извилистой дорожкой въ нашемъ садикѣ. Длина этой дорожки была 26 шаговъ, и я ежедневно дѣлалъ по ней не менѣе 60 концовъ.

Однажды, во второй половинѣ мая, къ намъ явился капитанъ и заявилъ, что на слѣдующій день мы должны будемъ перебраться въ другое помѣщеніе, которое приготовлено для насъ, такъ какъ храмъ будетъ обращенъ въ госпиталь для раненыхъ; вещи наши должны быть собраны къ 8 час. утра, и если мы не желаемъ нести ихъ сами, то ихъ перевезутъ. Впослѣдствіи за эту перевозку вещей съ cadaго изъ насъ содрали по 5 іенъ, которыя, послѣ долгихъ пререканій, я вручилъ замѣстителю Владиміра—Хіэда. На наши вопросы: гдѣ это помѣщеніе и какое оно — капитанъ, по японскимъ правиламъ, отвѣтилъ намъ, что не имѣетъ права говорить объ этомъ. На наше требованіе, чтобы при перевозкѣ вещей были матросы со „Стерегащаго“, иначе часть ихъ можетъ пропасть, онъ послѣ нѣкотораго раздумья согласился. По уходѣ капи-

тана, Владиміръ сообщилъ намъ по секрету, что для насъ приготовлено прекрасное помѣщеніе, носящее названіе Кокайдо. Передѣлано оно изъ городского собранія, которое городъ уступилъ военному вѣдомству. Кромѣ этого онъ сообщилъ намъ, что скоро привезутъ много плѣнныхъ, которые также будутъ жить въ Кокайдо.

Съ ранняго утра мы слышали шумъ и смѣхъ въ помѣщеніи бонзъ, которое находилось въ запретной половинѣ сада, а во дворъ начали привозить массу матрацевъ, набитыхъ соломой, и не изъ грязнаго ревендука, какъ это было приготовлено для насъ капитаномъ, а изъ довольно хорошаго бумажнаго полотна. Какъ потомъ оказалось, шумѣли и смѣялись сестры милосердія, которыя мыли помѣщенія бонзъ и приспособляли ихъ для раненыхъ.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о японскихъ сестрахъ милосердія, хотя о ихъ работахъ и идеальномъ уходѣ за ранеными писалось не мало. Хромѣ обязанностей сестры милосердія, на нихъ лежали обязанности уборки и мытья помѣщеній, въ которыхъ находились раненые. Эти обязанности онѣ несли не только безъ ропота, но даже съ видимымъ удовольствіемъ. За все время моего пребыванія въ плѣну, мнѣ ни разу не приходилось слышать отъ раненыхъ не только жалобъ, но даже легкаго неудовольствія на кого-нибудь изъ сестеръ милосердія. Насъ всегда возмущало отношеніе къ нимъ самихъ японцевъ. При встрѣчѣ не только съ офицерами, но даже съ нижними чинами, онѣ обязаны были имъ низко кланяться, на что, сколько мнѣ приходилось видѣть, никогда не достаивались получить отвѣтный по-

клонъ. Это повело къ тому, что мы, безъ предварительнаго соглашенія, при встрѣчахъ съ сестрами милосердія, если были въ формѣ, то отдавали имъ честь, а если въ штатскомъ, то снимали шляпы, чего не дѣлали при встрѣчахъ съ японскими офицерами. Такое наше отношеніе къ сестрамъ милосердія страшно коробило японцевъ, и однажды переводчикъ высказалъ мнѣ, что по японскому обычаю не принято первымъ кланяться или отдавать честь сестрамъ милосердія, а потому лучше намъ этого и не дѣлать. На это я ему отвѣтилъ, что у насъ въ Европѣ этотъ обычай совершенно обратный, а потому, по моему мнѣнію, будетъ самое лучшее, если мы будемъ поступать поевропейски, а японцы по-японски. Мы японцамъ не навязываемъ своихъ обычаевъ, а потому просимъ и намъ не навязывать японскихъ.

На другой день, чуть не съ разсвѣтомъ, Маки, забравъ свою кухню, куда то уѣхалъ, а въ 8 часовъ утра забрали наши вещи и также куда-то увезли въ сопровожденіи матросовъ со „Стерегающаго“. Въ 9 часовъ утра во дворъ прибыла полурота солдатъ, подъ конвоемъ которой мы, въ сопровожденіи капитана и Владиміра, также послѣдовали къ мѣсту новаго жительства. Всѣ мы опять были одѣты въ штатское. Повели насъ, какъ потомъ оказалось, не кратчайшимъ путемъ къ Кокайдо, а по разнымъ улицамъ, которыя опять были запружены народомъ; не доставало только учебныхъ заведеній. Для чего это дѣлали—понять не могу! По дорогѣ мы встрѣтили жену американскаго миссіонера, которая постоянно присылала мнѣ черезъ Владиміра цвѣты и письма со словами утѣшенія. Хотя Владиміръ и увѣрялъ меня, что письма доставляются мнѣ безъ

цензуры, но я былъ увѣренъ и тогда и теперь, что это онъ вралъ. Пользуясь случаемъ, проходя мимо нея, я поцѣловалъ ей руку и поблагодарилъ за постоянное вниманіе. Впослѣдствіи я узналъ, что она видѣла насъ, когда мы прибыли въ Мацу-

Рис. 9. Входъ въ „Кокайдо“.

яму, т. к. находилась между народомъ, надѣвъ японскій національный костюмъ. Хотя она и состояла въ японской общинѣ Краснаго Креста, и вся ихъ семья принадлежала къ той націи, которая болѣе другихъ помогала Японіи вести войну съ нами, но все же ихъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нашей встрѣчи выселили изъ Мацу-ямы. Какая причина была этому—не знаю.

Черезъ полъ-часа мы подошли къ нашему новому помѣщенію. Войдя въ ворота, мы увидѣли обширный дворъ, въ концѣ котораго находилось большое двухъ-этажное зданіе, наружный фасадъ котораго былъ каменный. Во дворѣ насъ встрѣтилъ

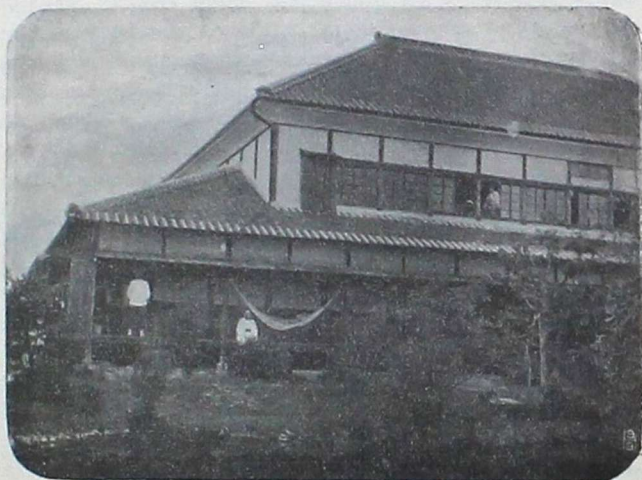

Рис. 10. „Кокайдо“.

японскій поручикъ, который, послѣ рапорта капитану, былъ представленъ намъ, какъ помощникъ капитана Іюши-мацу (іюши—хорошая, мацу—сосна), который скоро долженъ пріѣхать въ Мацу-яму и смѣнить нашего капитана, отправлявшагося на войну. Нижній этажъ этого зданія предназначался для офицеровъ, а верхній для нижнихъ чиновъ, почему и устроены они были различно.

Верхній этажъ состоялъ изъ одной громаднѣй-

шей комнаты, устланной циновками, а нижній этажъ былъ раздѣленъ рѣшетками, оклеенными бумагой, на много комнатъ, которыя были расположены по наружной сторонѣ дома. Противъ входа оставалось большое помѣщеніе, съ трехъ сторонъ огороженное задними стѣнами офицерскихъ комнатъ. Предназначалось оно какъ общій залъ для гулянья въ дурную погоду, или какъ общая столовая, но такъ какъ оно было темное, то въ немъ въ послѣдствіи была помѣщена офицерская прислуга. Вокругъ всего нижняго этажа была устроена крытая галлерея, аршина въ два шириною. Помѣщеніе это, сравнительно съ прежнимъ, представляло верхъ комфорта. Вокругъ задней части дома былъ расположенъ обширный садъ, большая часть котораго также была занята прудомъ, въ видѣ буквы „с“ окружавшимъ зданіе. Показавъ намъ все помѣщеніе, капитанъ предложилъ выбрать себѣ комнаты по своему вкусу, предупредивъ, что скоро прибудетъ много плѣнныхъ и что положеніе остается прежнимъ, т. е. штабъ-офицерамъ полагается помѣщеніе только въ два цубо, т. е. въ 4 циновки. Такъ какъ комнатъ меньше чѣмъ въ 4 цубо не было, то я и выбралъ себѣ такую, рѣшивъ до послѣдней степени отстаивать неприкосновенность моего помѣщенія. Мои товарищи взяли для себя комнату въ 6 цубо съ тѣми же самыми намѣреніями, устроивъ въ ней и нашу общую столовую. Комнаты были рядомъ, и въ случаѣ надобности, раздвинувъ рѣшетки, мы могли обратить въ одну. Такъ какъ рассчитывать на скорое освобожденіе мы не могли, то и выбрали себѣ комнаты въ южной части дома, садъ около которыхъ былъ засаженъ высокими и густыми

деревьями, защищавшими наши комнаты отъ палящаго солнца, а зимой сѣверныя помѣщенія дома также должны были защищать наши комнаты отъ сырыхъ и холодныхъ вѣтровъ.

Рис. 11. Садъ въ Кокайдо.

Въ общемъ помѣщеніи стояло десятка полтора деревянныхъ кроватей и столько же некрашенныхъ небольшихъ сосновыхъ столиковъ. Съ самодовольной улыбкой капитанъ указалъ намъ на эти предметы и предложилъ воспользоваться ими. Это уже были не „капитанскіе гроба“, которые онъ устроилъ намъ въ храмѣ, а довольно аккуратно сдѣланные топчаны съ невысокими бортами, и на каждомъ изъ нихъ лежало по чистому матрацу, такому же самому, какіе привозили въ храмъ для раненыхъ. Отъ

столовъ мы отказались, т. к. имѣли свои собственные, а кроватями воспользовались, къ которымъ сейчасъ же заказали пологи изъ кисеи, чтобы имѣть защиту отъ москитовъ и комаровъ, варварскія нападенія которыхъ заставляли насъ постоянно жечь „японскія свѣчи“. Свѣчи эти наружнымъ видомъ напоминаютъ фалшфейера; внутренность ихъ набита мелкой рисовой соломой, пропитанной какимъ то составомъ, отчего свѣча медленно тлѣетъ, наполняя комнату дымомъ съ запахомъ горящаго навоза, отчего комары и москиты исчезаютъ; но стоитъ свѣчѣ потухнуть, и комната сейчасъ же наполняется этими кровожадными злодѣями. Нечего и говорить, какъ отзывался этотъ ароматъ на нашихъ головахъ, и въ особенности первое время. Многие смѣются, когда я говорю, что вся Японія имѣетъ свой специфическій запахъ, который я всегда ощущалъ, подходя ночью къ берегамъ ея миль на 10—15. Запахъ этотъ мнѣ очень напоминаетъ запахъ „японскихъ свѣчей“, которымъ долго пахнетъ то помѣщеніе, гдѣ была сожжена хотя одна подобная свѣча.

Новое наше помѣщеніе имѣло незамѣнимое удобство, а именно электрическое освѣщеніе, которымъ намъ предложили пользоваться, но за плату, если не ошибаюсь, по 80 центовъ въ мѣсяцъ за каждую 10-ти свѣчевую лампочку, потому что это было отмѣнено, и въ каждомъ помѣщеніи бесплатно горѣла 10-ти свѣчевая лампочка; если же кто нибудь желалъ поставить большую, то долженъ былъ доплачивать за это. Кромѣ того въ немъ была устроена ванна и имѣлся большой чугунный котелъ для горячей воды. Ванна представляла ничто иное, какъ деревянный ящикъ, а потому пользо-

вались ею немногіе, опасаясь получить какую нибудь накожную болѣзнь, которыми болѣли многіе плѣнные. Впослѣдствіи, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, большая часть плѣнныхъ исключительно пользовалась душами. Японцевъ очень удивляла наша брезгливость къ общественнымъ ваннамъ, которыя у нихъ очень распространены не только между простымъ народомъ, но и между тѣми, которые считаютъ себя уже знакомыми съ культурой. Привозя плѣнныхъ въ Японію, они заставляли ихъ чуть не десятками купаться въ одной и той же жидкости, носящей названіе „дезинфекціонной“. Не разъ мнѣ приходилось видѣть, какъ происходило купаніе цѣлой японской семьи въ одномъ и томъ же деревянномъ ушатѣ. Ушатъ до половины наполнялся теплою водою, въ который первымъ влѣзалъ глава семьи—отецъ. Когда онъ оканчивалъ свои омовенія, въ ту же „микву“ лѣзла его жена, затѣмъ въ ней мыли дѣтей. Когда купаніе семьи оканчивалось, въ ушатъ по очереди лѣзла мыться вся прислуга.

Верстахъ въ 4-хъ отъ Мацу-ямы находится мѣстечко Дого съ цѣлебными горячими ключами, въ которыхъ я нѣсколько разъ купался. Для купанія устроенъ общій бассейнъ изъ камня, а вокругъ него, этажемъ выше, расположены довольно комфортабельныя японскія комнаты. Съ насъ брали за купаніе въ немъ, если не ошибаюсь, іену съ чѣмъ то, т. к. мы всегда купались въ 1-мъ классѣ. Однажды я поинтересовался посмотрѣть и другіе два класса, въ бассейнахъ которыхъ купающихся было набито какъ сельдей въ бочкѣ. Оказалось, что вода изъ бассейна 1-го класса выпускается не наружу, а въ бассейнъ 2-го класса, откуда, послѣ использованія ея, идетъ въ бассейнъ 3-го класса.

Затѣмъ, по выходѣ изъ него, ее выпариваютъ и получаютъ цѣлебную соль, которую тутъ же и продаютъ желающимъ излѣчивать ею свои недуги дома. Вода эта, какъ говорятъ, излѣчиваетъ отъ всевозможныхъ

Рис. 12. (Дого).

заразительныхъ болѣзней, такъ распространенныхъ въ Японіи, а поэтому бассейны 2-го и 3-го классовъ набиты подобными субъектами. Предоставляю читателямъ судить о чистотѣ выпариваемой соли и цѣлебности воды въ бассейнѣ 3-го класса.

Садъ въ Кокайдо былъ окруженъ довольно вы-

сокимъ заборомъ, но не изъ бамбука, а изъ сосновыхъ досокъ. Что касается животнаго царства, населяющаго его, то оно было еще болѣе разнообразно, чѣмъ въ садикѣ при храмѣ. Между плѣнными нашлись любители зоологіи, которымъ удалось собрать очень рѣдкіе экземпляры насѣкомыхъ. Садъ занималъ пространство около четверти десятины, и рядомъ съ нимъ также были расположены рисовыя поля, а потому въ немъ жило несмѣтное количество змѣй, и сколько мы ни истребляли ихъ, черезъ нѣкоторое время появлялись новыя. Въ наши помѣщенія онѣ заползали рѣдко, несмотря на то, что подъ поломъ дома постоянно слышалось ихъ шипѣніе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего переселенія въ Кокайдо, въ Мацу-яму были привезены плѣнные, взятые подъ Тюренченомъ, въ числѣ 15 офицеровъ и человекъ 300 нижнихъ чиновъ 11-го и 12 Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ. Нижнихъ чиновъ поселили въ верхнимъ этажѣ, а офицеровъ распредѣлили по комнатамъ нижняго этажа. Думая, что плѣнные, какъ и мы, пріѣдутъ голодными, нами были приняты соотвѣтствующія мѣры, чтобы сейчасъ же накормить ихъ; но въ этомъ не оказалось надобности, т. к. ихъ раньше накормили на пароходѣ, а потомъ уже повезли въ Мацу-яму. Первое время они не могли дать себѣ точнаго отчета въ ходѣ боя, но потомъ, часто бесѣдуя между собой, подробно выяснили всѣ детали его и тѣ многія ошибки, благодаря которымъ японцы сравнительно съ малыми потерями переправились черезъ рѣку Ялу. Подробностей и ошибокъ самаго боя я разбирать не буду, т. к. это не входитъ въ программу моего разсказа. Могу сказать: не

мало я бесѣдовалъ объ этомъ боѣ съ участниками его (офицерами и солдатами), и первое время все слышанное мною было такъ разнорѣчиво, что я не зналъ, чему вѣрить, а чему не вѣрить. Впослѣдствіи я приобрѣлъ нѣкоторый опытъ разбираться въ разсказахъ плѣнныхъ о бояхъ, благодаря которымъ

Рис. 13. Солдаты 11 и 12 Восточно-Сибирскаго стрѣлк. полковъ, взятые въ плѣнъ при р. Ялу.

они попадали въ Мацу-яму. Странно, что ни одинъ изъ нихъ не могъ отдать точнаго отчета о происходившемъ боѣ, а собранные разсказы отъ всѣхъ участниковъ всегда давали точную и ясную картину обыкновенно проиграннаго нами сраженія. При этомъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, что первое время плѣнные обыкновенно находились въ страшно удрученномъ состояніи духа, но затѣмъ,

ознакомившись съ ошибками боя, происшедшими не по ихъ винѣ, начинали фантазировать, заподозривая въ себѣ чуть не героевъ.

Съ перваго же дня прибытія тюренченцевъ, я настоялъ, чтобы нижніе чины пѣли общую молитву, что они и исполняли съ большимъ удовольствіемъ. Молитвы эти привлекали японцевъ къ зданію, въ которомъ мы жили. Скоро эти молитвы съ разрѣшенія администраціи и нашего согласія начали посѣщаться японцами. Черезъ нѣсколько дней у насъ уже составилъ очень порядочный хоръ, и пѣніе молитвъ пошло еще стройнѣе, возбуждая все большій и большій интересъ у японцевъ, которые ко времени молитвы густыми массами собирались около ограды Кокайдо.

Раненые подъ Тюренченомъ и доставленные въ Мацу-яму, были помѣщены въ мѣстный госпиталь и по мѣрѣ выздоровленія водворялись къ намъ. Однажды изъ госпиталя былъ переведенъ въ наше помѣщеніе молодой солдатикъ 12 Вост. Сиб. стрѣлковаго полка, хотя и съ залеченными ранами, но сильно истощенный. Войдя въ помѣщеніе, онъ началъ разговаривать со своими товарищами, но вдругъ вскрикнулъ и упалъ въ обморокъ. Придя въ себя, онъ сейчасъ же попросилъ, чтобы его отвели къ подполковнику У., который былъ старшимъ изъ офицеровъ его полка. Когда его просьба была исполнена, то онъ, смертельно блѣдный и дрожа, началъ рассказывать У. слѣдующее:

На полѣ сраженія онъ лежалъ почти рядомъ съ своимъ раненымъ ротнымъ командиромъ (если не ошибаюсь, 5-й роты, фамилію котораго забылъ). По прекращеніи боя къ ротному командиру подошелъ солдатъ его же роты Лазникъ (еврей) и на-

чалъ грубо обыскивать, за что капитанъ, собравъ свои силы, ударилъ Лазника по физиономіи; тогда Лазникъ схватилъ ружье и нѣсколько разъ воткнулъ штыкъ въ грудь капитана. Совершивъ убійство своего ротнаго командира, онъ разорвалъ его мундиръ и вытащилъ изъ бокового кармана бумажникъ. Чтобы не подвергнуться той же участи, рассказчикъ представился мертвымъ, т. к. Лазникъ началъ внимательно осматриваться, желая узнать: нѣтъ ли свидѣтелей его гнуснаго преступленія? Затѣмъ Лазникъ пошелъ осматривать другіе трупы, а его подошедшіе санитары перенесли на перевязочный пунктъ. Случай этотъ, по его заявленію, онъ можетъ подтвердить подъ присягой и въ доказательство правдивости своихъ словъ просилъ немедленно обыскать Лазника, у котораго, по всей вѣроятности, сохранился бумажникъ убитаго имъ капитана. Лазникъ немедленно былъ осмотрѣнъ и у него нашли кожаный бумажникъ, принадлежавшій капитану, хорошо извѣстный нѣкоторымъ офицерамъ и солдатамъ его роты. Въ бумажникѣ оказалось семьдесятъ съ лишкомъ рублей денегъ и между ними было одинъ или два золотыхъ десятирублевика. Вещественныя доказательства были арестованы У., а Лазникъ отданъ подъ присмотръ остальныхъ плѣнныхъ. Послѣ долгихъ обсужденій вопроса: какъ поступить съ Лазникомъ — спросили и мое мнѣніе, на что я отвѣтилъ: такъ какъ Лазникъ мародеръ и это формально установлено, то я нахожу вполне правильнымъ заявить объ этомъ японцамъ, такъ какъ мародеры по международнымъ правиламъ должны одинаково преслѣдоваться обѣими воюющими сторонами. Противъ моего мнѣнія сильно возсталъ поручикъ того же полка К., ко-

торый вслѣдствіе какихъ то темныхъ дѣлъ отказался, по окончаніи войны, возвратиться въ Россію. Этотъ поручикъ, полякъ по происхожденію, прекрасно владѣлъ нѣсколькими языками и до войны долгое время находился при нашемъ военномъ агентѣ въ г. Шанхаѣ, а въ плѣну его часто навѣщали какой то полякъ Дмовскій, къ которому японцы, не въ примѣръ прочимъ, часто отпускали его по вечерамъ. Бывали ли у Дмовскаго въ это время японцы, или только одинъ К., и какія тамъ происходили бѣсѣды—для всѣхъ это было тайной, даже для его сожителя по комнатѣ Л.

Послѣ прибытія Дмовскаго въ Мацу-яму, японцы начали обильно снабжать плѣнныхъ нижнихъ чиновъ разной нелегальной литературой. Объ этой непорядочности японцевъ офицерами нѣсколько разъ дѣлались официальные заявленія какъ японской администраціи, такъ и г. Фосарье. Японцы во главѣ съ завѣдующимъ плѣнными полковникомъ Кооно извинялись, говоря, что они не знали содержанія этихъ листовъ и допустили распространеніе ихъ только имѣя въ виду развлечь скучающихъ плѣнныхъ, а Фосарье обѣщали принять мѣры, но все оставалось по старому.

Однажды Хіэда началъ, по обыкновенію, распространять прокламаціи, въ которыхъ оказалась очень дерзкая фраза по адресу Микадо. Воспользовавшись этимъ, сейчасъ же попросили полковника Кооно и заявили ему, что японцы, по ихъ словамъ, хотя и боготворятъ своего государя, но на дѣлѣ выходятъ совершенно обратное, такъ какъ сами распространяютъ нелегальную литературу, въ которой дерзко отзываются о Микадо. Кооно былъ очень сконфуженъ этимъ, и доставка прокламацій

на время прекратилась, а Дмовскій исчезъ изъ Мацу-ямы. Вообще, хотя японцы и хвастаютъ благородными поступками своихъ самураевъ (дворяне прежнихъ временъ, изъ рода въ родъ служившіе въ войскахъ своихъ феодаловъ), сравнивая ихъ по благородству съ рыцарями Европы, но сами даже хвастаютъ нѣкоторыми своими подлыми поступками. Напр., они намъ рассказывали, да объ этомъ были намеки и въ ихъ газетахъ, что они дали 18 миллионовъ рублей на революцію въ Россіи, чтобы этимъ отвлечь большее количество войскъ отъ дѣйствующей арміи.

Недѣли черезъ полторы послѣ прибытія тюренченцевъ, ко мнѣ пришелъ въ полной формѣ нашъ капитанъ въ сопровожденіи другого офицера, также въ полной формѣ (такъ какъ я чиномъ былъ старшимъ изъ плѣнныхъ), который оказался новымъ нашимъ начальствомъ—капитаномъ Юши-мацу. Первый приходилъ попрощаться, а второй представиться. Ихъ сопровождалъ новый переводчикъ Хіэда, который хотя говорилъ по-русски и лучше Владиміра, но былъ до невозможности лживое и подлое существо, сразу заслуживъ общую ненависть плѣнныхъ. Онъ долгое время жилъ во Владивостокѣ, служа приказчикомъ у Кунста и Альберса. Меня онъ немного побаивался, такъ какъ я ему сразу заявилъ, что война когда нибудь окончится, и тогда я ему не совѣтую встрѣчаться со мной, и въ особенности въ Россіи, если онъ позволить себѣ что нибудь не вполне корректное по отношенію ко мнѣ. Можетъ быть, это и пугало его, такъ какъ, по его же словамъ, онъ прекрасно знаетъ меня, хотя и не былъ знакомъ раньше. Въ особенности ему хорошо были извѣстны мои частыя пререканія съ нашимъ владивосток-

скимъ агентомъ Т., дерзкій нравъ и произволъ котораго почти всё во Владивостокѣ, за малыми исключеніями, безропотно переносили.

Капитанъ Іоши-мацу, котораго всё называли „козломъ“, за его длинную бороду, придававшую ему еще большее сходство съ этими животными, оказался предобродушнѣйшимъ японцемъ, любящимъ, какъ и всё японцы, попойнствовать, въ чемъ у него находилось не мало компаньоновъ между плѣнными. Исполнялъ онъ свою должность при насъ болѣе года, и я не помню, чтобы между плѣнными офицерами и нижними чинами нашелся хотя одинъ человѣкъ, который имѣлъ бы злобу противъ него. Ко мнѣ онъ относился съ особеннымъ уваженіемъ и имѣлъ не мало любимцевъ между плѣнными нижними чинами, съ которыми иногда и напивался пьянъ; предлогомъ для этого были какъ русскіе, такъ и японскіе праздники, къ празднованію которыхъ онъ всегда относился съ большимъ усердіемъ. Особенно усердно онъ отпраздновалъ „праздникъ рыбъ“, который совпалъ съ днемъ рожденія одного изъ участниковъ тюренченскаго боя, также любившаго выпить при всякой подходящей оказіи.

„Праздникъ рыбъ“, или вѣрнѣе „праздникъ первенцовъ“, считается однимъ изъ важнѣйшихъ въ Японіи. Особенно торжественно онъ празднуется въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ первый ребенокъ—сынъ. Торжество этого праздника въ Японіи сейчасъ же можно узнать по громаднѣйшимъ бумажнымъ рыбамъ, парящимъ надъ домами тѣхъ японцевъ, у которыхъ старшій ребенокъ сынъ. Рыбы эти дѣлаются изъ японской бумаги и окрашиваются въ пестрые цвѣта. Въ ротъ такихъ рыбъ вдѣлывается обручъ изъ тонкой бамбуковой пластинки, къ которому, какъ

къ змѣю, въ трехъ или четырехъ мѣстахъ привязываются нитки, послѣ чего онѣ соединяются вмѣстѣ и концомъ привязываются къ длинной бамбучинѣ, укрѣпляемой на крышѣ дома. Вѣтеръ, входя въ ротъ этой рыбы, даетъ ей возможность какъ бы плавать въ воздухѣ. Рыбъ этихъ къ бамбучинамъ прикрѣпляютъ столько, сколько дѣтей въ семьѣ. Та семья, у которой первенецъ дочь, не имѣетъ права поднимать на своемъ домѣ подобныхъ рыбъ.

Каждый русскій табельный день „Козель“ обязательно являлся въ мундирѣ съ орденами, присутствовалъ на богослуженіи, если оно было, и поздравлялъ насъ съ праздникомъ. Затѣмъ шелъ къ вѣстовымъ и, послѣ поздравленія, угощать ихъ „саке“ (слабая рисовая водка, вкусомъ напоминающая пиво, а запахомъ—„японскія свѣчи“; пьютъ ее изъ деревянныхъ лакированныхъ чашечекъ подогрѣтой, отчего она дѣлается необыкновенно хмѣльной). Напоивъ вѣстовыхъ, буйнымъ во хмѣлю, онъ начиналъ читать нотаціи на японскомъ языкѣ (по-русски онъ не говорилъ), рекомендуя послѣдовать его примѣру, т. е. идти немедленно ложиться спать, никого не беспокоя.

Василія Новикова онъ очень уважалъ за солидный нравъ и его геройскій поступокъ, извѣстный всей Японіи, а Алексѣй Осининъ почему то пользовался его особенной симпатіей за любовь къ пьянству и буйный нравъ. Однажды Алексѣй, напившись пьянымъ, побилъ караульнаго унтеръ-офицера за то, что тотъ, взявъ его за руку, хотѣлъ отвести со двора въ домъ. Это страшно оскорбило Алексѣя, и онъ, не долго думая, изо всей силы хватилъ того по фізіономіи. Караулъ заступился за своего, а плѣнные за Алексѣя, и, не подоспѣвъ я на выручку,

дѣло неизвѣстно чѣмъ бы окончилось. Я думаю, что „Козлу“ все это было прекрасно извѣстно, но узнавъ, что я за это отрѣшилъ Алексѣя отъ должности моего вѣстового, онъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ, вѣроятно, находя наказаніе вполне достаточнымъ. Каково же было мое удивленіе, когда, дня черезъ 3—4 ко мнѣ явились: побитый унтеръ-офицеръ, писарь „Козла“ и Кубота, прося простить Алексѣя. Я очень обрадовался такому благополучному окончанію дѣла, которое при другихъ обстоятельствахъ могло принять печальный оборотъ для Алексѣя; но чтобы не подавать японцамъ вида въ моемъ сочувствіи Алексѣю, объявилъ имъ, что раньше недѣли простить его не могу, такъ какъ поступокъ его нахожу нехорошимъ. Японцы остались довольны моимъ рѣшеніемъ и поспѣшили къ Алексѣю съ утѣшеніемъ, такъ какъ онъ производилъ на нихъ впечатлѣніе очень удрученнаго человѣка.

Въ іюлѣ, какъ заявилъ „Козель“, благодаря его хлопотамъ, намъ были разрѣшены прогулки, отъ которыхъ большинство плѣнныхъ отказалось, но нашлись и охотники воспользоваться ими. Для этихъ прогулокъ приводился взводъ ружейныхъ солдатъ и, окруживъ желающихъ воспользоваться любезнымъ разрѣшеніемъ японцевъ, велъ ихъ за городъ, не позволяя выходить изъ кольца конвоя. Въ прогулкахъ принимали участіе или самъ „Козель“, или его помощникъ. Нашимъ вѣстовымъ также разрѣшалось участвовать въ этихъ прогулкахъ. Въ одной изъ такихъ прогулокъ, когда она производилась подъ начальствомъ помощника „Козла“ и Хіэды, между ними и офицерами произошли какія то недоразумѣнія, за что всѣ живущіе въ Какайдо, по

выраженію японцевъ, были „наказаны“, т. е. лишены на нѣкоторое время „свободныхъ прогулокъ“ и даже запрещено было нѣсколько дней выходить въ садъ и во дворъ, для чего часовые были переведены отъ

Рис. 14. Помощникъ капитана Юши-Мацу. Капитанъ и переводчикъ Хіэда.

забора къ галлерей, окружавшей домъ, и имъ было приказано слѣдить, чтобы мы точно выполняли наложенное на насъ „наказаніе“. Явившійся для разбора дѣла полковникъ Кооно заявилъ намъ, что въ

каждомъ общежитіи, по японскимъ обычаямъ, должна быть круговая порука, а потому, если у насъ ктонибудь провинится, то наказываться будутъ всѣ.

Выслушавъ это мудрое распоряженіе, я заявилъ Кооно, что подобныя правила съ нѣкоторой долей справедливости, пожалуй, могутъ примѣняться къ членамъ такихъ общежитій, которыя состояются по взаимному соглашенію, а не къ намъ, которые силою собраны въ общежитіе и раньше даже не были знакомы другъ съ другомъ. Я нахожу это ни на чемъ не основанной строгостью и считаю своимъ долгомъ добавить: по всей вѣроятности, съ плѣнными японцами въ Россіи такъ не поступаютъ. Мы, русскіе, всегда отличались гуманнымъ отношеніемъ къ своимъ плѣннымъ, въ Японіи же съ нами обращаются какъ съ арестантами, совершившими тяжкое преступленіе. Но, видимо, это распоряженіе также было получено „изъ Токио“, а слѣдовательно измѣнить его нельзя было, а потому мнѣ, ни разу не бывавшему наказаннымъ на службѣ даже до производства въ офицеры, частенько приходилось выносить „японскія наказанія“, благодаря моимъ сожителямъ по плѣну.

Послѣ этого инцидента всѣ наотрѣзъ отказались пользоваться подобными прогулками. Видя, что мы отказываемся отъ японскихъ любезностей, напоминающихъ шествія каторжниковъ на работы, въ сентябрѣ намъ предложили гулять по 2—3 человека въ сопровожденіи одного солдата безъ оружія; но для того, чтобы получить это разрѣшеніе, надо было за два дня подавать заявленіе на имя завѣдующаго плѣнными. Я подобныхъ заявленій не подавалъ, и это обратило вниманіе японцевъ, послѣ чего ко мнѣ началъ приставать Хіада, ре-

комендуя пойти погулять, но я заявилъ ему, что въ прогулкахъ подъ конвоемъ не вижу никакого удовольствія, а потому и не желаю пользоваться ими. Хотя онъ и увѣрялъ меня, что конвойный

Рис. 15. Полковникъ Кооно.

дается намъ для нашей же пользы, чтобы кто нибудь не совершилъ надъ нами насилія, но когда я спросилъ его, что можетъ сдѣлать конвойный, если нападеніе будетъ сдѣлано огнестрѣльнымъ оружіемъ, то онъ не нашелся что отвѣтить.

Однажды утромъ ко мнѣ пришелъ Хіада съ

„Козломъ“ и начали уговаривать поѣхать съ ними по желѣзной дорогѣ въ Дого безъ всякаго конвоя, на что я согласился, и это была моя первая прогулка въ Мацу-ямѣ. Такихъ прогулокъ до заключенія перемирія у меня была еще одна, т. е. за 19 мѣсяцевъ я только два раза выходилъ изъ мѣста моего заточенія.

Мѣсяца черезъ три послѣ нашего переселенія въ Кокайдо произошла смѣна завѣдующихъ плѣнными. Въмѣсто уходящаго полковника, былъ назначенъ кавалерійскій полковникъ Кооно, о которомъ я уже говорилъ раньше. Отъѣзжающій полковникъ, зайдя проститься, обратился ко всѣмъ намъ съ просьбой сняться съ нимъ въ группѣ. Конечно, при этомъ онъ не скупился на лживыя японскія любезности. Меня удивило, что всѣ сразу согласились исполнить его просьбу. Только я и Кисимовъ отказались принять участіе въ этомъ русско-японскомъ альянсѣ, несмотря на усиленные просьбы представителей обѣихъ націй. Не знаю, насколько это справедливо, но до насъ доходили слухи, что японцы воспользовались этой и нѣкоторыми другими подобными фотографическими группами, распространяя ихъ въ нашей дѣйствующей арміи съ прокламаціями о томъ, какъ хорошо живетъ русскимъ плѣннымъ въ Японіи. Способствовало ли это желанію нашихъ попадать въ плѣнъ къ японцамъ, но перебѣжчики были, хотя всѣ они принадлежали только къ племени Израиля. Первыми явились два представителя этого племени, за что получили отъ японцевъ по 3 іены, но сейчасъ же имъ японцами были побиты фізіономіи (вѣроятно, за какое нибудь нахальство). Когда ихъ привезли въ Мацу-яму и посадили въ общее помѣщеніе съ остальными ниж-

Рис. 16. Русскіе плѣшные со своимъ японскимъ начальствомъ.
(Снятая по взаимному желанію).

ними чинами, то на грудь имъ навѣсили соломенные значки, чтобы ихъ всегда можно было отличить отъ плѣнныхъ, взятыхъ въ бою. Караульные строго слѣдили, чтобы они никогда не снимали этихъ значковъ; правило это не отмѣнялось до заключенія мира. Если бы это было извѣстно въ дѣйствующей арміи, то, можетъ быть, число перебѣжчиковъ изъ нашей арміи было бы гораздо меньше.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ прибытія тюренченцевъ нижніе чины были переведены въ другое помѣщеніе, и верхній этажъ Кокайдо начали перестраивать для офицеровъ, число которыхъ постоянно увеличивалось. Этому переселенію отчасти способствовалъ до смѣшного безрезультатный побѣгъ изъ Кокайдо одного офицера съ 6-ю нижними чинами.

Забочами „Козла“, въ скоромъ времени послѣ его назначенія, къ намъ былъ допущенъ мальчикъ лѣтъ 12—14, приносившій продавать всевозможную мелочь, которая нарасхватъ раскупалась плѣнными. Первое время онъ оставался при своемъ товарѣ, а потомъ бросалъ его на галлерей и шелъ ко мнѣ въ комнату учиться русскому языку, дѣлая довольно порядочные успѣхи. По окончаніи занятія онъ собиралъ свои товары и шелъ по помѣщеніямъ собирать деньги за все забранное изъ его товаровъ въ его отсутствіе, а также получать заказы на доставку всевозможнѣйшей мелочи. Называли его „Барахло-санъ“, т. е. господинъ, продающій всевозможное барахло; именемъ этимъ онъ, видимо, очень гордился и самъ себя величалъ имъ. Послѣ побѣга, о которомъ я говорилъ раньше, онъ былъ заподозрѣнъ въ пособничествѣ и безслѣдно исчезъ. Куда онъ дѣлся—

узнать мы не могли; даже послѣ заключенія мира, его никто не видѣлъ въ Мацу-ямѣ.

Въ июлѣ меня навѣститъ священникъ-японецъ отецъ Сергій Судзуки и привезъ мнѣ письмо отъ Японскаго Епископа Николая, съ которымъ я все время плѣна и послѣ него былъ въ перепискѣ. Епископъ писалъ мнѣ, что его хлопоты у японскихъ властей о посылкѣ намъ православнаго священника увѣнчались успѣхомъ. Хотя посылаемый имъ священникъ и японецъ, но онъ проситъ меня и всѣхъ другихъ плѣнныхъ видѣть въ немъ не представителя враждебной намъ націи, а служителя Богу. Съ нимъ онъ посылаетъ необходимую церковную утварь, а меня проситъ позаботиться о всемъ остальномъ, чтобы служенія происходили съ подобающимъ благочиніемъ. Нечего и говорить, что мною было сдѣлано все, чтобы служенія о. Сергія были обставлены по возможности лучше. Въ тотъ же день составилъ хоръ и было подыскано лицо, могущее взять на себя обязанности причетника. Отецъ Сергій сразу завоевалъ себѣ симпатіи всѣхъ плѣнныхъ, которые не только не видѣли въ немъ японца, а, напротивъ, идеальнѣйшаго священнослужителя, напоминающаго первые вѣка христіанства. Всѣ притѣсненія японской администраціи и вообще японцевъ онъ сносилъ безропотно. Впослѣдствіи японская администрація, видя наше глубокое почтеніе къ нему, прекратила свои притѣсненія; замѣтивъ же, какимъ авторитетомъ онъ пользовался у плѣнныхъ нижнихъ чиновъ, неоднократно обращалась къ нему съ просьбами уладить нѣкоторые недоразумѣнія, что онъ всегда и исполнялъ къ общему удовольствію обѣихъ сторонъ. Только Хіэда постоянно относился къ нему очень высокомѣрно. Конечно,

это ему не проходило безнаказанно, и за каждую не вполне корректную выходку ему напоминалось о жестокой расправѣ по окончаніи войны.

Общія симпатіи о. Сергій приобрѣлъ себѣ своимъ первымъ служеніемъ, которое началъ молебномъ о нашемъ Государѣ Императорѣ, а затѣмъ, между молебномъ и обѣдницей, сказалъ проповѣдь, приблизительно слѣдующаго содержанія:

„Волею Господа Бога вы привезены въ нашу языческую страну. Пути Его неисповѣдимы и, можетъ быть, благодаря вамъ наша языческая страна въ скоромъ времени сдѣлается христіанской. Ваши постоянныя общія молитвы и ваша религіозность обратили на себя вниманіе всего мѣстнаго населенія, которое само не религіозно и состоитъ исключительно изъ язычниковъ. Въ ихъ души уже начинается западать сознаніе несовершенства той религіи, которую они исповѣдуютъ. Мы, христіанскіе миссіонеры, употребляемъ всѣ свои силы, чтобы привести нашихъ язычниковъ на путь истины, но это намъ не всегда удается... Вы ежедневно, молясь Богу, говорите: „Да святится Имя Твое!“ Развѣ Имя Господа не свято?... Какимъ же образомъ мы, грѣшные, можемъ святить его?... Только своею примѣрною жизнью, и тогда наши язычники не будутъ говорить намъ: зачѣмъ вы проповѣдуете намъ христіанство? Посмотрите на жизнь и поступки пріѣзжихъ въ Японію христіанъ! Чѣмъ ихъ поступки и вся жизнь нравственнѣе нашей? Докажите, что мы ошибаемся, и мы послѣдуемъ вашему ученію. Волею Господа Бога теперь въ Японію прибыло не мало христіанъ, и они своимъ примѣромъ могутъ святить Имя Господа среди язычниковъ Японіи.

Проповѣдь эта произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе, но жаль, что благотворныхъ результатовъ отъ нея получилось немного и большая часть населенія Мацу-ямы и другихъ городовъ, гдѣ жили

Рис. 17. О.Сергій Судзуки съ крестомъ поднесеннымъ ему плѣнными.

русскіе плѣнные, остались при старыхъ убѣжденіяхъ.

Передъ освобожденіемъ изъ плѣна, по моей инициативѣ, всѣ плѣнные, живущіе въ Мацу-ямѣ,

не исключая и нижнихъ чиновъ, собрали 850 іенъ, на которыя купили золотой наперстный крестъ, усыпанный драгоценными камнями и, сдѣлавъ на немъ надпись: „Глубокочитимому отцу Сергію Судзуки отъ русскихъ плѣнныхъ“, отправили его съ адресомъ за подписью всѣхъ плѣнныхъ Архіепископу Японскому Николаю, прося возложить этотъ крестъ на о. Сергія, что и было сдѣлано при торжественной обстановкѣ. Мнѣ потомъ говорили, что на многихъ японцевъ такое отношеніе русскихъ къ духовному лицу, несмотря на то, что оно принадлежало къ враждебной націи, — произвело сильное впечатлѣніе.

ГЛАВА XII.

Идебучи-мачи.

Къ концу августа въ Мацу-яму прибыло столько плѣнныхъ, что офицеры были распределены по нѣсколькимъ помѣщеніямъ. Скученность сильно тяготила всѣхъ. Ко мнѣ японцы начали приставать все чаще и чаще, что я лично пользуюсь слишкомъ большимъ помѣщеніемъ, а потому съ прибытіемъ новыхъ плѣнныхъ ко мнѣ въ комнату будетъ водворено еще два офицера. Въ виду этого они предлагали мнѣ теперь же выбрать себѣ двухъ сожителей. Требованія эти передавались мнѣ черезъ Хіэду, на что я всегда заявлялъ ему: если только посмѣютъ это сдѣлать, то я сейчасъ же предпринимаю побѣгъ, который мнѣ, можетъ быть, болѣе

удастся, чѣмъ другимъ. Однажды, выведенный изъ терпѣнія этими приставами, я подалъ заявленіе полковнику Кооно, что, въ виду скученности плѣнныхъ и предположенія поселить въ занимаемое мною помѣщеніе еще двухъ офицеровъ, прошу разрѣшенія на собственный счетъ нанять помѣщеніе изъ 4—5 комнатъ для житья съ моими помощниками и матросами со „Стережущаго“. Помѣщеніе это могутъ охранять или не охранять; я же согласенъ дать подписку или слово и поручиться, что ни я, ни всѣ вышепоименованныя лица не будутъ выходить за предѣлы того района, который намъ будетъ указанъ.

Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ пришелъ Кооно и сообщилъ, что на основаніи моего заявленія онъ нашелъ домъ, который соглашаются отдать для помѣщенія плѣнныхъ, но т. к. домъ слишкомъ великъ, то онъ предполагаетъ поселить въ немъ всѣхъ моряковъ, находящихся въ плѣну, т. е. насъ и спасенныхъ послѣ гибели крейсера „Рюрикъ“. Затѣмъ онъ предложилъ пойти съ нимъ осмотрѣть этотъ домъ и дать свои указанія, какія бы слѣдовало сдѣлать въ немъ передѣлки, на что мы согласились съ удовольствіемъ.

Домъ этотъ находился противъ воротъ Кокайдо. Дѣйствительно, для насъ однихъ онъ былъ очень великъ, но для 10—12 офицеровъ съ прислугой, былъ вполне подходящимъ. Въ немъ имѣлась одна большая комната, изъ которой можно было сдѣлать общую столовую. Мы вполне одобрили помѣщеніе и, указавъ, какія передѣлки въ немъ сдѣлать, просили также освѣтить его электричествомъ. На все это Кооно сейчасъ же согласился, но сообщилъ намъ, что этотъ домъ, согласно „по-

ложенія о плѣнныхъ“, предназначается для 22—23 офицеровъ, не считая прислуги. Какъ я ни доказывалъ Кооно, что это не соответствуетъ гигиенѣ, онъ стоялъ на своемъ, увѣряя, что не можетъ платить больше за наймы помѣщеній для плѣнныхъ, чѣмъ это ему разрѣшено. Спросивъ о цѣнѣ за наемъ этого дома, я узналъ, что она всего только 45 іенъ въ мѣсяцъ. Слѣдовательно, для каждого плѣннаго офицера съ его прислугой японское правительство отпускало не больше двухъ іенъ. Интересно бы было знать: сколько Японія потребовала съ Россіи за наемъ помѣщенія для каждого плѣннаго въ мѣсяцъ? Зная, что противъ „положенія“, да еще утвержденнаго „въ Токио“, ни одинъ японецъ не пойдетъ, я предложилъ Кооно выйти изъ этого затруднительнаго положенія, разрѣшивъ мнѣ платить половину платы, но за это отдать въ мое непосредственное распоряженіе если не половину, то хотя одну треть всего дома. Мое предложеніе его сильно смутило и, хотя онъ на него не согласился, но все-таки далъ намъ слово, что никого, кромѣ моряковъ, поселять въ этомъ домѣ не будетъ безъ нашего общаго согласія. Слово это, до извѣстной степени, онъ и держалъ до конца нашего плѣна. Хотя потомъ и случилось, что число живущихъ офицеровъ въ этомъ домѣ и достигало цифры 30, но это дѣлалось съ нашего согласія, при чемъ я и мой старшій помощникъ Кисимовъ всегда пользовались неотъемлемымъ правомъ на отдѣльныя комнаты. Помѣщеніе это, по имени улицы, на которой оно находилось, было названо „Идебучи-мачи“.

Перебравшись туда, мы сейчасъ-же принялись за дополнительное переустройство и меблировку его, на что затратили 300 іенъ. Между прочимъ, нами

была устроена небольшая баня съ душами, а впоследствии, даже выписано пианино изъ Кобе. Одно время японцы хотѣли перевести насъ въ какое-то другое помѣщеніе, но мы, положительно, подняли бунтъ, требуя возврата затраченныхъ нами денегъ на его благоустройство, счета на которое, по сча-

Рис. 18. Моя комната въ „Идебучи-мачи“.

стью, у насъ сохранились. На нашъ ропотъ они, конечно, обратили мало вниманія, но второе заставило ихъ призадуматься, тѣмъ болѣе, что мы обѣщали поручить Фосарье требовать съ нихъ эти деньги. Въ результатѣ—проектъ выселенія насъ изъ Идебучи-мачи былъ оставленъ безъ послѣдствія.

Благодаря, сравнительно, крупнымъ затратамъ, а также постановленію (съ общаго согласія): стро-

го придерживатьея правилъ „о каютъ-кампаніяхъ“ на основаніи Морского Устава, наше общежитіе считалось образцовымъ и часто посѣщалось плѣнными офицерами изъ другихъ помѣщеній. Каждое воскресенье о. Сергій служилъ у насъ обѣдню передъ иконостасомъ, устроеннымъ въ общемъ помѣ-

Рис. 19. Касимовъ, командиръ „Рюрика“ Ивановъ 13-й и авторъ этой книги.

щеніи, который послѣ служеній закрывался специально устроенной для этого занавѣской. Такъ какъ при нашемъ домѣ не имѣлось мѣста для прогулки, то намъ было разрѣшено, отъ восхода до захода солнца, гулять во дворѣ и саду Кокайдо, которое, какъ я говорилъ раньше, находилось черезъ дорогу противъ нашего дома. Первое время мы чуть не блаженствовали, довольствуясь своей

сравнительно приличной тюрьмой. Но тюрьма всегда будетъ тюрьмой...

Хозяйство наше велъ спасенный съ „Рюрика“ чиновникъ г. К., который оказался на верху своего призванія, угощая насъ часто чуть не лукуловскими обѣдами; конечно, лукуловскими для Мацуямы. Спасибо этому доброму человѣку, многое онъ намъ скрасилъ въ нашей тюрьмѣ. По его совѣту и даже проекту была устроена коптильня для рыбы, которой завѣдывалъ механикъ г. Г. Когда эта коптильня начинала дѣйствовать, то нерѣдко своимъ запахомъ привлекала къ намъ гостей изъ Кокайдо, а у насъ развивала невообразимый аппетитъ. Несмотря на изобиліе прекрасной рыбы въ моряхъ Японіи, до этого времени японцы не имѣли понятія о копченіи ея. Когда послѣ войны я бывалъ въ Японіи, то мнѣ уже приходилось встрѣчать этотъ продуктъ на базарѣ въ Нагасаки, но почему то пріятнымъ вкусомъ онъ не отличался. Сами японцы копченой рыбы не ѣдятъ, предпочитая ей вяленую или засоленную отвратительной солью. Вообще на всемъ Дальнемъ Востокѣ, а въ особенности въ Японіи и у насъ въ Приморской Области, ощущается сильный недостатокъ въ хорошей соли: вѣроятно, причиной этому служатъ сырыя погоды въ лѣтнее время года. Засоленная мѣстной солью кета (порода лососины) и сельди, которыми такъ изобилуютъ наши дальне-восточныя моря, приобрѣтаютъ горько-соленый вкусъ и, только при помощи вымачиванія ихъ съ мелкой соломой мнѣ удавалось удалять изъ нихъ этотъ непріятный вкусъ. Благодаря невѣроятному обилію этой рыбы, ловля ея на Дальномъ Востокѣ происходитъ чуть не допотопнымъ способомъ. Я видѣлъ на о. Мацмай, что для ловли

сельдей японцы на мелководьяхъ дѣлають нѣчто въ родѣ не высокаго густого забора изъ тонкаго бамбука, съ такимъ расчетомъ, чтобы сельдь не могла пройти между бамбучинами. Съ приливомъ верхніе концы забора на нѣсколько футовъ покрываются водой, и, напуганныя шумомъ съ японскихъ шлюпокъ, плавающихъ въ морѣ, сотни тысячъ сельдей стремятся на мелководье. Съ отливомъ вся эта сельдь остается между берегомъ и бамбуковымъ заборомъ, откуда ее черпаками выбрасываютъ на берегъ. Головы и внутренности ихъ сейчасъ же прессуются, чуть не допотопными прессами, и отправляются во все концы Японіи для удобренія полей (тукъ), сельди промываются въ водѣ и нанизываются на тонкія веревки для вяленія, или тутъ же солятся въ бочкахъ. Сколько я ни бывалъ въ Японіи, но ни разу не видѣлъ въ продажѣ сельдей мѣстнаго производства. Только однажды въ Мацу-ямѣ мой вѣстовой нашелъ въ какой-то лавченкѣ сельди японскаго приготовленія, очень напоминающія видомъ и вкусомъ—королевскія; цѣна ихъ была 4 цента, т. е. 4 коп. за десятокъ. Какъ я ни старался узнать, гдѣ онѣ готовятся, но никакъ не могъ. Послѣ сдѣланнаго открытія—эти сельди были постоянной моей закуской. Коснувшись японской рыбной промышленности, не лишнее сообщить и слѣдующее: по берегамъ Средиземнаго Японскаго моря вся мелкая рыба, величиной не болѣе дюйма, не выбрасывается, какъ у насъ, а тщательно выбирается изъ попавшей въ неводъ тины вмѣстѣ со шримсами (креветками), высушивается и, смѣшиваемая съ соей, употребляется въ пищу. Если эту сушеную рыбку со шримсами хорошо настоять въ чайникѣ, то получается пре-

восходная уха, которую я часто приготавливалъ для себя. Коснувшись японскихъ продуктовъ, я не могу умолчать о продажѣ куриныхъ яицъ въ Японіи, которыя тамъ продаются не на десятки, какъ у насъ, а на вѣсъ. Причина этому та, что въ Японіи разводятся куры всевозможныхъ породъ, начиная съ карликовыхъ и до гигантскихъ, вѣсъ которыхъ доходитъ до 15 фунтовъ, а слѣдовательно и величина куриныхъ яицъ различна, цѣну на которыя только и можно регулировать вѣсомъ. Мнѣ кажется, трудно найти другую страну, въ которой водилась бы такая масса разновидностей животнаго царства одной и той же породы, начиная съ невозможно малыхъ экземпляровъ и кончая гигантами. Въ Кобе у одного полковника я видѣлъ чучело цапли, которая по величинѣ своей не уступитъ большому страусу. Совершенно такихъ же цапель я видѣлъ въ Японіи, величина ихъ была гораздо меньше нашихъ. Сначала я думалъ, что это искусная поддѣлка, которыми такъ славится Японія, но потомъ оказалось, что это рѣдкій, но не поддѣльный экземпляръ.

Наше помѣщеніе для японцевъ представляло идеалъ домоустройства, а потому они старались продемонстрировать его передъ всѣми пріѣзжими въ Мацуяму. Мои сожители обыкновенно вставали довольно поздно, я же, въ 8 час. утра уже оканчивалъ пить чай и шелъ въ Кокайдо дѣлать свои обычные три версты, а потому, кто бы ни являлся къ намъ съ визитомъ (конечно, получивъ на это разрѣшеніе отъ Кооно), Хіэда сейчасъ же бѣжалъ ко мнѣ, упрямивъ принять визитера. Если визитеръ оказывался достойнымъ вниманія, то я шелъ принимать его, въ противномъ случаѣ поручалъ Хіэдѣ выпроводить

его, предложивъ придти часа въ 3, когда всё будетъ въ сборѣ. Однажды во время моей прогулки въ Кокайдо прибѣжалъ запыхавшійся Хіэда и сообщилъ, что ко мнѣ пришелъ губернаторъ Мацу-ямы. Сначала я не хотѣлъ идти, предлагая ему сообщить тѣмъ, кто уже всталъ, но онъ заявилъ, что проспавшихся почти нѣтъ и губернаторъ сидитъ у меня въ комнатѣ. Дѣлать было нечего и пришлось покориться необходимости. Войдя въ свою комнату, я увидѣлъ довольно высокаго японца въ черномъ сюртукѣ, довольно изысканно одѣтаго, который при моемъ появленіи всталъ со стула и на чисто русскомъ языкѣ отрекомендовался мѣстнымъ губернаторомъ. Прекрасное знаніе имъ русскаго языка меня очень удивило, почему онъ поспѣшилъ отрекомендоваться бывшимъ студентомъ, если не ошибаюсь, петербургскаго университета, хорошо знающимъ Россію и, по его словамъ, любящимъ ее. Просидѣлъ онъ у меня болѣе полчаса, и я съ удовольствіемъ провелъ это время. Хотя Хіэда при нашемъ разговорѣ и не присутствовалъ, но узнать отъ него что-нибудь существенное, конечно, было нельзя. Говорили мы больше о Россіи, такъ какъ отъ разговоровъ о Японіи онъ, видимо, уклонялся. Губернаторомъ въ Мацу-яму онъ былъ назначенъ не особенно давно, вмѣсто смѣненнаго и удаленнаго со службы, какъ мнѣ говорили японцы, за то, что когда японское правительство объявило о народныхъ добровольныхъ пожертвованіяхъ на войну, то онъ со всей губерніи собралъ только 900 іенъ. Не знаю, продолжалъ ли эти сборы его намѣстникъ, но только его не смѣняли все время нашего пребыванія въ Мацу-ямѣ. Скоро губернаторъ поссорился съ Кооно, и они старались дѣлать другъ другу всевозможнѣй-

шія пакости, не исключая и доносовъ „въ Токио“. Больше я съ нимъ не видѣлся, но когда былъ заключенъ миръ, то у него въ гостяхъ бывали многіе офицеры и пользовались довольно радушнымъ гостепріимствомъ.

Описывать другихъ посѣтителей не стоитъ, такъ какъ они большею частью напоминали зрителей, являющихся въ звѣринецъ, но нельзя умолчать объ одномъ молодомъ бонзѣ, проповѣдывавшемъ религію „синто“, который, какъ намъ заявилъ Хіэда, пришелъ познакомить насъ съ этой замѣчательной религіей. Пришелъ онъ передъ самымъ завтракомъ, а потому мы предложили ему съ Хіэдой позавтракать съ нами, а потомъ уже заняться дѣломъ. Бонза усѣлся за столъ, но ничего не ѣлъ, видимо, не рискуя взяться за ножъ и вилку, объ употребленіи которыхъ онъ, по всей вѣроятности, имѣлъ очень смутныя понятія. Оба они сидѣли рядомъ со мной, а потому между нами завязался разговоръ.

— Спросите бонзу, сказалъ я Хіэдѣ, не посланъ ли онъ своимъ начальствомъ, чтобы постараться уговорить насъ перемѣнить нашу религію на религію „синто“?

— Да, — послѣ короткаго разговора съ бонзой, отвѣтилъ Хіэда.

— Но вѣдь мы ея не знаемъ.

— Онъ послѣ завтрака подробно познакомить васъ съ нею.

— Почему его, такого молодого, послали къ намъ съ такимъ важнымъ дѣломъ?

— Потому, что онъ очень умный и умнѣе его нельзя было найти. Мнѣ кажется, Хіэда хотѣлъ сказать образованный, но ошибся словомъ.

— Вѣроятно, онъ, благодаря своему уму, не-

смотря на молодость, занимаетъ очень высокое мѣсто между бонзами религіи „синто“?

— Нѣтъ, хотя онъ и очень умный, но чинъ у него пока очень маленькій. Какъ это вамъ объяснить... Онъ еще не капитанъ 1-го ранга, а... только мичманъ... выпалилъ Хіэда.

— Значить звонарь!

— Да,—звонарь, отвѣтилъ обрадованный Хіэда, что нашелъ русскій переводъ чину умнаго бонзы.

— Многихъ ли ему уже приходилось уговаривать принять религію „синто“?

— Пока еще никого, но онъ надѣется, что многимъ русскимъ понравится эта религія и найдутся желающіе принять ее.

— А многихъ ли русскихъ онъ познакомилъ со своей религіей?

— Пока еще никого, вы будете первыми.

Видя наивность бонзы, несмотря на рекомендацію Хіэды, что онъ очень уменъ, по окончаніи завтрака мы предложили этому геніальному японцу начать свою проповѣдь. Вставъ со стула, онъ вынулъ хранившійся у него на груди, подъ кимоно, исписанный свитокъ японской бумаги и, раскручивая, началъ читать его съ завываніями, отъ которыхъ многіе, чтобы не расхохотаться, убѣжали. Читалъ онъ свой свитокъ минутъ 15, а когда окончилъ, то я предложилъ Хіэдѣ перевести все прочитанное бонзой. Хіэда принялъ торжественную позу и, подымаясь на носки, чтобы казаться болѣе величественнымъ, началъ:

— Это... это... какъ бы вамъ сказать...

— Онъ пришелъ съ сочувствіемъ и утѣшеніемъ,—кто то помогъ Хіэдѣ.

— Да, сказалъ обрадованный Хіэда.

— Ну, а что же онъ читалъ? Спросилъ я.

— Это... это... какъ бы вамъ сказать... онъ читалъ.... онъ читалъ... какая хорошая религія „синто“.

— Ну, а въ чемъ же заключается ея прелесть?

— Вотъ именно этого я вамъ сказать не могу.

— Это секретъ?

— Нѣтъ, не секретъ, но только я этого объяснить не могу.

— Тогда передайте бонзѣ, что мы благодаримъ его за желаніе познакомить насъ съ такой прекрасной религіей, какъ „синто“, но, жалѣя его, советуемъ ему не проповѣдывать ее между русскими съ такимъ, не менѣе прекраснымъ, переводчикомъ, какъ вы, потому что это все одно, что носить воду въ ведрѣ безъ дна. Пусть онъ свой умъ и свое краснорѣчіе расточаетъ японцамъ, которые его поймутъ, а не намъ, которые, несмотря на все желаніе понять его—не могутъ.

Выслушавъ это, Хіэда началъ что-то говорить бонзѣ, послѣ чего тотъ простился съ нами и ушелъ. Что вралъ ему Хіэда—не знаю, также какъ и то: продолжалъ ли этотъ „мичманъ-бонза“ свою проповѣдь между русскими, для совращенія ихъ въ религію „синто“?

ГЛАВА XIII.

Жизнь плѣнныхъ въ Мацу-Ямѣ.

Наступала зима, а вѣсти, приносимыя плѣнными, становились все хуже и хуже, что подтверждалось и получаемыми нами газетами. Предположенія, что къ зимѣ война должна окончиться—не оправдыва-

Рис. 20. Группа офицеровъ, взятыхъ въ плѣнь подъ Тюринченомъ и авторъ книги.

вались. Наши войска все прибывали и прибывали въ Манчжурію; о каждой прибывшей туда нашей дивизіи, а также о всѣхъ начальствовавшихъ ею лицахъ печаталось въ японскихъ газетахъ.

Однажды, приглашенный по какому то дѣлу къ Кооно, какъ старшій по чину въ Идебучи-мачи, по

окончаніи офіціальныхъ разговоровъ, я спросилъ его: что онъ думаетъ относительно окончанія войны? На это онъ отвѣтилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, война затянется еще надолго, добавивъ: вашъ Великій Императоръ (при этихъ словахъ онъ всталъ; я, конечно, послѣдовалъ его примѣру) приказалъ увеличить армію въ Маньчжуріи до милліона, на что понадобится, по нашимъ расчетамъ, не менѣе шести мѣсяцевъ. Мы зашли уже очень далеко и прекращать намъ войну—нѣтъ смысла. Что изъ этого выйдетъ, сказать трудно, но думаю, что война затянется еще на очень долгое время.

Въ японскихъ газетахъ часто печатали, что начались переговоры о размѣнѣ меня и моихъ сослуживцевъ по „Екатеринославу“, которые принимаютъ благопріятный для насъ характеръ. Сначала предполагалось обмѣнять насъ на маіора Того (сына адмирала) и двухъ женщинъ, взятыхъ съ нимъ на границѣ Кореи, какъ японскихъ шпионовъ, но потомъ начали писать, что мы обмѣниваемся на трехъ англичанъ, взятыхъ съ утопленныхъ нашими крейсерами транспортовъ, перевозившихъ японскія войска, которымъ, на основаніи заключеннаго съ ними контракта, японцы обязаны были выплачивать около 1000 іенъ въ мѣсяць каждому. Одно время въ мѣстныхъ газетахъ сообщалось, что обмѣнъ уже состоялся и на дняхъ мы оставляемъ Мацу-яму. Насъ даже офіціально поздравляли съ такимъ радостнымъ для насъ событіемъ, но оказалось, что англичанъ освободили, а мы оставались сидѣть въ плѣну. Последнее извѣстіе заставило меня уничтожить мой дневникъ, такъ какъ я имѣлъ причины опасаться, что онъ можетъ быть конфискованъ при нашемъ отъѣздѣ изъ Мацу-ямы, а мнѣ

это было очень нежелательно, такъ какъ въ немъ были записаны многіе неизвѣстные японцамъ случаи.

Оставивъ всякую надежду на возможность развѣда, лживыя извѣстія о которомъ сильно разстраивали мои и безъ того разшатавшіеся нервы, мы начали запасаться всѣмъ необходимымъ на зиму,

Рис. 21. Жизнь плѣнныхъ.

т. е. теплою одеждой и хибаками (очагами), такъ какъ, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, морозы въ Мацу-ямѣ иногда доходятъ до -8°R . Когда морозы доходили до -5°R , то намъ съ большимъ трудомъ, затрачивая до іены въ сутки на уголь, удавалось поддерживать въ своихъ комнатахъ температуру $+5^{\circ}\text{R}$, причемъ отъ угара у насъ постоянно болѣли головы. Для того, чтобы хотя немного из-

бавиться отъ угара, приходилось употреблять уголь изъ вишневаго дерева, почему намъ такъ дорого и обходилось отопленіе. Кромѣ этого, по совѣту одного опытнаго человѣка, я потомъ началъ класть между горящими углями кусокъ стараго желѣза, который значительно уменьшалъ угаръ.

Жизненные неудобства и постоянныя пораженія нашей арміи сильно отзывались на нервахъ плѣнныхъ, которые стали все чаще и чаще прибѣгать къ разнымъ не вполне раціональнымъ средствамъ, еще больше разстраивающимъ нервы. Спиртные напитки и карты были въ полномъ ходу...

Несмотря на свои побѣды, японцы также ходили, понутивъ головы, и только изрѣдка устраивали карнавалы по случаю какой нибудь большой побѣды, одержанной ими; но эти карнавалы смѣнялись ночными отправленіями войскъ, которыя изъ Мацу-ямы, сопровождаемыя народомъ съ факелами, пѣшкомъ отправлялись въ Така-гахаму, причемъ вой провожающаго народа быть слышенъ на большое разстояніе. Японки голосили не хуже нашихъ бабъ, да и солдаты нерѣдко заливались слезами, такъ какъ, идя на войну, они не рассчитывали больше возвратиться, а поэтому прощались навсегда со своими родными, которые съѣзжались съ окрестностей. Нерѣдко солдаты, стоявшіе у насъ въ караулѣ, приходили попрощаться и съ нами, причемъ всегда плакали. Вообще японцы—народъ очень слезливый, не только женщины, но и мужчины.

На о. Сикокъ обыкновенно находится немного горной артиллеріи и два пѣхотныхъ полка: 22-й и 24-й, которые все время войны комплектовали армію, осаждающую Портъ-Артуръ. Почти каждые полтора-два мѣсяца, вновь сформированные и обу-

ченныя батальоны этихъ полковъ отправлялись къ Артуру, а оставшіеся кадры сейчасъ-же сформировывались въ полки, день и ночь производя учения. Вотъ почему мы считали, что Японія имѣетъ только 350,000 войска, а его оказалось болѣе милліона. За два дня до отправки, нижнимъ чинамъ

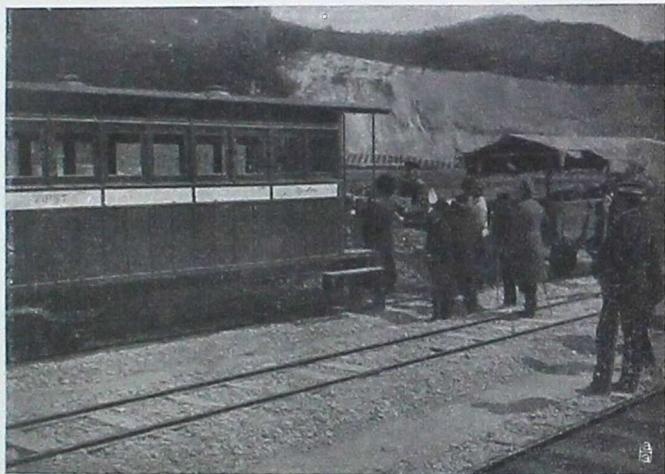

Рис. 22. Прибытіе плѣнныхъ.

давались сутки для прощанія, и эти сутки всеѣ улицы Мацу-ямы были полны пьяныхъ японскихъ солдатъ. Насколько мнѣ извѣстно, благодаря желѣзной дисциплинѣ, не только въ войскахъ, но и въ народѣ, крупныхъ скандаловъ въ это время не происходило, т. е. совершенно обратно тому, что творится у насъ въ этихъ случаяхъ.

На улицахъ Мацу-ямы все чаще и чаще начали

появляться раненые японцы въ своихъ бѣлыхъ халатахъ съ красными крестами на рукавахъ. Къ веснѣ, какъ намъ сообщилъ бывшій у насъ иностранецъ, въ госпиталяхъ Японіи, не считая госпиталей дѣйствующей арміи, раненыхъ насчитывалось болѣе 120,000 человѣкъ. Да и нѣтъ ничего удивительнаго! По сообщеннымъ намъ самими японцами свѣдѣніямъ, одинъ Портъ-Артуръ имъ стоилъ болѣе 160.000 человѣкъ, изъ которыхъ убитыми было болѣе 90,000 человѣкъ, а вся война, какъ говорили мнѣ японцы, когда послѣ войны я бывалъ въ Японіи, стоила имъ болѣе полумилліона человѣкъ, изъ которыхъ три четверти умерло.

До этой войны въ Японіи было правило: если нижній чинъ бывалъ раненъ, то въ дѣйствующую армію его уже никогда не посылали; но въ эту войну поступали иначе. Случалось, что дважды раненыхъ и вылечившихся опять отправляли на войну. Когда мы еще жили въ храмѣ, то между караульными былъ добродушнѣйшій солдатикъ, старавшійся у нашихъ матросовъ выучиться русскому языку, и въ то же время училъ ихъ японскому. Съ однимъ изъ первыхъ эшелоновъ онъ былъ отправленъ къ Портъ-Артуру и, какъ нѣкоторые другіе, пришелъ попрощаться съ нами. За его добродушіе онъ былъ названъ матросами „Ванькой“, чѣмъ, видимо, очень гордился. Мѣсяца черезъ 3—4 послѣ нашего переселенія въ Кокайдо, сидя у себя въ комнатѣ, я услыхалъ шумъ между вѣстовыми и радостныя восклицанія. Не успѣлъ я встать, чтобы пойти узнать о причинѣ происходившаго, какъ въ мою комнату вихремъ влетѣлъ „Ванька“, а за нимъ Новиковъ и Осининъ. Лицо „Ваньки“ сіяло, и онъ, мѣшая японскія слова съ нѣкоторыми

русскими, остальное добавляя жестами, началъ мнѣ рассказывать, что былъ подѣ Артуромъ, раненъ въ руку и грудь, а теперь совершенно здоровъ и имѣетъ право больше не воевать, что воевать ему теперь уже очень не нравится. Послѣ этого онъ началъ показывать, какъ убиваютъ японцевъ подѣ Артуромъ. Отойдя въ сторону, онъ началъ кричать: бумъ! та-та-та, бумъ! та-та-та-та и т. д., при этомъ падалъ на полъ, подымался и опять падалъ. Поблагодаривъ за рассказъ, я приказалъ Осинину угостить его пивомъ. Потомъ мнѣ рассказывали, что Ванька страшно напился, все время выпивая за здоровье русскихъ и ихъ удивительную храбрость. Прошло около мѣсяца, и Ванька явился ко мнѣ весь въ слезахъ, говоря, что его опять отправляютъ къ Артуру. При этомъ онъ все кричалъ: „юриси-кунай“ (не хорошо). Потомъ вѣстовые объяснили мнѣ, что это онъ жаловался на свое начальство, которое не желаетъ признавать стараго японскаго закона, и его, уже разъ раненаго, опять отправляютъ на войну. Мѣсяцевъ черезъ 6 Ванька опять былъ у меня, излечившись отъ новыхъ ранъ, и сообщилъ, что скоро опять отправляется къ Артуру. Когда я напомнилъ ему о „старомъ законѣ“, то онъ безнадежно махнулъ рукой и, заплакавъ, сказалъ: законъ—аримасенъ, т. е. нѣтъ закона. Больше я его уже не видалъ.

Поинтересовавшись провѣрить слова Ваньки, я обратился къ Хіэдѣ, и онъ подтвердилъ, что прежде, когда на войну требовалось гораздо меньше народа, такой обычай дѣйствительно существовалъ, но въ настоящую войну рѣшено его не примѣнять, т. к. Россія великое государство и для войны съ нею надо очень много войска. Одновременно съ

этимъ Хіэда мнѣ сообщилъ, за справедливость чего не ручаюсь, а можетъ быть это относится только къ семействамъ нижнихъ чиновъ: дѣти убитыхъ до извѣстнаго возраста, если у нихъ ничего нѣтъ, содержатся и воспитываются на счетъ государства; что же касается вдовъ, то онѣ могутъ, если пожелаютъ оставаться вѣрными памяти убитаго мужа, поступать въ государственныя общежитія (родъ богадѣльни), но должны обрѣзать себѣ волосы и строго соблюдать обѣтъ вѣрности покойнику, иначе наказываются пожизненнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Отъ этого происходитъ то, что всѣ вдовы, имѣющія средства, или молодыя, отказываются отъ государственной помощи, находя ее для себя очень неудобной. Дѣйствительно, съ обрѣзанными волосами я встрѣчалъ только старыхъ японокъ. Были ли это вдовы убитыхъ воиновъ, или просто вдовы — не знаю. Въ послѣднее время я невольно обращалъ вниманіе на то, что раньше японка, выходя замужъ, чернила себѣ зубы *), дѣлая это для того, какъ мнѣ говорили, чтобы нравиться только своему мужу, теперь же такія красавицы въ Японіи встрѣчаются довольно рѣдко, даже между пожилыми.

Сколько мнѣ помнится, каждый четвергъ въ Мацу-ямѣ происходили похороны пепла убитыхъ на войнѣ. Сосуды съ этими прахами разставлялись на катафалкѣ (одномъ или нѣсколькихъ), покрывались мундиромъ, присвоеннымъ чину и роду оружія убитаго, и въ сопровожденіи административныхъ лицъ, войскъ и народа торжественно отвозились на кладбище, дорога на которое шла мимо нашего дома. Послѣ войны ходили слухи, будто китайцы не только сами употребляли на удобрение кости

*) Черной краской.

нашихъ убитыхъ, но даже завели ими обширную торговлю. Насколько справедливъ этотъ слухъ—судить не берусь, что же касается убитыхъ японцевъ, такой слухъ распространять было немыслимо, т. к. трупы ихъ сжигались.

Я раньше говорилъ, что японцы праздновали побѣды не только иллюминаціей, но и устройствомъ карнаваловъ, которые днемъ и ночью разгуливали по улицамъ, но избѣгая тѣхъ, на которыхъ находились помѣщенія для плѣнныхъ. Когда же былъ взятъ Портъ-Артуръ, процессіи эти демонстративно начали ходить мимо нашихъ помѣщеній. Въ процессіяхъ принимали участіе не только частныя лица, но и цѣлыя учрежденія. Особенно поразило насъ, что въ эти процессіи были допущены даже притоны разврата со всѣмъ своимъ персоналомъ. Можетъ быть, японцы считаютъ эти учрежденія вполне равноправными съ разными ругими, какъ, напр., женскими учебными заведеніями, которыя также принимали участіе въ процессіи; конечно, это дѣло ихъ взгляда, но намъ оно казалось до невозможности страннымъ и смѣшнымъ. Въ этихъ процессіяхъ участвовало много платформъ съ разными аллегорическими живыми картинами. Во многихъ изъ нихъ главную роль игралъ убитый или лежащій медвѣдь, надъ которымъ стоялъ его побѣдитель — японскій воинъ. Когда ко мнѣ пришелъ Хіэда и съ ироніей началъ меня спрашивать: какъ я нахожу торжество ихъ народа, то я, собравъ все свое хладнокровіе отвѣтилъ ему, что въ нѣкоторыхъ живыхъ картинахъ нахожу очень существенныя ошибки, которыя, впрочемъ, не трудно исправить. Это его заинтересовало, и онъ поспѣшилъ узнать: какія именно? Очень простыя, замѣтилъ я

хладнокровно: вы насъ, русскихъ, аллегорически изображаете въ видѣ медвѣдя. Ужъ если аллегорія, то она должна быть полная! Онъ удивленно посмотрѣлъ на меня. Тогда я добавилъ: я знаю, что насъ, русскихъ, всѣ другіе народы называютъ медвѣдями, но думаю, что и вы прекрасно знаете, что васъ, всѣ называютъ, макаками? Услыхавъ это, Хіада моментально сталъ желтѣе лимона, глаза его забѣгали, и онъ стрѣлой вылетѣлъ изъ моей комнаты. Злость меня душила, и я еле сдерживался, чтобы не броситься за нимъ, схватить его за шиворотъ и выбросить на улицу; но, слава Богу, сдержался.

Нравственныя страданія плѣнныхъ, причиненныя взятіемъ Портъ-Артура, еще болѣе увеличивались этими демонстраціями, результатомъ чего получилось, что когда процессія проходила мимо одного дома, въ которомъ жили плѣнные солдаты, то изъ него полетѣло нѣсколько камней, контузившихъ нѣкоторыхъ участниковъ карнавала. Сначала японская администрація страшно возмутилась и грозила чуть не казнью всѣмъ плѣннымъ этого помѣщенія, но потомъ одумалась и дѣло оставила безъ послѣдствій.

Хотя эти торжества и продолжались цѣлую недѣлю, но уже съ вечера второго дня процессіи не пропускались по тѣмъ улицамъ, гдѣ жили русскіе. Причиной этому, какъ мнѣ потомъ говорили, отчасти былъ я. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: вечеромъ въ первый день торжества я написалъ своимъ роднымъ письмо и послать въ канцелярію управленія плѣнными съ запиской, въ которой просилъ отправить его возможно скорѣе, хотя и былъ убѣжденъ, что его совсѣмъ не отправятъ. Въ этомъ письмѣ я описывалъ все происходившее и то, какъ

японцы оскорбляют насъ своими процессіями, умышленно направляя ихъ мимо нашихъ помѣщеній. Далѣе я упоминалъ, что въ русско-турецкую войну у насъ въ Россіи было очень много плѣнныхъ, но я, какъ участникъ этой войны, прекрасно помню, что никто изъ русскихъ не только не позволялъ себѣ оскорблять плѣнныхъ, но даже слегка задѣвать ихъ самолюбіе. Мое письмо, какъ я и предполагалъ, сильно задѣло японцевъ, которые всегда стараются быть корректными и въ особенности передъ европейцами, съ мнѣніемъ которыхъ и раньше и въ настоящее время они очень считаются.

Особенно удивляло насъ, что взятіе Мукдена во всей Японіи не только не сопровождалось выдающимися торжествами, но даже самой незначительной иллюминаціей, которая такъ любятъ всѣ азіаты и въ особенности японцы. На ихъ лицахъ скорѣе замѣчалась печаль, чѣмъ радость. Какая этому была причина—узнать я никакъ не могъ.

Подобные случаи и прибытіе новыхъ плѣнныхъ только и нарушали однообразіе моей жизни, которую я старался вести какъ можно регулярнѣе, чтобы не портить свое здоровье. Благодаря заботамъ Епископа Николая намъ было прислано много, хотя и довольно старыхъ, книгъ, которыя нашлись въ помѣщеніяхъ русскихъ консульствъ, переданныхъ въ завѣдываніе французскимъ консуламъ. Все это было невообразимое старье, но я все-таки посвящалъ чтенію его часовъ 7—8 въ сутки. Затѣмъ намъ начали присылать изъ Россіи небольшими партіями книги, а также и газеты, которыя послѣ прочтенія японцами отдавались намъ и, несмотря на то что, онѣ попадали въ наши руки на 5-й или 6-й мѣсяцъ—читались всегда съ особеннымъ удовольствіемъ.

Въ началѣ весны мы были обрадованы Высочайшимъ вниманіемъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, приславшей намъ папиросы и громаднѣйшее количество книгъ. Въ лучшемъ подаркѣ мы не могли имѣть нужды. Книги были распредѣлены по помѣщеніямъ плѣнныхъ, въ которыхъ устроились библіотеки, а завѣдующіе ими время отъ времени мѣнялись книгами.

Японія находится въ вулканическомъ кольцѣ Тихаго океана, а поэтому намъ нерѣдко приходилось ощущать довольно порядочныя землетрясенія. Удивительное впечатлѣніе оно производитъ не только на людей, издавшихъ виды въ своей жизни, но даже на животныхъ. Утки и гуси, плавающіе въ пруду Кокайдо, и птицы, сидяція на деревьяхъ, даже при не особенно сильномъ толчкѣ землетрясенія, съ крикомъ начинали метаться во всѣ стороны, а собаки поднимали невообразимый вой. Меня всегда удивляло то, что птицы, сидяція на деревьяхъ, даже во время сильнаго внезапнаго порыва вѣтра продолжали спокойно оставаться на своихъ мѣстахъ, но отъ незначительнаго толчка землетрясенія моментально слетали и съ криками начинали кружиться вокругъ деревьевъ.

Особенно сильное землетрясеніе было 20 мая 1905 г. около 2 час. дня, продолжавшееся 1 минуту 48 секундъ. Оно навело на нѣкоторыхъ плѣнныхъ такую панику, что они, отдыхая послѣ завтрака и, благодаря жарѣ, прикрывшись только одними простынями, голыми выбѣгали изъ домовъ, а когда опять начинались толчки, то, несмотря на всѣмъ извѣстную храбрость во время сраженій, вскакивали и, не отдавая себѣ отчета, безъ оглядки мчались изъ дому. Многіе изъ нихъ въ этотъ день, даже

поздно вечеромъ, не хотѣли входить въ домъ, не смотря на все краснорѣчіе „Козла“, клявшагося имъ, что такого сильнаго землетрясенія уже не будетъ, а если домъ выдержалъ это землетрясеніе, то незначительные толчки и подавно выдержитъ. Въ этотъ день мнѣ сильно нездоровилось и я почти все время лежалъ въ постели, даже не выходя къ завтраку. Когда началось землетрясеніе, я стойко переносилъ его, лежа въ продолженіи минуты съ лишкомъ. Раскачиванія дома были такъ сильны, что напоминали качку судна на крупной толчеѣ. Чувствуя, что землетрясеніе не только не прекращается, но какъ будто усиливается, и понимая, что если крыша дома, крытая черепицей, не выдержитъ и рухнетъ, то меня, живущаго въ верхнемъ (второмъ) этажѣ, моментально раздавитъ, я всталъ съ постели, одѣлъ обувь и началъ спускаться внизъ, но это оказалось не такимъ легкимъ дѣломъ, такъ какъ лѣстница подъ ногами ходила во всѣ стороны, бросая меня то къ одной, то къ ругой стѣнѣ. Когда я спустился въ нижній этажъ, то землетрясеніе уже прекратилось. Всѣ были перепуганы, но сейчасъ же испугъ обратился въ гомерическій смѣхъ, такъ какъ въ это время два японскихъ солдата вели съ улицы совершенно голаго одного изъ нашихъ сожителей, который, проснувшись отъ землетрясенія, не понимая, въ чемъ дѣло, и не помня, какъ это произошло, выскочивъ изъ дома, бросился бѣжать по улицѣ, наполненной народомъ, также оставившимъ свои дома. Это землетрясеніе разрушило нѣсколько домовъ въ Мацу-ямѣ, при чемъ не обошлось и безъ человѣческихъ жертвъ. По отзывамъ сторожиловъ, такого землетрясенія въ Мацу-ямѣ уже не было 30 лѣтъ

Зима была хотя и не продолжительная, очень плохо отозвалась на многихъ. Большинство было простужено. Какъ жили несчастные наши нижніе чины—представить не трудно, т. к. помѣщенія ихъ не отапливались, а большинство изъ нихъ не имѣло даже порядочной лѣтней одежды. Кормили ихъ болѣе чѣмъ отвратительно; обыкновенной ихъ пищей были: рисъ и рыба (послѣдняя часто очень не свѣжая и даже съ запахомъ). Чтобы навѣстить солдатъ, офицерамъ требовались долгія и настойчивыя хлопоты. Не испытавшимъ на себѣ, трудно представить, какъ надоѣдаетъ рисъ, если имъ постоянно питаться. Однажды всѣ плѣнные были обрадованы вѣстью, что вмѣсто риса будетъ отпущаться ржаной хлѣбъ. Всѣ набросились на него съ жадностью, но скоро многіе начали страдать желудками. Доискиваясь причины этихъ заболѣваній, обнаружилось, что ржаная мука перемѣшана съ большимъ процентомъ песка. Когда объ этомъ было заявлено японцамъ, то они хладнокровно отвѣтили: при взятіи Ляояна мы завладѣли большимъ складомъ ржаной муки который и привезли въ Мацу-яму, зная, что этотъ хлѣбъ русскіе очень любятъ, если вы не можете его ѣсть, то мы опять будемъ отпускать вамъ рисъ. т. к. прекрасно понимаемъ, что хлѣбъ съ пескомъ не особенно питателенъ и даже плохо переваривается желудкомъ; готовили муку не мы, а тотъ кто подмѣшивалъ песокъ, вѣроятно находилъ это не особенно вреднымъ для питанія. Ужасъ перспективы опять перейти на рисъ, заставилъ нижнихъ чиновъ просить японцевъ выдавать имъ, хотя и съ пескомъ, но хлѣбъ. Кто мѣшалъ песокъ въ муку—осталось не выясненнымъ. Была ли это японская фальси-

фикація, которую они такъ любятъ, а можетъ быть и что нибудь другое—судить не берусь. Хлѣбъ этотъ большинство офицеровъ перестало ѣсть, но все же нашли ету примѣненіе, дѣлая изъ него квасъ. Скоро квасъ появился и въ продажѣ, т. к. японцы выучились у насъ готовить его. Сами

Рис. 23. Прибытіе русскихъ раненныхъ.

они не рисковали его пить, но насъ снабжали имъ въ большомъ количествѣ, по 20 центовъ за бутылку.

Осенью почти во всей Японіи началась эпидемія, оспы, а потому послѣдовало распоряженіе о прививкѣ ея всѣмъ плѣннымъ. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ попробовали было возстать противъ этой разумной предохранительной мѣры, но имъ было заявлено, что это распоряженіе „изъ Токіо“, а слѣдовательно—нечего и разсуждать.

Одолѣвшая всѣхъ тоска начала сильно удручать

нашего „Козла“ и онъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы хотя немного развлечь насъ. Однажды онъ принесъ намъ рисунки самаго лубочнаго качества и показывая ихъ началъ увѣрять что это работа корейскаго императора, подаренная ему самимъ художникомъ, съ которымъ онъ былъ въ большой дружбѣ, когда жилъ въ Корей. На сколько это было вѣрно—судить не берусь, но всѣ сильно сомнѣвались въ правдивости его словъ. Не рѣдко для нашего развлечения онъ устраивалъ фехтованія на палкахъ между караульными солдатами и часто самъ принималъ въ немъ участіе. Фехтующіеся, надѣвъ племени и панцыри набитые соломой, принимались несчадно тузить другъ друга саженными палками діаметромъ въ вершокъ. Въ этомъ фехтованіи интереснѣе всего былъ, такъ называемый „салютъ“. Какихъ только позъ они не принимали передъ началомъ фехтованія? Одна изъ нихъ очень напоминала макаку, когда стоя на четверенькахъ, она, трясется на всѣхъ ногахъ и затѣмъ отпрыгиваетъ назадъ. Будь у фехтующихся хвосты, поднятые въ видѣ крючка къ верху—это были бы настоящія макаки громаднаго роста и безъ шерсти на тѣлѣ.

Однажды мы завели разговоръ съ „Козломъ“ о древнемъ оружіи японцевъ и онъ сейчасъ же сообщилъ намъ, что родъ его происходитъ отъ древнихъ самураевъ и у него, какъ старшаго въ родѣ, имѣется очень старая сабля одного изъ предковъ, которую и обѣщалъ показать намъ. Дня черезъ два въ ворота Кокаидо торжественно вошелъ „Козелъ“ съ какимъ то сверткомъ подъ мышкой, а сзади его два японца на веревкѣ вели свинью довольно приличныхъ размѣровъ, которая, какъ потомъ оказалось, пред-

назначалась въ пищу плѣннымъ, но раньше должна была послужить славѣ прадѣдовской сабли „Козла“. Свинью отвели къ кухнѣ, а „Козель“, зайдя въ канцелярію, гдѣ оставилъ свой свертокъ, пошелъ просить всѣхъ офицеровъ пожаловать къ нему.

Рис. 24. Самурай.

Когда мы собрались, то онъ торжественно вынулъ изъ свертка японскую саблю стараго фасона и началъ объяснять намъ ея достоинства. Послѣ прочитанной лекціи онъ пригласилъ насъ идти съ нимъ. Прийдя во дворъ, гдѣ помѣщались кухни, онъ снялъ сюртукъ, взялъ въ руки саблю и началъ ею рубить пучки мокрой соломы, подкладываемые ему солдатомъ на колоду, служащую для рубки мяса. Догадываясь, чѣмъ все это окончится, мы дѣлали видъ, что поражены, какъ достоинствомъ

сабли, такъ и искусствомъ самаго „Козла“. Окончивъ рубку соломы и отерѣвъ потъ со своего чела, „Козель“ грознымъ голосомъ крикнулъ что-то солдату, который бросился къ свиньѣ и началъ тащить ее за веревку къ „Козлу“. У многихъ уже были приготовлены фотографическіе аппараты, т. к. между

Рис. 25. „Козель“ рубить свинью.

плѣнными было не мало охотниковъ снимать „Козла“, во всѣхъ его фазисахъ, а затѣмъ подносить ему эти снимки, которые онъ всегда принималъ съ большой благодарностью. Когда свинья была подведена, то „Козель“, ставъ противъ ея бока въ шагѣ разстоянія, поднялъ саблю, нѣкогда вооружавшую его знаменитыхъ предковъ-самураевъ и, собравъ всѣ свои силы, рубнулъ ея по спинѣ

свиньи... Не знаю, какъ его предки-самураи рубили, своихъ враговъ на поляхъ сраженій, но тутъ вышла совсѣмъ не хорошая исторія... „Козель“ не только не перерубилъ свиньи пополамъ, какъ рассчитывалъ, но даже не могъ перерубить ея позвоночнаго хребта. Была ли причиной этому сабля самураевъ, или потомокъ ихъ—не знаю; но свинья осталась свиньей и совсѣмъ не сочувственно отнеслась къ рыцарскому упражненію потомка самураевъ, поднявъ такой крикъ, что вѣроятно всполошились бы всѣ жители даже на окраинахъ Мацу-ямы, если бы повара не догадались схватить свои кухонные ножи и прикончить свинью. На другой или третій день „Козлу“ было поднесено нѣсколько фотографическихъ снимковъ этого случая, принявъ которые онъ успѣшилъ сказать: „тексанъ аригато“ т. е. очень благодаренъ.

Кромѣ этихъ развлеченій, съ началомъ весны 1905 г. „Козель“ нерѣдко выхлопывалъ разрѣшенія у высшаго начальства на прогулки плѣнныхъ въ окрестностяхъ Мацу-ямы безъ конвоя, а только съ нимъ, Хіэдой, и 2—3 солдатами безъ ружей. Участвія въ этихъ прогулкахъ я не принималъ, что его очень огорчало. Между прочимъ, онъ выхлопоталъ разрѣшеніе осмотрѣть древній замокъ въ Мацу-ямѣ. Замокъ этотъ построенъ на сопкѣ (гора, имѣющая видъ усѣченного конуса) съ обрывистыми склонами, густо поросшими вѣковыми деревьями, вокругъ которой и расположенъ городъ. Погребя этого замка, какъ мнѣ кажется, въ настоящее время служатъ пороховыми складами, сопка и нѣкоторое пространство около нея съ трехъ сторонъ окружены довольно глубокимъ рвомъ, который въ прежнія времена, при посредствѣ канала,

имѣлъ сообщеніе съ моремъ, а потому этотъ ровъ служилъ не только средствомъ защиты замка, но и его гаванью. Третья сторона была защищена грозными, по прежнимъ временамъ, укрѣпленіями, деревянныя ворота которыхъ, какъ мнѣ говорили, были окованы толстой бронзой. Ровъ вокругъ этого замка въ настоящее время обращенъ въ громаднѣйшій прудъ, въ которомъ водится масса разной рыбы, а въ особенности золотой и угрей. Послѣ метанія икры, назначается день когда всѣмъ жителямъ Мацу-ямы разрѣшается ловить въ этомъ прудѣ рыбу чѣмъ угодно, только не сѣтями. Собравшійся къ пруду народъ день этотъ обращаетъ въ мѣстный праздникъ. Такихъ мѣстныхъ праздниковъ въ Японіи много, на нихъ японцы всегда веселятся самымъ искреннимъ образомъ, но вотъ что невольно обращало мое вниманіе на этихъ праздникахъ: несмотря на любовь японцевъ пошьянствовать, на этихъ праздникахъ пьяныхъ, а тѣмъ болѣе нарушающихъ общественную тишину или порядокъ—никогда нельзя встрѣтить.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Японіи, какъ мнѣ говорили, существуетъ полицейская повинность. Лицо, одѣтое въ форму полисмена, для всѣхъ является не только неприкосновенною личностью, но какъ бы неограниченною властью, приказаніе которой моментально исполняется всѣми. Мнѣ приходилось видѣть не только въ Мацу-ямѣ, но и вообще въ Японіи довольно возбужденныя толпы, идущія по улицѣ, и стоило только полисмену поднять свою руку въ бѣлой бумажной перчаткѣ, какъ толпа моментально останавливалась и по первому же его слову, которое всегда молча и почтительно выслушивалось, эта толпа спѣшила разойтись. Какихъ

нибудь возраженій японскому полисмену, или препирательствъ съ нимъ, мнѣ никогда не приходилось слышать со стороны японцевъ.

Съ весной, едва только природа въ Японіи начинаетъ просыпаться, сейчасъ же появляются сверчки, издающіе довольно пріятные звуки, скорѣе напоминающіе пѣніе, чѣмъ рѣзкое стрекотаніе нашихъ сверчковъ. Японцы ловятъ этихъ насѣкомыхъ, которыхъ иронически называютъ „нипонъ сузми“, т. е. японскій соловей, и сажаютъ въ маленькія бамбуковыя клѣтки, не болѣе кубическаго вершка. Пищей для нихъ служитъ маленький кусочекъ тѣста изъ рисовой муки, положенный въ клѣтку. Почти въ каждомъ японскомъ домѣ ранней весной можно найти такую клѣтку съ двумя сверчками. Эти клѣтки посылаются другъ другу въ подарокъ, какъ бы поздравленіе съ пробуждающеюся природой. Мнѣ почти ежедневно присылались подобныя клѣтки черезъ нашего повара Маки. Кто ихъ присылалъ—добиться я не могъ. Лѣтомъ японцы ловятъ цикадъ и также сажаютъ въ подобныя клѣтки, наслаждаясь ихъ рѣзкимъ пѣніемъ.

Клѣтки со сверчками подали мысль нѣкоторымъ любителямъ пернатого царства обзавестись клѣтками съ канарейками, и когда ихъ набралось много, то въ Кокайдо было рѣшено устроить общую большую клѣтку въ саду, обвитую проволоочною сѣткой. Въ другихъ помѣщеніяхъ послѣдовали примѣру Кокайдо. Клѣтки эти потомъ расширялись и принимали гигантскіе размѣры. Внутри ихъ сажались кусты, карликовыя деревья, устраивались изъ цемента пруды и фонтаны, а кромѣ того къ кустамъ и деревьямъ прикрѣплялись плетенныя изъ соломы гнѣзда, въ которыхъ многія изъ птицъ неслись

и даже выводили своихъ птенцовъ. Скоро эти клѣтки стали общимъ достояніемъ, т. к. каждый старался пріобрѣсти какую нибудь птицу и пустить ее въ клѣтку. Кормилось это пернатое царство большею частью на общественный счетъ. Если случалось, что какая-нибудь птица вылетала, то скоро и возвращалась въ маленькую клѣтку, поставленную на крышу большой, и оттуда водворялась въ общую. Видимо, на волѣ ей уже трудно было добывать себѣ самостоятельно пищу. Когда заключили миръ, то порѣшено было выпустить на свободу всѣхъ пернатыхъ плѣнниковъ, но они не пожелали ею воспользоваться. Вылетѣвъ изъ клѣтки, они сейчасъ же начали возвращаться обратно. Нѣкоторые изъ нихъ на нашихъ глазахъ были забиты воробьями, постоянно кормившимися зерномъ, выбрасываемымъ изъ клѣтки наружу. Это птичье общежитіе привлекало къ себѣ не только воробьевъ и другихъ птицъ, но и змѣй, которыя иногда по ночамъ заползали въ него и, проглотивъ нѣсколькихъ птицъ, уже не могли выбраться обратно. Едва только змѣя заползала въ клѣтку, все пернатое царство поднимало страшный шумъ, и мы съ фонарями спѣшили къ нему на помощь, но большею частью нѣсколько птицъ уже было проглочено. Разбойникъ предавался казни и вѣшался около клѣтки, для устрашенія подобныхъ ему злодѣевъ, но это ихъ мало пугало... Забравшіяся въ клѣтку змѣи большею частью бывали очень велики, и насъ всегда удивляло: какимъ образомъ они могли туда пробраться, т. к. отверстія въ проволочныхъ сѣткахъ были въ нѣсколько разъ меньше ихъ толщины? По отбѣздѣ плѣнныхъ изъ Мацу-ямы, птицы, отказавшіяся воспользоваться свободой, также какъ

и наша обстановка, были розданы японцамъ, которые старались оказывать намъ какія-нибудь услуги во время нашего пребыванія въ плѣну.

Послѣ новаго года намъ было объявлено, что всѣмъ плѣннымъ запрещается ѣздить въ „рикшахъ“ (маленькій экипажъ, который везетъ человекъ; кромѣ желѣзныхъ дорогъ и рикшей, въ Японіи нѣтъ другихъ способовъ передвиженія по сушѣ). Произошло это, какъ намъ потомъ говорили, вслѣдствіе рѣчи, произнесенной однимъ англичаниномъ на банкетѣ въ Шанхаѣ, устроенномъ японцами по случаю одержанныхъ ими побѣдъ. Выпившій англичанинъ сказалъ: хотя японцы и побѣждаютъ русскихъ, но стоитъ кому нибудь изъ побѣжденныхъ крикнуть: „Эй, рикша, подавай!“ сейчасъ же къ нему подбѣжитъ японецъ-побѣдитель и за нѣсколько центовъ будетъ возить на себѣ побѣжденного. Такъ какъ плѣнные обыкновенно платили рикшамъ гораздо больше японцевъ, то рикши начали чуть не бунтоваться, требуя отмены этого распоряженія. Вѣроятно, очень настойчивыя требованія рикшей послужили причиной отмены его, но при этомъ японскія правительственныя власти поставили плѣнныхъ въ обязанность: непременно нанимать рикшу и своему конвою-солдату.

Съ наступленіемъ великаго поста мы высказали о. Сергію наше желаніе непременно говѣть въ продолженіе поста, что онъ и поспѣшилъ заявить японскимъ правительственнымъ властямъ. Тѣ согласились на ежедневныя служенія, но потребовали чтобы исповѣдь происходила въ присутствіи переводчика. Болѣе идиотскаго и возмутительнаго распоряженія японскія власти придумать не могли... Выходило, что мы должны были исповѣдываться не

только священнику, но и переводчику Хіэдѣ. Не знаю, какъ назвать это распоряженіе: неимовѣрною наивностью азіатовъ, считающихъ себя культурными, или издѣвательствомъ надъ религіей плѣнныхъ?

Можетъ быть, эти японскія правительственныя власти предполагали уполномочить и переводчиковъ задавать намъ вопросы во время исповѣди и этимъ заполнить пробѣлы по шпионовѣдѣнію, возмущавшіе ихъ благородныя души, т. к. среди русскихъ плѣнныхъ не было шпионовъ, которыхъ такое множество среди японцевъ. Мнѣ передавали сами японцы, что у нихъ нерѣдко бываетъ, что члены семьи не брезгаютъ доносить властямъ другъ на друга, не говоря уже о томъ, что всякое слово, сказанное иностранцемъ, должно быть немедленно донесено правительственнымъ властямъ. Японецъ, уличенный въ скрытности, подвергается наказанію. Рекомендую моимъ соотечественникамъ никогда не забывать этого при разговорахъ съ представителями этой благородной и культурной азіатской націи, постоянно хвастающей своими самураями, которые не только не могли перенести личнаго оскорбленія, но даже оскорбленія памяти близкаго имъ лица, смывая ихъ совершеніемъ надъ собой „харакири“.

„Харакири“ устраивается слѣдующимъ образомъ: оскорбленное лицо посылаетъ оскорбившему его заявленіе, что онъ дѣлаетъ себѣ „харакири“. Затѣмъ одѣвается въ бѣлое кимоно (траурное) и приглашаетъ своихъ друзей, двое изъ которыхъ (самые близкіе) становятся съ обнаженными саблями по бокамъ стоящаго на колѣняхъ ихъ друга, рѣшившаго покончить съ собой. Когда всѣ формальности соблюдены, то стоящій на колѣняхъ, короткой японской саблей, въ родѣ кинжала, распарываетъ себѣ

животъ. Послѣ этого на обязанности одного изъ стоящихъ около него друзей лежитъ сейчасъ-же отрубить ему голову, чтобы прекратить страданія. Въ настоящее время „харакири“ въ Японіи не примѣняется, и большинство самураевъ перемѣнили свое національное платье на мундиры европейскаго образца. О національномъ бритѣ головы спереди (прямоугольникомъ, пальца въ четыре шириною отъ лба къ темени) и сворачиваніи волосъ въ пучокъ, торчащій въ видѣ палочки впередъ, нечего и говорить, т. к. каждый японецъ старается, если только ему позволяетъ щетина, растущая на его головѣ, носить модную прическу.

Епископъ Николай, узнавъ о распоряженіи японскихъ правительственныхъ властей производить исповѣдь въ присутствіи переводчика, сейчасъ-же пришелъ къ намъ на помощь, разрѣшивъ общую глухую исповѣдь.

Не знаю, отъ какихъ причинъ, но еще съ осени у меня начали дѣлаться отеки въ нижнихъ частяхъ обѣихъ ногъ. Сначала я не обращалъ на это вниманія, но частые разговоры о болѣзни „бири-бири“ заставили меня посоветоваться съ врачомъ. Болѣзнь эта, какъ рассказывали мнѣ японцы, главнымъ образомъ происходитъ отъ постоянного питанія рисомъ. Начинается она опухолью нижнихъ частей ногъ, затѣмъ опухоль поднимается вверхъ и когда подходитъ къ области сердца, то человѣкъ моментально умираетъ.

Приглашенный врачъ, осмотрѣвъ меня сказалъ, что болѣзнь моя не „бири-бири“, но что мнѣ запускать ея не слѣдуетъ и какъ можно скорѣе необходимо начать дѣлать массажъ, для чего при-

плетъ массажиста, объяснивъ ему, какой именно надо мнѣ дѣлать массажъ. На другой день явился рекомендованный массажистъ, который оказался слѣпымъ, и на мой вопросъ о цѣнѣ заявилъ, что будетъ брать по таксѣ, т. е. по 15 центовъ въ часъ, при чемъ добавилъ, что врачъ приказывалъ ему дѣлать массажъ не менѣе 20 минутъ и не болѣе получаса. Дешевизна массажа поразила меня, и когда я сказалъ, что буду платить по 25 центовъ за сеансъ, то массажистъ очень обрадовался и обѣщалъ не только скоро вылечить меня, но дѣлать и общій массажъ, который, по его словамъ, придастъ общую бодрость всему организму. Обѣщанія его оказались совершенно справедливыми, и я, закончивъ леченіе ногъ, нерѣдко прибѣгалъ къ общему массажу, если чувствовалъ слабость въ организмѣ, благодаря отсутствію хорошаго моціона. Отъ него я узналъ, что въ Японіи всѣ слѣпорожденные и вообще слѣпые обязательно должны учиться массажу, а по окончаніи курса каждому изъ нихъ дается извѣстный районъ и устанавливается такса. Днемъ они обыкновенно сидятъ дома, а вечеромъ обходятъ свой районъ. Провожатыхъ у нихъ нѣтъ, т. к. дорогу въ своемъ районѣ они знаютъ прекрасно, а бояться быть раздавленными—имъ нечего, т. к. извозчиковъ въ Японіи нѣтъ. Въ одной рукѣ они обыкновенно носятъ палку, которой нащупываютъ себѣ дорогу, а въ другой—небольшой свистокъ, въ который по временамъ свистятъ, давая знать проходящимъ, что идетъ слѣпой, а жителямъ своего района, что проходитъ массажистъ, предлагающій свои услуги.

Г Л А В А XIV.

Предложеніе прогулокъ безъ конвой.

17 апрѣля наступала пасха, и нашъ кормилецъ, чиновникъ съ „Рюрика“ г. К., употреблялъ всѣ мѣры, чтобы пасхальный столъ напоминалъ намъ нашу дорогую родину. Его заботы превзошли всѣ ожиданія! Чего только не было на нашемъ пасхальномъ столѣ!... Правда, такой пасхальный столъ былъ только въ одномъ нашемъ помѣщеніи.

Заутреню мы просили о. Сергія служить въ „баракахъ“; такъ назывался госпиталь, гдѣ находились русскіе раненые. „Бараки“ были построены на ровномъ полѣ, пространствомъ десятинъ въ 5—6, и окружены бамбуковымъ заборомъ. Въ каждомъ баракѣ помѣщалось человѣкъ 50 раненыхъ; а одинъ пустой, благодаря пожертвованіямъ всѣхъ живущихъ въ Мацу-ямѣ плѣнныхъ, былъ обращенъ въ общую читальню; въ немъ же происходили и богослуженія. Всѣ приготавлились къ этому богослуженію, какъ къ чему то особенно радостному. Я даже досталъ свою ффрачную пару и отправилъ ее разгладить и вообще привести въ порядокъ, послѣ ея долгаго лежанія въ сундукѣ, а свои эполеты отдалъ одному изъ сожителей, который желалъ быть на этомъ служеніи въ формѣ.

Мы и не предполагали, что правительственныя японскія власти снова постараются поглумиться надъ нашими религіозными чувствами. Около полдня намъ принесли повѣстку изъ управленія плѣнными, въ которой говорилось, что пасхальная за-

утрення будетъ служить въ „баракахъ“, поэтому предлагается изъ каждаго офицерскаго помѣщенія посѣтить ее только двумъ офицерамъ и одному нижнему чину, а изъ помѣщеній нижнихъ чиновъ — одному. При этомъ предлагалось, чтобы на повѣсткѣ было указано: кто именно будетъ на заутренѣ? Это возмутило всѣхъ, и сначала всѣ отказались воспользоваться разрѣшеніемъ язычниковъ, величающихъ себя культурными азіатами, но потомъ одинъ согласился пойти на заутреню, чтобы послѣ нея поздравить отъ насъ всѣхъ раненыхъ. О. Сергій пришелъ вечеромъ и освятилъ нашъ пасхальный столъ, общая придти и на другой день помолиться съ нами. По возвращеніи бывшаго на заутренѣ, собравшись въ нашей столовой, мы пропѣли хоромъ нѣсколько пасхальныхъ молитвъ и начали разговляться. Японцы очень интересовались посмотреть: какъ мы празднуемъ свой „главный праздникъ“, а поэтому еще раньше того какъ мы собрались въ столовую, входныя двери нашего помѣщенія уже были набиты японцами, которые съ большимъ любопытствомъ смотрѣли на нашъ пасхальный столъ, а когда нѣкоторые изъ насъ поднесли имъ по красному яйцу, то они приняли ихъ съ большимъ удовольствіемъ, но ѣсть не пожелали, а взяли ихъ съ собой.

Уже рано утромъ японская администрація начала приходить въ мундирахъ, а частныя лица въ „японскихъ фракахъ“ (кимоно, длиною до колѣнъ, изъ толстаго чернаго шелка, съ напечатанными бѣлой краской въ кружкѣ на рукавахъ личными гербами) поздравить насъ съ „оки“ (большимъ) праздникомъ, сообщая при этомъ, что въ 2 часа мы всѣ должны явиться въ городское собраніе, гдѣ будетъ

объявлено, что съ сегодняшняго дня намъ разрѣшаются свободныя прогулки по городу и его окрестностямъ, районъ которыхъ будетъ указанъ особыми столбами. Это извѣстіе понемногу успокоило наше раздраженіе противъ нихъ, вызванное недопущеніемъ быть на заутрени. Часовъ въ 10 утра пришелъ о. Сергій, а вслѣдъ за нимъ сейчасъ же явился старикъ бонза въ полномъ облаченіи, также поздравить насъ съ праздникомъ и попросить разрѣшенія присутствовать на богослуженіи, которое предполагалъ совершить о. Сергій. Конечно, мы ничего противъ этого не имѣли, а по окончаніи богослуженія просили его отвѣдать нашего пасхальнаго стола, который, видимо, ему очень понравился.

Къ 2 час. дня всѣ плѣнные офицеры были собраны въ залѣ „городскаго собранія“, или, вѣрнѣе, ратуши, при чемъ для обитателей каждаго помѣщенія было отведено особое мѣсто, а въ концѣ залы, на возвышеніи, стоялъ столъ и стулья. Ровно въ 2 часа изъ боковой двери на возвышеніе вошли: комендантъ генералъ Окабе, полковникъ Кооно и всѣ завѣдывающіе помѣщеніями плѣнныхъ. Когда мы разсѣлись по своимъ стульямъ, Кооно всталъ и произнесъ длинную рѣчь, по окончаніи которой, главный переводчикъ Кубо (очень злобный и не симпатичный японецъ, раненый подъ Артуромъ) перевелъ намъ, что японское правительство, принимая во вниманіе, какъ дурно отзывается на нашемъ здоровьѣ отсутствіе моціона, разрѣшаетъ намъ свободныя прогулки по городу и въ районѣ, указанномъ особыми столбами, три раза въ недѣлю (впослѣдствіи эти прогулки разрѣшались ежедневно отъ 7 час. утра до 6 час. вечера), но за это мы

обязаны будемъ подписать „клятвенное обѣщаніе“ въ строгомъ исполненіи предложенныхъ намъ правилъ, въ которыя входило и отданіе чести японскимъ офицерамъ; тѣ же, кто будетъ въ штатскомъ,

Рис. 26. Прогулка плѣнныхъ подъ конвоемъ.

должны снимать имъ шляпы. За нарушеніе этихъ правилъ виновный немедленно будетъ лишаться свободныхъ прогулокъ и строго наказываться какъ за свой проступокъ, такъ и за нарушеніе „клятвенныхъ обѣщаній“.

Форма подписки въ видѣ „клятвеннаго обѣщанія“ и нѣкоторые пункты ея, а въ особенности обязательная отдача чести японскимъ офицерамъ, послужили причиной тому, что многіе изъ плѣнныхъ офицеровъ отказались отъ этой милости японскаго правительства, разрѣшившаго ихъ только потому, что въ Россіи, узнавъ о томъ, какъ японцы содержатъ насъ, также запретили плѣннымъ японцамъ свободныя прогулки, которыми они раньше пользовались. Отказъ этотъ страшно разсердилъ Кооно и онъ началъ принимать цвѣтъ лимона. Въ числѣ отказавшихся были я и мой старшій помощникъ В. П. Кисимовъ. Это обратило вниманіе Кооно и онъ обратился ко мнѣ:

— Скажите, г. Селецкій, отчего вы отказываетесь отъ такого прекраснаго предложенія японскаго правительства?

— Оттого, что не нахожу его прекраснымъ, отвѣтилъ я.

— Но, вѣдь, вы больше времени, чѣмъ всѣ другіе, были лишены свободы и вамъ, мнѣ кажется, больше, чѣмъ другимъ, нужны свободныя прогулки, иначе это можетъ очень дурно отозваться на вашемъ здоровьѣ.

— Благодарю васъ, полковникъ, за заботы о моемъ здоровьѣ, но я уже привыкъ къ своей тюрьмѣ, какъ птица къ клѣткѣ.

— Но, вѣроятно, у васъ есть серьезныя причины отказываться отъ нашего предложенія? Не можете ли вы сообщить ихъ мнѣ и, можетъ быть, я постараюсь ихъ уладить.

— Самая главная причина та, что я нахожу неудобнымъ для себя, какъ русскій штабъ-офицеръ, входить въ какія-либо письменныя или устныя

соглашенія съ непріятелемъ моей родины, а поэтому, пока наше правительство не начнетъ вести переговоры о какихъ-либо соглашеніяхъ съ вашимъ, до тѣхъ поръ я останусь при настоящемъ убѣжденіи и прошу васъ оставить меня въ покоѣ.

— Но у насъ теперь очень мало солдатъ и намъ затруднительно давать ихъ для прогулокъ съ вами, какъ это дѣлалось раньше.

— Тѣмъ болѣе причинъ является у меня не соглашаться на ваше любезное предложеніе.

— Въ такомъ случаѣ вы будете совсѣмъ лишены прогулокъ изъ-за вашего страннаго упрямства. Повторяю вамъ, что мы должны отправлять нашихъ солдатъ въ дѣйствующую армію, а не оставлять здѣсь для вашихъ прогулокъ.

— Насколько мое упрямство странно для васъ, это меня не касается, но такъ какъ мое право согласиться или не согласиться на ваше предложеніе, то я вамъ категорически заявляю: „въ настоящее время на ваше предложеніе—я не согласенъ“.

Во время моихъ переговоровъ съ Кооно, нѣсколько человѣкъ, вставшихъ со стульевъ, чѣмъ выражалось согласіе дать подписку, опять сѣли. Переписавъ всѣхъ согласившихся, имъ предложили идти домой безъ конвоя, а насъ, какъ непокорныхъ, отправили въ свои помѣщенія подъ конвоемъ.

Въ нашемъ помѣщеніи всѣ отказались дать требуемую подписку, и японцы считали, что причиной этому я, а потому часто дѣлали попытки уговорить меня согласиться на ихъ предложеніе, но я и слушать ихъ не желалъ, заявивъ, что дамъ ее тогда, когда начнутся переговоры о мирѣ, т. е. когда наше правительство признаетъ удобнымъ для себя входить въ какія либо соглашенія съ японскимъ

правительствомъ; до тѣхъ же поръ просилъ ко мнѣ не приставать. Одно время и Фосарье пробовалъ уговаривать насъ принять предложеніе японцевъ, говоря, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы всѣмъ дать подписки, т. е., другими словами, дать клятвенное обѣщаніе японцамъ въ томъ, что если представится удобный случай бѣжать изъ плѣна, то имъ никто не долженъ воспользоваться. На эти уговоры Фосарье ему было отвѣчено, что каждый можетъ имѣть свое мнѣніе. Не скрою, что между давшими подписку находились и такіе, которые старались доказать: какая бы и въ какой формѣ ни была бы дана подписка или словесное обязательство непріятелю, онѣ недѣйствительны. Критиковать этотъ взглядъ не берусь, но, по моему мнѣнію, такого взгляда могутъ придерживаться только азіаты, но европейцамъ не слѣдуетъ, дабы не утратить уваженія, которое, несмотря на злобу все-таки азіаты питаютъ къ нимъ.

Когда была получена телеграмма, что мирный договоръ въ Портсмутѣ подписанъ уполномоченными обѣихъ воюющихъ державъ, то я и всѣ отказавшіеся отъ подписки высказали желаніе дать ее, на что послѣдовало немедленное согласіе полковника Кооно. Это уже было не клятвенное обѣщаніе, а просто подписка въ томъ, что мы обязуемся не предпринимать побѣга изъ Японіи и выполнять перечисленные въ подпискѣ правила; что же касается отданія чести японскимъ офицерамъ, то въ ней было сказано: „взаимно отдають честь“. Послѣ подписи этихъ обязательствъ, намъ были выданы деревянные бирки съ японскими надписями, въ которыхъ говорилось, что предъявитель бирки такой-то и ему разрѣшены прогулки безъ

конвоя. Дня черезъ 3—4 всѣмъ штабъ офицерамъ было объявлено, что они могутъ дѣлать прогулки и ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ куда угодно по острову Сикокъ, но въ 7 часовъ вечера, обязательно, должны быть дома. О болѣе позднемъ возвращеніи предлагалось испрашивать разрѣшеніе у полковника Кооно. По просьбѣ нѣкоторыхъ оберъ-офицеровъ и имъ давались подобныя разрѣшенія, если по мнѣнію японской администраціи они заслуживали это своимъ безупречнымъ прошлымъ.

ГЛАВА XV.

Мои свободныя прогулки.

Только, просидѣвшій 20 мѣсяцевъ въ такомъ заключеніи какъ я, можетъ понять всю прелесть свободной прогулки. Первое время мои ноги положительно отказывались служить, но массажъ, нѣсколько ваннъ въ Дого и послѣдовательное увеличеніе разстоянія прогулокъ начали понемногу возвращать мнѣ бывшія мои силы и выносливость, т. ч. недѣли черезъ двѣ я уже свободно могъ дѣлать вереть 30 въ день, не испытывая особенной усталости. Къ этому времени составила компанія изъ меня и еще двухъ офицеровъ, твердо порѣшивши дѣлать дальнія прогулки пѣшкомъ, для чего мы вставали очень рано и, немного закусивъ, немедленно отправлялись въ путешествіе, а къ часу дня возвращались и, позавтракавъ—ложи-

лись спать. Передъ вечеромъ мы опять дѣлали короткую прогулку. Большою частью конечнымъ пунктомъ нашихъ прогулокъ былъ небольшой городокъ Гун-чю, верстахъ въ 15 на югъ отъ Мацу-ямы. Это было тѣмъ удобно, что мы всегда могли сдѣлать крюкъ и, придя въ Гун-чю, возвратиться оттуда въ Мацу-яму по желѣзной дорогѣ.

Не говоря уже о чуть не феерическихъ видахъ, которыми славится Японія, во время этихъ прогулокъ мнѣ приходилось видѣть не мало интереснаго изъ жизни японцевъ, съ чѣмъ я до сихъ поръ не могъ познакомиться, посѣщая только портовые города Японіи, жизнь въ которыхъ такъ сильно отличается отъ жизни внутри Японіи, да еще въ такомъ захолустьѣ, какъ о. Сикокъ, почти не посѣщаемый иностранцами.

Что особенно бросается въ глаза—это орошеніе полей, которое стоитъ на большей высотѣ, чѣмъ египетское. Тамъ мѣстность ровная и сама р. Ниль помогаетъ этому орошенію; въ Японіи даже каждый небольшой ручеекъ утилизируется для орошенія полей, а благодаря гористой мѣстности, они же служатъ и источникомъ добыванія энергіи для мельницъ, электричества и т. п. Даже въ маленькой деревнѣ нерѣдко можно встрѣтить электрическое освѣщеніе и разные электрическіе двигатели. Нивеллировка мѣстности идеальная, и, идя по прекрасному шоссе, которыми исполосована вся Японія, не рѣдко можно увидѣть, что главные каналы орошенія, идущіе по бокамъ его, начинаютъ подниматься по насыпи и вода въ нихъ какъ бы идетъ вверхъ. Трудолюбіе японца видно въ каждой пяди земли. Участки полей не бываютъ болѣе четверти десятины и орошаются въ опредѣленные часы,

назначенные мѣстными властями. Разсада риса и другихъ растений, а также сѣмена отпускаются властями, и никому изъ японцевъ и въ голову не можетъ придти не только посадить что-нибудь на своемъ полѣ безъ контроля мѣстныхъ властей, но и начать жатву. Мнѣ приходилось видѣть уже со-

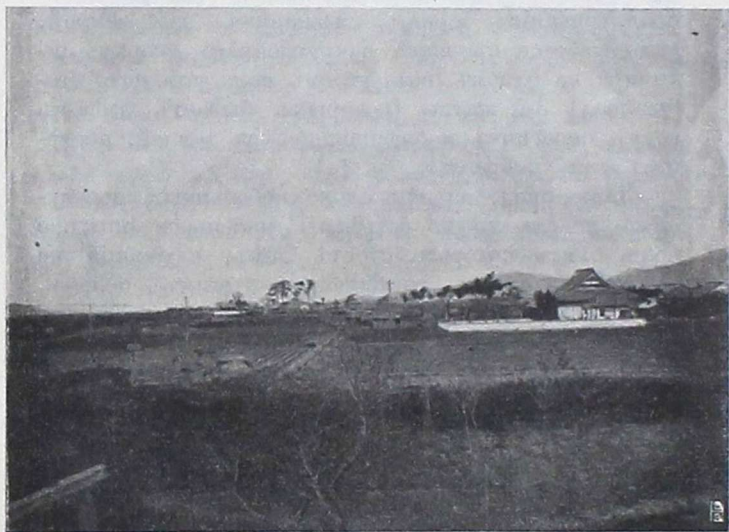

Рис. 27. Рисовыя поля въ Мацуямѣ.

всѣмъ созрѣвшій рисъ и даже начавшій ложиться, но его не собирали только потому, что еще не послѣдовало разрѣшенія отъ властей начать жатву. Какъ только послѣдуетъ это разрѣшеніе, всѣ выходятъ на свои поля и особыми ножами, прикрѣпленными подъ прямымъ угломъ къ палкѣ, фута

въ два длины, начинаютъ пучками срѣзать рисъ у самого корня и протаскивать колосья на этихъ пучкахъ черезъ желѣзные гребешки, отчего зерна его падаютъ на подложенную циновку, а солома аккуратно складывается въ небольшие снопики и употребляется на разные издѣлія, въ которыхъ нуждаются японцы. Оставшаяся шелуха отъ провѣтриванія зерна, смѣшанная съ землей, укладывается въ видѣ закругленнаго вверху цилиндра на одномъ изъ угловъ поля для того, чтобы послѣ 3-й жатвы (которыхъ бываетъ двѣ въ году), перегнивъ и смѣшавшись съ землей, поступить для удобрения.

Даже около сравнительно небольшихъ деревушекъ всегда можно встрѣтить маленькое опытное поле, близъ котораго стоитъ домъ, служащій не только жилищемъ завѣдующему этимъ полемъ, но и агрономической школой для мѣстнаго населенія, въ которой оно не только учится, но и всегда можетъ получить полезные совѣты, касающіеся земледѣлія и новостей агрикультуры. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, у самой подошвы горы, сажень на 10—15 выше уровня полей, устраиваются довольно большіе водоемы, на тотъ случай, если въ горныхъ рѣчкахъ, служащихъ для орошенія полей, изсякнетъ вода. Эти резервуары служатъ и для выращиванія мелкой рыбы, которой обыкновенно переполнены всѣ каналы, служащія для орошенія полей. Ближайшая мѣстность у каждой деревни, или отдѣльно стоящаго дома, обыкновенно обращена въ огородъ, въ которомъ растетъ всевозможная овощъ, употребляемая японцами въ пищу, но главное мѣсто въ нихъ занимаютъ бобы, сладкая картофель и рѣдька („дайко“). Эта рѣдька достигаетъ

гигантскихъ размѣровъ и, когда она поспѣваетъ, то ее выкапываютъ, промываютъ и, развѣшивая на деревьяхъ, сушатъ, чтобы сохранить на зиму. Въ октябрѣ почти у cadaго дома въ японской деревнѣ можно увидѣть дерево, съ верху до низу увѣшанное этой овощью.

Когда мы только прибыли въ Мацу-ямѣ, къ намъ явился завѣдующій мѣстной агрономической частью и просилъ дать ему списокъ овощей, которые любятъ русскіе, для того чтобы выписать сѣмена ихъ. Осенью того же года на многихъ огородахъ въ окрестностяхъ Мацу-ямы уже можно было встрѣтить эти овощи. разсада которыхъ раздавалась съ участка около опытнаго поля, и бравшимъ ее объяснялся уходъ за выращиваніемъ взятой разсады.

Однажды, зайдя въ одно ущелье, мы услышали стукъ колеса водяной мельницы. Осмотрѣвшись, мы увидѣли у подножья горы небольшой сарайчикъ и около него мельничное колесо, которое вращалось водой, идущей по канавкѣ, не болѣе аршина ширины, образованной изъ небольшого горнаго ручейка. По утилизаціи ея мельницей, она шла дальше и соединялась съ главнымъ каналомъ орошенія. Зайдя во внутрь этой игрушечной мельницы, мы увидали тамъ мальчика лѣтъ 10—11, который и управлялъ ею, т. е. парой жернововъ и тремя ступками, служащими для очистки зерна отъ шелухи. Зерно онъ подсыпалъ небольшой деревянной мѣркой, самостоятельно пуская въ ходъ и разобцая порученные ему механизмы. На выраженное нами желаніе осмотрѣть мельницу, онъ началъ любезно показывать намъ все, какъ взрослый человѣкъ. Намъ очень удивило, что когда, по осмотрѣ мель-

ницы, мы предложили ему серебряную монету, то онъ отъ нея отказался, но предложенныя папиросы взять и сейчасъ же закурилъ одну изъ нихъ. Я упомянулъ, что насъ удивилъ его отказъ отъ денегъ, т. к. японцы очень жадны къ нимъ, и только что нибудь особенное можетъ заставить японца отказаться отъ нихъ. Едва ли найдется другая болѣе жадная къ деньгамъ нація, чѣмъ японцы. Меня всегда поражало нищенство въ Японіи. Не только ни въ одной странѣ нѣтъ такого количества нищихъ, но въ ней не брезгаютъ просить милостыню, судя по платью, люди обезпеченные, и не только дѣти, но и взрослые. Однажды, идя изъ Мацу-ямы въ Дого, я встрѣтилъ японца лѣтъ 35—40 съ дѣвочкой; оба они были одѣты очень хорошо и по виду принадлежали къ интеллигентному классу. Подойдя ко мнѣ, онъ началъ что то мнѣ говорить по-японски; изъ его словъ я понялъ, что онъ боленъ и, не имѣя средствъ, просить меня помочь ему. Сначала я не зналъ, что ему дать, но потомъ вспомнилъ о нищенствѣ въ Японіи и предложилъ ему 50 центовъ, которые онъ моментально взялъ и началъ не только меня благодарить, но даже говорить что-то очень хорошее о русскихъ. Затѣмъ онъ подалъ мнѣ руку и, крѣпко пожавъ, пошелъ своей дорогой.

Во время моихъ путешествій мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчать на прогулкахъ цѣлыя учебныя заведенія, которыя изучали природу подъ руководствомъ своихъ преподавателей, или устраивали разныя игры, почти всегда носившія воинственный характеръ, въ которыхъ и тактика играла не послѣднюю роль. Преподаватели руководили этими играми, иногда и сами принимали въ нихъ горячее

участіе. Встрѣчая возвращающихся изъ школъ учениковъ, я нѣсколько разъ осматривалъ ихъ учебныя работы, которыя они показывали всегда съ удовольствіемъ. Меня всегда поражала, при ихъ личной нечистоплотности, аккуратность ихъ работъ и дешевизна ихъ учебныхъ пособій. Напр.: у каждаго изъ нихъ имѣлся простой деревянной пеналь, гдѣ находилось два карандаша, кусочекъ резины и грошовый перочинный ножикъ, при чемъ у всѣхъ все было одинаково. Тетради у всѣхъ также были одинаковы, и цѣна ихъ, какъ мнѣ сообщали ученики, была всего одинъ центъ, но больше всего поражали меня цѣны ихъ учебниковъ. Дороже 8 центовъ не было ни одного учебника, и нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на довольно ветхій видъ, не имѣли никакихъ помарокъ или пятенъ. Съ учениками высшихъ классовъ мнѣ не приходилось входить въ разговоры по этому предмету; но тѣ, съ которыми я велъ бесѣды, были отъ 7 до 12 лѣтъ. Въ Японіи всѣ грамотны и, какъ мнѣ говорили, если ребенокъ до извѣстнаго возраста окажется неграмотнымъ, то родители его по закону должны быть посажены въ тюрьму, а его самого беретъ правительство и учить грамотѣ. Насколько это вѣрно, не знаю, но неграмотныхъ мнѣ не приходилось встрѣчать даже между японскими чернорабочими. Нѣсколько разъ мнѣ встрѣчались ученицы (въ юбкахъ цвѣта бордо поверхъ кимоно) довольно солиднаго возраста. Это меня поражало, но потомъ мнѣ объяснили, что начальное образованіе въ Японіи бесплатно, желающіе же продолжать свое образованіе должны платить, а поэтому нѣкоторыя бѣдныя дѣвушки, желающія продолжать свое образованіе и не имѣющія на это средство,

выходятъ замужъ и потомъ, если у нихъ находится время и средства, продолжаютъ его. Мнѣ казалось это очень страннымъ, т. к. вышедшая замужъ настолько теряетъ свои права, что не только не можетъ обѣдать вмѣстѣ съ мужемъ, но даже не имѣетъ права идти рядомъ съ нимъ по улицѣ, а обязательно на шагъ или два позади его; но переводчикъ Кириллъ Като, замѣнившій Хіэду, увѣрялъ меня, что это вѣрно.

Като раньше служить драгоманомъ у нашего консула въ Нагасаки и, будучи давно знакомъ со мной, старался всѣми силами угодить мнѣ, часто посвящая свое свободное время на бесѣды у меня въ комнатѣ. Онъ оказалъ мнѣ также не мало услугъ въ моихъ хлопотахъ о скорѣйшемъ выѣздѣ изъ Японіи.

Однажды во время прогулки мы попали на молочную ферму, которая поразила насъ своей миниатюрностью и присутствіемъ только трехъ коровъ. Молоко намъ всегда доставлялось въ изобиліи по 4 цента за бутылку, равную небольшому стакану. Оказалось, что все доставляемое намъ молоко привозилось изъ Австраліи (вѣроятно стерилизованное). По заключеніи мира, однажды во время прогулки по городу какой то японецъ подалъ мнѣ объявленіе на русскомъ языкѣ, въ которомъ на первой строкѣ было напечатанно очень крупнымъ шрифтомъ: „Остерегайтесь молока!“ Въ этомъ объявленіи говорилось, что нашъ поставщикъ молока, такой то, даетъ намъ какую то жидкость, только видомъ напоминающую молоко, а на самомъ дѣлѣ, ничего общаго съ настоящимъ молокомъ не имѣющую; поэтому намъ предлагается брать молоко у издателя этого объявленія, которое, какъ онъ увѣрялъ—

настоящее. Насколько предлагаемое молоко было дѣйствительно лучше—не знаю, но думаю, что оно было такой же фальсификаціей. Японія вообще славится своими фальсификаціями и поддѣлками. Стоит японцамъ узнать, что какой-нибудь продуктъ многими особенно цѣнится, и они сейчасъ же стараются его поддѣлывать. Напр.: въ Японіи продается по іенѣ бутылка водки завода Смирнова въ Москвѣ съ совершенно такой же этикеткой, только надпись: „у Чугуннаго моста“ на ней перевернута и написано: „у чуюннаго моста“. Самая же водка была не что иное, какъ разведенный очищенный спиртъ и чуть-чуть послащенный сахаромъ. Мнѣ даже приходилось встрѣчать попытки японцевъ поддѣлывать осетровую икру, которая состояла изъ части паюсной икры и еще какой то примѣси. Говорятъ, будто въ Шанхаѣ компанія японцевъ имѣетъ фабрику всевозможныхъ винъ и ликеровъ, на бутылки которыхъ обыкновенно наклеиваются этикетки лучшихъ фирмъ, и затѣмъ ими наводняются всѣ винныя магазины Дальнаго Востока. Благодаря этому на Дальнемъ Востокѣ можно купить, судя по этикеткамъ, лучшія вина и ликеры за полъ-цѣны противъ той, по какой они продаются на мѣстѣ производства. Если принять во вниманіе то пьянство, которое процвѣтаетъ на Дальнемъ Востокѣ, то потребители подобныхъ японскихъ поддѣлокъ, пожалуй, могутъ считать этихъ фальсификаторовъ чуть не благодѣтелями для себя. Не все ли равно этимъ алкоголикамъ, какой бурдой довести себя до безсознательнаго состоянія?!...

Однажды я былъ пораженъ очень оригинальнымъ шествіемъ: ѣхало нѣсколько рикшъ и на каждой изъ нихъ сидѣло по японцу, довольно хорошо одѣтому,

руки и ноги которыхъ были связаны, на головахъ надѣты глубокія корзины, а у пояса они были обвязаны тонкой веревкой, конецъ которой держаль полисменъ, идущій рядомъ съ рикшей. Потомъ я узналъ, что это была пойманная шайка интеллигентныхъ воровъ, оперирующая въ Мацу-ямѣ и не оставлявшая своимъ вниманіемъ даже нѣкоторыхъ помѣщеній плѣнныхъ. Меня всегда смѣшлялъ японскій обрядъ арестованія, не только обыкновенныхъ жителей, но и воинскихъ чиновъ. Арестованнаго сейчасъ же обвязываютъ тонкой веревкой вокругъ пояса и ведутъ къ мѣсту заключенія за свободный конецъ веревки. Смотри на ихъ лица, невольно вспоминаешь макакъ, которыхъ привязанными поперекъ туловища водятъ по дворамъ для разныхъ представленій.

Незадолго до заключенія мира скончался отъ перерожденія сердца нашъ товарищъ по плѣну, бывший командиръ эскадреннаго броненосца „Пересвѣтъ“ капитанъ I-го ранга Бойсманъ. Похороны имѣли очень торжественный характеръ и на нихъ съѣхалось много японскаго православнаго духовенства. Гробъ его былъ покрытъ русскимъ военнымъ флагомъ и положительно заваленъ вѣнками, не только отъ насъ, но и отъ японскихъ административныхъ лицъ. Надъ его гробомъ, послѣ отпѣванія тѣла въ „баракахъ“ и на русскомъ кладбищѣ, устроенномъ на террасѣ горы близъ Мацу-ямы, представители японской администраціи, начиная съ генерала Окабе, произносили рѣчи на японскомъ языкѣ, смысла которыхъ, конечно, никто изъ насъ не понялъ, но говорились онѣ, видимо, по всеѣмъ правиламъ японскаго краснорѣчія, т. е. съ завываніями и съ сильнымъ втягиваніемъ въ

себя воздуха. Въ провожаніи тѣла не только участвовали представители японской администраціи въ полной парадной формѣ и японскія войска, но и разныя депутаціи отъ жителей Мацу-ямы, при чемъ каждая изъ нихъ являлась съ вѣнкомъ или цвѣтами, которые клали на гробъ. Вообще японцы въ послѣднее время держали себя съ нами заискивающимъ образомъ, что проглядывало въ каждомъ ихъ дѣйствіи; но мы уже были такъ возбуждены противъ нихъ, что всѣ ихъ любезности принимали очень холодно. Это страшно сердило ихъ, но, несмотря на это, они старались все болѣе и болѣе увеличивать свои любезности. Такъ какъ ничего не помогало, то они начинали грозить всевозможными непріятностями; напр.: отправить непокорныхъ и относящихся презрительно къ ихъ любезностямъ съ послѣднимъ эшелономъ изъ Японіи. На это имъ большею частью отвѣчали: „Можетъ быть, и намъ еще представится случай свести съ вами старые счеты и поблагодарить за любезное гостепріимство.“

ГЛАВА XVI.

Заключеніе мира и отъѣздъ изъ японіи.

6 октября всѣ старшіе въ помѣщеніяхъ, а въ числѣ ихъ и я, были приглашены въ управленіе плѣнными, гдѣ застали коменданта Окабе и Кооно въ полной парадной формѣ, а переводчика Кубо

въ черномъ сюртукѣ. У генерала Окабе на шеѣ былъ надѣтъ нашъ орденъ св. Станислава 2-й степени. Когда всѣ собрались, каждому подали по бокалу шампанскаго и генералъ Окабе, вставъ, сказалъ рѣчь, приблизительно слѣдующаго содержанія: „Два великихъ монарха, Императоръ Всероссійскій и Микадо, покончивъ недоразумѣнія между русской и японской націями, заключили вѣчный миръ, послѣ чего обѣ націи должны стать друзьями. По случаю этого важнаго событія я поднимаю бокалъ и предлагаю тостъ за Великаго Монарха Императора Всероссійскаго“. На это было отвѣчено тостомъ за Микадо. Мы всѣ были угнетены такъ печально и безрезультатно оконченной войной. Японцы также не выражали радости. Настало неловкое молчаніе. Его прервалъ Кооно, предложивъ тостъ за наше здоровье; мы сухо отвѣтили тостомъ за ихъ здоровье. Затѣмъ Кооно сообщилъ намъ, что мы больше не считаемся плѣнными, а только гостями Японіи.

— Если это вѣрно, полковникъ, сказалъ я, то позвольте поблагодарить васъ за гостепріимство и разрѣшите мнѣ съ моими помощниками, Кисимовымъ и Рыбаковымъ, немедленно оставить Японію, гостепріимствомъ которой мы такъ долго пользовались и едва ли когда-нибудь забудемъ его.

— Этого мы не можемъ сдѣлать безъ разрѣшенія нашего военнаго министра,—отвѣтилъ онъ, посоветовавшись съ генераломъ Окабе.

— Тогда, значитъ, несмотря на заключенный миръ, мы по прежнему остаемся плѣнными?

— Нѣтъ, вы теперь уже не плѣнные и подвергаетесь только той отвѣтственности по нашимъ

законамъ, какъ и всякій иностранецъ, живущій въ Японіи.

— Если мы теперь приравнены къ каждому иностранцу, проживающему въ Японіи, то разрѣшите мнѣ съ моими сослуживцами ѣхать въ Нагасаки, гдѣ мы можемъ поселиться съ большими удобствами, чѣмъ здѣсь. Не скрою, планъ мой былъ: отправить изъ Нагасаки свои вещи, а затѣмъ самому съ сослуживцами, тайно отъ японцевъ, уѣхать въ Шанхай, откуда уже не трудно было и доѣхать до Россіи.

— Къ сожалѣнію, мы этого сдѣлать не можемъ, т. к. имѣемъ приказъ нашего военного министра сдать всѣхъ плѣнныхъ комиссару, назначенному для этого вашимъ правительствомъ.

— Если это распоряженіе вашего военного министра, то могу ли я обратиться къ нему съ моей просьбой?

— Теперь вся ваша корреспонденція не будетъ подлежать цензурѣ и вамъ не возбраняется писать что угодно и кому угодно.

Хотя Кооно и увѣрялъ, что наша корреспонденція больше не будетъ подлежать цензурѣ, но нѣкоторые факты часто наводили меня на мысль, что это была ложь. Я думаю, что японская почта, раньше чѣмъ отправлять наши письма, передавала ихъ на просмотръ властямъ, а тѣ уже рѣшали, которыя изъ этихъ писемъ можно отправить, а которыя слѣдуетъ уничтожить. Я думаю это потому, что многія изъ моихъ писемъ, отправленные послѣ заключенія мира даже заказными—не дошли по адресу.

Возвратясь изъ управленія плѣнными, я сейчасъ же написалъ прошеніе японскому военному

министру, прося его разрѣшить мнѣ и моимъ помощникамъ немедленно уѣхать изъ Японіи на свой счетъ, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что мы были захвачены до войны, и вся обстановка, въ которой мы прожили все это время, слишкомъ тяжело отзывается на нашемъ здоровьѣ. Одновременно съ этимъ я послалъ телеграмму французскому посланнику въ Токио, прося его ходатайствовать о нашей просьбѣ передъ японскимъ военнымъ министромъ. Черезъ нѣсколько дней отъ министра я получилъ телеграмму съ отказомъ, а посланникъ ничего не отвѣтилъ.

Недѣли черезъ полторы переводчикъ Като сообщилъ мнѣ по секрету, что наши комиссары по приему плѣнныхъ, во главѣ съ генераломъ Даниловымъ, уже пріѣхали и находятся въ Кобе. Узнавъ объ этомъ, я немедленно послалъ консулу Фосарье де-Люси телеграмму съ уплаченнымъ отвѣтомъ, прося его уведомить меня о точномъ мѣстѣ жительства генерала Данилова и, въ свою очередь, попросить генерала: разрѣшить мнѣ съ моими помощниками на свой счетъ немедленно оставить Японію, доложивъ ему, что мы захвачены японцами еще до начала войны. На другой день я получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ будетъ видѣться съ генераломъ и постарается сдѣлать все, что возможно. Не получая никакого уведомления дня черезъ четыре я опять послалъ ему телеграмму съ уплаченнымъ отвѣтомъ, на что мнѣ было отвѣчено: „генераль уѣхалъ въ Токио“. Нечего и говорить, что не только я и мои помощники, но и всѣ плѣнные были возмущены подобнымъ отношеніемъ къ намъ того лица, которому было поручено русскимъ правительствомъ по возможности облегчать нашу горькую участь...

Рѣшивъ, во что бы ни стало, поскорѣе добиться возможности уѣхать изъ Японіи, я сейчасъ же телеграфировалъ мою просьбу генералу Данилову и въ Петербургъ, прося повліять, чтобы намъ немедленно разрѣшили возвратиться въ Россію.

Черезъ нѣсколько дней по объявленіи намъ о заключеніи мира мѣстные жители устроили благотворительное гуляніе въ пользу недостаточныхъ учащихся, какъ это дѣлалось ежегодно въ это время. Нѣкоторые изъ представителей мѣстнаго народонаселенія явились лично просить насъ принять участіе въ этомъ гуляніи. Находясь постоянно въ хорошихъ отношеніяхъ съ мѣстными жителями, мы приняли ихъ приглашеніе и помогли сборамъ, которые въ этотъ разъ превзошли всѣ ихъ ожиданія. Обыкновенно это гуляніе давало имъ чистаго сбора не болѣе 100 іенъ, благодаря же нашему участію оно дало имъ около 2500 іенъ. Послѣ этого мѣстные жители старались при каждомъ удобномъ случаѣ выразить намъ свои симпатіи. Всѣмъ явившимся на гуляніе японки прикалывали розетки, состоящія изъ двухъ скрещенныхъ маленькихъ флажковъ, японскаго и русскаго; но и въ этомъ случаѣ не обошлось безъ азіатскаго коварства: нашъ національный флагъ оказался обратныхъ цвѣтовъ, т. е. краснаго, синяго и бѣлаго. Когда японкамъ указали на это, то онѣ сдѣлали печальныя рожицы, какъ будто искренно сожалѣя объ этой ошибкѣ, хотя всѣ и были увѣрены, что это было сдѣлано умышленно, по совѣту какого нибудь мѣстнаго дипломата, занимающагося придумываніемъ всевозможныхъ пакостей, какъ обезьяны мелкихъ породъ, когда онѣ чувствуютъ полную безнаказанность за устраиваемыя ими всевозможныя пакости.

17 октября (30 октября по нов. стилю) я и все пленные офицеры получили пригласительные билеты, точную копию которых и привожу:

Милостивый Государь

Георгій Гаврилович!

Имѣю честь Васъ покорнѣйше просить пожаловать на пикникъ гуляніе, имѣющее быть въ „Саи-хин-канъ“. Гун-чю. 7-го ноября сего года.

Благоволите увѣдомить меня къ завтрашнему дню, если Вы въ этотъ день не будете располагать свободнымъ временемъ.

Прошу принять увѣреніе

въ моемъ уваженіи Полковникъ Кооно.

Начало въ 3 часа дня.

Въ случаѣ ненастной погоды пикникъ откладывается, о чемъ буду имѣть честь Васъ увѣдомить.

Форма какая угодно, просить не стѣсняться.

30 октября 1905 г.

въ г. Мацу-ямѣ.

Хотя, съ какою то затаенною цѣлью, и давался, какъ всегда, только одинъ день на размышленія, но всетаки все поголовно отказались отъ приглашенія. Это была вполне заслуженная полковникомъ Кооно пощечина. Даже мѣстные жители, узнавъ объ этомъ, чуть не ликовали, т. к. тоже ненавидѣли его. За что именно—положительно сказать не могу, но думаю, что были причины и, вѣроятно, очень серьезныя. Не играли ли тутъ главную роль 40% военного налога на все, продаваемое русскимъ пленнымъ, о которомъ мнѣ говорили многіе знакомые японцы?... Если это вѣрно, то благородство націи вполне сказывается въ этомъ хитроумномъ изобрѣтеніи...

Нѣкоторые японцы даже высказывали, что если бы это случилось лѣтъ 40—50 назадъ, и Кооно былъ самурай, то онъ долженъ былъ бы сдѣлать себѣ „харакири“. Ходили слухи, что японское правительство отпустило по 10 іенъ на каждаго плѣннаго, чтобы передъ отъѣздомъ мѣстный гарнизонъ и жители сдѣлали имъ прощальный обѣдъ; но Кооно взялъ все это на себя, а поэтому всѣ русскіе офицеры отказались, т. к. принимать личное приглашеніе Кооно никто не желалъ.

28 октября около полудня въ мою комнату влетѣлъ запыхавшійся Кириллъ съ сіяющей фیزیономіей, крича еще на лѣстницѣ: „Поздравляю!... Вамъ разрѣшено ѣхать!... Пожалуйте въ управленіе!...“ Взявъ двухъ рикшей, я съ Кирилломъ сейчасъ же помчался туда. Въ управленіи меня уже ожидалъ Кооно и также съ улыбкой заявилъ, что мнѣ и моимъ помощникамъ разрѣшенъ недѣльный отпускъ въ Кобе, при чемъ намъ предлагается взять съ собой всѣ свои вещи; если же намъ понадобится продолжить отпускъ, то просилъ телеграфировать ему, и онъ немедленно испроситъ продолженіе его. Поблагодаривъ его за пріятное извѣстіе и испросивъ разрѣшеніе взять съ собой Кирилла въ качествѣ переводчика, я поспѣшилъ домой, чтобы извѣстить моихъ помощниковъ объ этомъ радостномъ извѣстіи и заняться укупоркой своего имущества для дальнейшей дороги.

На другой день, около двухъ часовъ дня, мы выѣхали съ главной станціи Мацу-ямы по желѣзной дорогѣ, провожаемые почти всѣми плѣнными; многіе изъ японцевъ также пришли проводить насъ. Едва только тронулся поѣздъ, какъ грянуло такое „ура“, котораго я уже давно не слы-

халь. На промежуточной станціи, гдѣ поѣздъ останавливался на 1—2 минуты, насъ ожидалъ въ парадной формѣ полковникъ Кооно, который пришелъ проститься съ нами и пожелать счастливаго возвращенію на родину, при чемъ каждому изъ насъ предложилъ на память свою фотографію, прося и насъ прислать ему изъ Россіи свои фотографическія карточки. Въ Мицу-гахама мы должны были сѣсть на пароходъ, идущій въ Кобе, но т. к. онъ запоздалъ, то пришлось временно устроиться въ одномъ ресторанѣ, гдѣ мы и пообедали съ о. Сергіемъ Судзуки, пріѣхавшимъ благословить насъ на дальнюю дорогу и попрощаться съ нами. Ресторанъ этотъ былъ устроенъ почти на берегу моря, всѣ комнаты расположены покоемъ и, при помощи рѣшетокъ, оклеенныхъ японской бумагой, могли дробиться на мелкія, или обращаться въ большія залы. Большая часть внутренняго пространства между строеніями была обращена въ прудъ, наполненный морской водой, въ который напускалась рыба, пойманная сѣтями въ морѣ. Вылавливалась она особыми сачками, или желающимъ предлагали самимъ ловить ее удочками, при чемъ за каждую пойманную рыбу уплачивалось одинаково, была ли она большая или маленькая. Увлечшись этой ловлей, мы и не замѣтили, какъ прошло время. Напущенная въ прудъ рыба была очень разнообразна, но большинство ея все-таки было „тай“—лучшая японская рыба розово-золотистаго цвѣта, напоминающая нѣчто среднее между золотой рыбкой и морскимъ пѣтухомъ; величина ея иногда доходитъ до двухъ футовъ.

Въ 8 час. вечера мы переѣхали на пароходъ, который сейчасъ же снялся съ якоря и пошелъ

Средиземнымъ моремъ. Пароходъ былъ маленькій и отвратительно грязный, а пассажирскія помѣщенія настолько миниатюрны, что мы въ нихъ еле помѣщались, а въ особенности я, благодаря моему высокому росту. Будучи предупреждены Кирилломъ о миниатюрности 1-го класса, который представлялъ только маленькую рубку въ кормовой части парохода, безъ коекъ, но съ поломъ, покрытымъ циновками—мы уплатили за все помѣщеніе, но съ тѣмъ, чтобы туда больше никого не пускали. Несмотря на это, японцы потомъ продали билеты 1-го класса еще двумъ русскимъ офицерамъ, получившимъ временный отпускъ въ Кобе. Какъ ни разозлило насъ это нахальство япошекъ, но пришлось потѣсниться, чтобы уступить мѣсто товарищамъ по плѣну. Когда же ночью какіе то японцы также влѣзли къ намъ, то мы чуть не силой выгнали ихъ оттуда и при грозили имъ палками, если они вздумаютъ, пользуясь нашимъ сномъ, опять залѣзть въ наше помѣщеніе. Проснулись мы, собственно говоря, не отъ того, что они мѣшали намъ спать, а отъ ихъ специфическаго запаха. Чтобы это не повторялось, мы отправили Кирилла заявить капитану парохода: если онъ не приметъ мѣръ къ обузданію нахальства японцевъ, взявшихъ съ насъ плату за все помѣщеніе, а затѣмъ продающихъ билеты и другимъ для путешествія въ этомъ же помѣщеніи, то мы, по приходѣ въ Кобе, заявимъ объ этомъ не только полиціи, но и консулу. Эта угроза помогла, и нахальство япошекъ больше не повторялось.

30 октября послѣ полудня мы прибыли въ Кобе и остановились въ томъ же отелѣ, гдѣ жилъ генералъ Даниловъ, къ которому я и поспѣшилъ явиться. Генералъ принялъ меня очень любезно

и предложимъ мнѣ сейчасъ же получить у его помощника письменное разрѣшеніе на выѣздъ изъ Японіи, которое должно служить намъ видомъ до прибытія въ первое русское консульство, въ которомъ намъ уже выдадутъ настоящий паспортъ.

На рейдѣ въ это время стояло два парохода Добровольнаго Флота, предназначенныхъ для перевозки плѣнныхъ изъ Японіи во Владивостокъ. Побывавъ на этихъ пароходахъ и повидавшись со своими сослуживцами по Добровольному Флоту, я поспѣшилъ къ себѣ въ отель, чтобы узнать, когда идетъ пароходъ въ Европу, и затѣмъ заpastись билетами для предстоящаго путешествія, рѣшивъ ѣхать моремъ, а не черезъ Сибирь, т. к. считалъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, первый путь болѣе скорымъ, да кромѣ того у насъ не было хорошаго теплаго платья для путешествія по сибирской желѣзной дорогѣ. Хотя нѣкоторые и увѣряли меня, что поѣздка моремъ потребуетъ больше времени, но въ результатѣ вышло по моему. Днемъ раньше меня изъ Кобе уѣхалъ адмиралъ Рождественскій, чтобы возвратиться черезъ Владивостокъ, но, благодаря безпорядкамъ и разнымъ задержкамъ, пріѣхалъ въ Петербургъ чуть не мѣсяцемъ позже, чѣмъ я въ Одессу.

Придя въ отель, я засталъ тамъ ожидавшаго меня Кирилла, который уже зналъ, что намъ выданы генераломъ Даниловымъ разрѣшенія на выѣздъ изъ Японіи. Это меня очень удивило, такъ какъ я еще не успѣлъ этого сообщить даже Рыбакову, куда то ушедшему въ городъ. На мой вопросъ: откуда онъ это узналъ? я получилъ отъ него какой-то уклончивый отвѣтъ. Видимо не желая отвѣчать на мой вопросъ, онъ поспѣшилъ прибавить, что совѣ-

туеть мнѣ сейчасъ же побывать у одного японскаго полковника, иначе насъ не выпустятъ изъ Японіи, или будутъ дѣлать разныя задержки, если не въ Кобе, то въ Нагасаки, куда мы зайдемъ по пути въ Шанхай. Считая себя теперь уже неподвѣдомственнымъ японскимъ властямъ, первое, что я сдѣлать, послалъ къ чорту Кирилла съ его японскимъ полковникомъ, заявивъ, что у меня теперь имѣется разрѣшеніе на выѣздъ, выданное уполномоченнымъ комиссаромъ Россійской Имперіи, а потому я знать не хочу японскаго полковника; но Кириллъ все больше и больше уговаривалъ меня поѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ этому полковнику, и тогда у насъ не будетъ никакихъ задержекъ; по его словамъ, эта церемонія займетъ не болѣе получаса. Подумавъ немного, я согласился съ Кирилломъ, по опыту зная, на какія пакости способны японцы, если ихъ погладить противъ шерсти. Не заставляя себя больше уговаривать, я немедленно поѣхалъ съ Кирилломъ къ полковнику и, едва только передалъ ему мою карточку, онъ сейчасъ же принялъ меня и поздравилъ съ возвращеніемъ на родину, заявивъ, что я и мои товарищи можемъ свободно уѣзжать, такъ какъ съ его стороны будетъ оказано все, чтобы намъ нигдѣ не было сдѣлано какой нибудь задержки. Кто былъ этотъ полковникъ и какую должность онъ занимать — узнать отъ Кирилла я не могъ, но едва только мы вышли отъ него, какъ Кириллъ съ сіяющей фізіономіей началъ поздравлять меня съ полнымъ освобожденіемъ изъ плѣна. Что все это значило — понять я никакъ не могъ, а Кириллъ упорно не желалъ отвѣчать на мои вопросы, касающіеся этой формальности.

1-го ноября вечеромъ мы выѣхали изъ Кобе въ

Шанхай на пароходѣ Сѣверо-Германскаго Ллойда „Саксенъ“. Въ этотъ день должны были выйти и два парохода Добровольнаго Флота съ плѣнными во Владивостокъ, но произошла задержка въ посадкѣ плѣнныхъ, такъ какъ японцы, мало того, что употребляли всѣ старанія на анти-правительственную пропаганду между плѣнными, но, вѣроятно, желая и полюбоваться плодами своихъ трудовъ, послѣдніе два эшелона плѣнныхъ, которые были привезены въ Кобе по желѣзной дорогѣ, напоили пьяными и въ такомъ видѣ доставили въ портъ, для передачи русскимъ властямъ и посадки на пароходы. Предполагать, что японцы не досмотрѣли за ними, было бы наивно, зная бдительность ихъ полиціи и строгій порядокъ, который они постоянно поддерживали между плѣнными. Да, наконецъ, откуда у плѣнныхъ могли взяться деньги, чтобы понапиваться пьяными? Я думаю, что это было устроено самими японцами, чтобы перепившіеся плѣнные, предварительно развращенные нелегальной литературой, сейчасъ же по отдачѣ ихъ въ вѣдѣніе русскихъ властей, произвели безпорядки. Это и случилось на другой день по выходѣ пароходовъ съ плѣнными въ море. Безпорядки приняли такіе размѣры, что пришлось прибѣгнуть къ вооруженной силѣ японцевъ, которые любезно и поспѣшили съ нею, ликуя въ душѣ, что представляется еще разъ возможность нанести нравственное оскорбленіе своему врагу—Россіи, предавъ гласности недостойное поведеніе ея недостойныхъ сыновъ. Плѣнные, возвращаясь къ себѣ на родину еще разъ запятнали имя русскаго солдата передъ японцами, ненавидящими вообще европейцевъ, а русскихъ въ особенности, хотя и не побѣдившихъ ихъ, но давшихъ имъ хорошій урокъ,

котораго въ Японіи долго не забудутъ и, благодаря которому, они прекрасно понимаютъ, что теперь имъ будетъ уже не такъ легко грабить материкъ Азіи, дѣлая на него свои разбойничьи набѣги, какъ это имъ удавалось въ прежніе вѣка.

Когда завѣдующему посадкой было предложено принять эти пьяные эшелоны, то онъ категорически отказался исполнить это, впредь до приведенія ихъ въ трезвое состояніе. Такой категорическій отказъ, да еще письменно подтвержденный высшимъ японскимъ властямъ, произвелъ очень непріятное впечатлѣніе на японцевъ, такъ какъ они сразу падаютъ духомъ при категорическихъ заявленіяхъ, если же замѣчаютъ хотя признаки нерѣзультативности, то нахальству ихъ нѣтъ предѣловъ. Ненавидя евреевъ, они многими чертами своего характера напоминаютъ ихъ.

Передъ самымъ отходомъ парохода, ко мнѣ пришелъ чиновникъ изъ французскаго консульства передать поздравленіе отъ Фосарье де-Люси съ возвращеніемъ на родину и выразить удивленіе, что я, будучи въ Кобе, не зашелъ къ нему. Въ отвѣтъ на это я просилъ чиновника передать г. Фосарье мою благодарность за поздравленіе; что же касалось причинъ, заставившихъ меня уклониться отъ визита къ нему, то я просилъ его передать консулу, что, просто, боялся затруднять его, зная по опыту, какъ онъ дорожитъ временемъ, котораго у него даже не хватало на то, чтобы отвѣтить мнѣ на очень важныя для меня телеграммы.

По приходѣ въ Нагасаки, когда я стоялъ на палубѣ, ко мнѣ подошелъ японскій полицменъ и спросилъ: не я ли Селецкій? На мой отвѣтъ— „нѣтъ“! онъ громко расхохотался и, указывая мнѣ

на Кисимова и Рыбакова, назвалъ ихъ фамиліи, добавивъ, что онъ получилъ распоряженіе оказывать намъ содѣйствіе во всемъ, въ чемъ мы нуждаемся. На это я ему отвѣтилъ: единственное, въ чемъ мы нуждаемся—это, чтобы японцы оставили насъ въ покоѣ и не приставали къ намъ съ сочувствіемъ, утѣшеніемъ и любезностями, которыя намъ страшно надоѣли. Опять глупо расхохотавшись, онъ куда то исчезъ. Когда я съѣхалъ на берегъ за нѣкоторыми покупками, то первое время видѣлъ его одѣтымъ въ кимоно и издали слѣдившимъ за мной.

Вечеромъ, выйдя изъ Нагасаки и пройдя островъ Папенбергъ, съ вершины котораго японцами, если не ошибаюсь, въ XVI вѣкѣ, послѣ разныхъ мученій, были сброшены въ море голландскіе миссіонеры, которымъ они передъ этимъ оказывали радужное гостепріимство, мы, пославъ Японіи, за все нами перенесенное, самыя искреннія пожеланія, сняли шляпы и перекрестившись, поблагодарили Господа за освобожденіе изъ заточенія у коварнѣйшихъ азіатовъ, ненавидящихъ европейцевъ по старающихся льстить имъ на каждомъ шагу, чтобы заглушить въ нихъ чувство осторожности, необходимое для борьбы съ этимъ мелкимъ, но сплоченнымъ въ плотную массу народомъ. Эта сплоченность и дѣлаетъ ихъ въ глазахъ европейцевъ сильными и трудно побѣдимыми, такъ какъ сами европейцы, а въ особенности мы—славяне, несмотря на массу жестокихъ уроковъ, не можемъ прекратить внутреннихъ раздоровъ, часто основанныхъ на мелкомъ честолюбіи и эгоизмѣ отдѣльныхъ лицъ.

Заключеніе.

Прибывъ въ Шанхай, мы сейчасъ же съ „Саксена“ перебрались въ городъ, гдѣ я долженъ былъ получить паспорта, подать протестъ нашему консулу о неправильномъ захватѣ парохода „Екатеринославъ“ и о понесенныхъ нами, благодаря этому захвату, убыткахъ. Какъ я ни хлопоталъ впослѣдствіи, чтобы мнѣ были возмѣщены убытки за конфискованную у меня японцами прекрасную коллекцію охотничьяго оружія, но въ этомъ Добровольный флотъ отказалъ, также какъ и въ выдачѣ денежнаго пособія мнѣ и моимъ помощникамъ, какое выдавалось, возвращающимся изъ плѣна офицерамъ, военнымъ и морскимъ министерствами.

Ту вакханалію, которая происходила въ Шанхай во время войны и нѣкоторое время послѣ нея, описывать я нахожу лишнимъ, такъ какъ о ней уже писалось не мало. Тамъ я встрѣтилъ нѣсколькихъ родственниковъ извѣстнаго „короля востока“ М. А. Гинсбурга, которые здѣсь оперировали все время войны, наживая громаднѣйшія деньги предложеніемъ представителямъ русскаго правительства своихъ дорогихъ услугъ, не принесшихъ никакихъ положительныхъ результатовъ, если не считать одного парохода съ мукой, прорвавшагося передъ самымъ концомъ осады въ Портъ-Артуръ. Пароходъ этотъ былъ посланъ Натаномъ Месомъ, роднымъ братомъ Гинсбурга, но носящимъ, по его словамъ, свою настоящую фамилію. Ходили слухи, будто бы на этотъ прорывъ блокады сами японцы дали согласіе, прекрасно зная, что на этомъ пароходѣ не везлись боевые припасы, а также, будучи,

какъ говорится, по горло сыты захватами блокадопрорывателей, направляемыхъ въ Артуръ и Владивостокъ разными юркими предпринимателями, дѣлавшими это, по всей вѣроятности, не изъ симпатіи къ Россіи, а изъ какихъ-нибудь другихъ цѣлей, приносившихъ имъ лично, конечно, не убытки.

Пробывъ 5 дней въ Шанхаѣ, въ ожиданіи идушаго въ Европу парохода, 11-го ноября мы выѣхали оттуда на пароходѣ Мессажери Маритимъ „Туранъ“, на которомъ, какъ и на „Саксенѣ“, было не мало японцевъ между пассажирами. Всѣ эти японцы старались заводить знакомства съ пассажирами и лѣзть къ нимъ въ дружбу, узнавая: кто, куда и зачѣмъ ѣдетъ. Были съ ихъ стороны попытки завести и со мной знакомство, но я рѣзко давалъ имъ понять, что этого не желаю. Особенное мое вниманіе обратилъ на себя японецъ—пассажиръ I-го класса, ѣдущій съ женой въ Ліонъ, открывать тамъ банкирскую контору. Довольно было моего поверхностнаго взгляда, чтобы сразу узнать въ немъ военнаго. Сколько мнѣ помнится рекомендовался онъ подѣ фамиліей Оно. На другой же день нашего плаванія на „Туранѣ“, выйдя къ первому завтраку (бреквестъ), онъ сдѣлалъ попытку познакомиться со мной, но я ее принялъ такъ холодно, что разъ навсегда отбилъ у него охоту къ этому. Въ этотъ же день я замѣтилъ его поздно вечеромъ на кормѣ парохода, оживленно разговаривавшимъ съ какимъ то китайцемъ въ европейскомъ костюмѣ. Дня черезъ два по выходѣ изъ Шанхая, когда я сидѣлъ на палубѣ и что-то читалъ, рядомъ со мной усѣлся китаецъ въ европейскомъ костюмѣ, шедшій пассажиромъ 2-го

класса, и, какъ мнѣ показалось, именно тотъ, съ которымъ ночью разговаривалъ Оно. Едва только я прекратилъ чтеніе и досталъ папиросу, чтобы закурить, китаецъ сейчасъ же обратился ко мнѣ съ какимъ то вопросомъ на русскомъ языкѣ; я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, ничего не говоря, но онъ продолжалъ говорить не останавливаясь, сообщивъ, что его зовутъ Чанъ и онъ ѣдетъ въ Россію. Прислушиваясь къ его акценту, я обратилъ вниманіе, что онъ плохо выговариваетъ букву „л“, а потому у меня блеснула мысль: не японецъ ли это съ опущенной косой? Всматриваясь въ черты его лица, я еще больше убѣждался въ этомъ и продолжалъ молча смотрѣть на него. Когда же онъ сказалъ мнѣ: „Позвольте мнѣ быть знакомымъ съ вами“. То я коротко отвѣтилъ ему: „Убирайся вонъ, макака!“ Этого было достаточно, чтобы онъ моментально принялъ цвѣтъ лимона, и глаза его забѣгали, какъ у пойманной мыши. Онъ началъ было увѣрять меня, что онъ китаецъ и ненавидитъ японцевъ, но я, повторивъ ему мое привѣтствіе, всталъ и ушелъ. Не думаю, чтобы я ошибся!

Когда мы 15 ноября пришли въ Гонгъ-Конгъ, на пароходъ, въ числѣ другихъ постороннихъ лицъ, предлагающихъ разныя услуги, явился и одинъ японецъ, оказавшійся моимъ старымъ знакомымъ по Нагасаки, котораго наши матросы называли Яшкой. Увидавъ меня, онъ сейчасъ же подбѣжалъ ко мнѣ, поздравляя съ возвращеніемъ домой. Замѣтивъ, что раньше онъ разговаривалъ съ Оно, я, указавъ ему на Оно и спросилъ: „Это поручикъ вашей артиллеріи?“ На это онъ, какъ бы обидѣвшись, сейчасъ же поспѣшилъ отвѣтить: „Какой поручикъ? Это полковникъ генеральнаго штаба!“

Если бы у насъ надзоръ за проживающими въ Россіи японцами и китайцами былъ лучше, то я увѣренъ, что подобныхъ открытій и у насъ, сдѣлано было бы не мало.

Ненависть японцевъ и вообще всей желтой расы къ европейцамъ, а въ особенности къ намъ русскимъ—безгранична. Многіе это прекрасно знаютъ, но почему то японская лесть и услужливость часто затуманиваютъ у моихъ соотечественниковъ чувство осторожности, и они, какъ бы загипнотизированные, поддаются мысли, что японецъ можетъ быть другомъ русскому.

Совѣтую всѣмъ моимъ соотечественникамъ при сношеніяхъ съ желтой расой, а въ особенности съ японцами, никогда не забывать начала этой войны и случай съ капитаномъ Головинымъ въ началѣ прошлаго столѣтія, прекрасно описанный въ его книгѣ „Въ плѣну у японцевъ“, которые мало чѣмъ измѣнились съ того времени, т. к. культура, привитая имъ княземъ Ито, измѣнила ихъ нравственность настолько, сколько фразъ можетъ измѣнить нравственность человѣка отъ природы грубаго и лукаваго, и при этомъ совершенно не воспитаннаго.

Кромѣ всего этого, рекомендую находящимся подъ гипнозомъ японцевъ никогда не забывать вѣками выработанной истины: „Избави меня Господи отъ друзей, а отъ враговъ я самъ избавлюсь“, т. к. результаты дружбы съ японцами несравненно опаснѣе, чѣмъ открытая вражда съ ними.

Конецъ.

reg 4-65a

